ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

ИНСТИТУТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

ГБОУ ВПО «БАШКИРСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
И УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН»

АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА И ОПЫТ ЛЕВЫХ СИЛ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

15–16 июня 2015 года

г. Уфа,
Республика Башкортостан,
Российская Федерация

УДК 327
ББК 66.4(0)
А72

Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ

Ответственный редактор:

Антикризисная политика и опыт левых сил : сборник материалов Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого, А. В. Очкиной, И. В. Фроловой. – Уфа : БАГСУ, 2015. – 222 с.
А72
ISBN 978-5-4457-0080-7

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Антикризисная политика и опыт левых сил» (15–16 июня 2015 года). Рекомендуется ученым, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также всем, интересующимся проблемами общественных наук.

Сборник подготовлен при финансовой поддержке Фонда Розы Люксембург.

ISBN 978-5-4457-0080-7 © ГБОУ ВПО «БАГСУ», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово …… 5

Раздел I. КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА (В ОППОЗИЦИИ И ВО ВЛАСТИ)…..... 7

Кагарлицкий Б. Ю. ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ МИРА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ЛЕВЫХ…….. 7

Гэлбрейт Дж. ДРАМА ГРЕЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ…… 10

Айала И. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В ЕВРОПЕ: ИСПАНСКИЙ ОПЫТ…… 12

Барабанов О. Н. НОВАЯ ПРОГРАММА ВАЛДАЙСКОГО КЛУБА «ЛЕГАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ» И ВЫБОР СТРАТЕГИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ…. 27

Очкина А. В. СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ……. 30

Манолов Г. Л. ПАРТИЙНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ В БОЛГАРИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА……..... 45

Кларк Р. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИЗИСУ: ОПЫТ АВСТРАЛИИ И ДЕБАТЫ ВНУТРИ ЛЕВЫХ……. 54

Ирхин Ю. В. ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА (ОПЫТ КНР И КПК)…… 60

Савичев В. Л. ВЛИЯНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА НА ЛЕВЫЕ ИДЕИ…….. 67

Раздел II. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН…… 76

Дорожкин Ю. Н. ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: СПЕЦИФИКА, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ……... 76

Латыпов Р. Ф. ЛЕВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РУССКОГО КОММУНИЗМА……... 80

Шкель С. Н., Шакирова Э. Н. ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ…….. 86

Целищев А. О. ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 ГГ. …… 101

Коряковцев А. А. КРИЗИС КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ……... 113

Евдокимов Н. А. ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ…… 118

Севастьянов С. А. ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА «ЛЕВЫХ» ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ТРАДИЦИИ И СПЕЦИФИКА…… 123

Заманова Л. Б. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН……. 126

Раздел III. КРИЗИС КАК ШАНС ДЛЯ РОССИИ: ВЫЙТИ ИЗ КОЛЕИ ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ……... 133

Лаврентьев С. Н. РЕАКЦИЯ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС…… 133

Касимов Т. С. КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ…….. 137

Бердин А. Т. ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ЛЕВАЯ МЫСЛЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)……... 145

Вахитов Р. Р. ОБМАН ИЛИ ПОДКУП? О ПРИЧИНАХ СТАБИЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО РОССИЙСКОГО РЕЖИМА……. 154

Прокофьева Д. В. ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ…… 161

Арпентьева М. Р. ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАННИБАЛИЗМА В РОССИИ……. 167

Григорьев Д. И. СОВЕТСКИЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПЛАНИРОВАНИЯ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ?..... 179

Зулькарнай И. У. РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ В РОССИИ: ПРАВОЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА?..... 180

Искалиева М. С. ПРОФСОЮЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ИХ РОЛЬ……. 186

Яппарова Р. Р. ОСОБЕННОСТИ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ…… 191

Скрябина Я. А. ДУХОВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ……. 199

Ширяков Д. В. КРИЗИС 2014 ГОДА В РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ... 206

Шаяхметов А. М. ФЕНОМЕН МНОГООБРАЗИЯ ТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА НА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БЫВШЕГО СССР……..... 211

Информация об авторах……. 220

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тина Фарни, руководитель Филиала
Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации

Проблематика конференции «Антикризисная политика и опыт левых сил» является очень актуальной, причем уже достаточно долгое время. Как представитель Фонда Розы Люксембург – «левого» фонда, центральный офис которого находится в Федеративной Республике Германия, – вынуждена признать, что поиск различных альтернатив современного и будущего развития – это едва ли не «вечная» тема для «левых». В то время как анализ проблем, как правило, получается неплохо, с конкретными альтернативами дело обстоит гораздо слабее. Но сегодня все ожидают от «левых» не только аналитических выкладок по текущей ситуации и поиска путей выхода из стоящих перед нами проблем, но и конкретных предложений о том, как преодолеть кризис, выработки альтернативы текущему кризисному состоянию в обществе.

В чем проблема? Почему «левые» не могут добиться гегемонии и обрести такое влияние, чтобы на его основе строить новое общество? Простых ответов на этот серьезный вопрос не существует. Именно поэтому общество настроено так, как мы это видим сейчас. Мы априори исходим из того, что человек – это трудящийся и целиком зависит от экономики, хотя, может быть, он всё-таки нечто иное. Недавно мне задали вопрос: «На что ориентированы современные «левые» в Европе? Исключительно на решение сиюминутных проблемных вопросов, которые стоят перед нами сегодня, или больше направлены на то, чтобы имплементировать, внедрять новые подходы в интересах понастоящему успешной жизни и развития человечества?». Уверена, что многие российские и зарубежные участники конференции дадут собственный ответ на этот вопрос.

В то время как основные общественные блага, например, образование и здравоохранение, доступны лишь очень небольшой части человечества, левые, кажется, по большому счету готовы смириться с нынешнем мировым порядком и вписаться в повестку социальной, как максимум, рыночной экономики. И опыт Греции, и дискуссии вокруг массовых потоков беженцев показывают, что европейским левым не хватает ни смелости, чтобы найти альтернативные решения, позволяющие им отказаться от требований политического либерально-консервативного истеблишмента, ни собственных предложений для решения крупнейшего гуманитарного вопроса, требующего солидарной кооперации между странами-членами ЕС.

Вместо этого и европейские, и «постсоветские» левые заняты теоретическими дискуссиями, взаимным отмежеванием друг от друга разных группировок и микродвижений, а консолидированные предложения, хотя бы с мини-

мальным общим ракурсом, практически не выдвигаются. Кажется, нет даже поисков общего языка. Что им (или нам) мешает сосредоточиться на классических требованиях общедоступного и качественного образовании и здравоохранения? Можно сослаться на менее популярную, но более актуальную часть Пакта о правах человека – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 года. Он ратифицирован почти всеми странами, кроме США, и этот факт, кстати, мог бы оказаться полезным на фоне нынешней ситуации в международной политике. Право на труд, на создание профсоюзов, право на социальное обеспечение, питание, одежду, жилье, право на здоровье и на бесплатное образование продолжают быть весьма достойными, существенными и актуальными требованиями. Да, это не ново, но договариваться об этом можно и нужно.

Дело, к сожалению, в том, что под грузом сегодняшних проблем абсолютно новую систему внедрить вряд ли удастся. Люди не готовы к чему-то новому, что понятно, если вспомнить, какие кризисы у них позади. Все это ещё слишком свежо и болезненно и заслоняет поиск нового, может быть, утопического. И все же выражу надежду: человечество готово к переменам. Это и моя личная надежда на сегодняшний день. Именно здесь, в прекрасном городе Уфе, хотелось бы услышать новые идеи и подходы к этой теме. Желаю всем приятных дискуссий и интересных выводов.

Уфа, 15 июня 2015 года

Раздел I.
КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ЛЕВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА (В ОППОЗИЦИИ И ВО ВЛАСТИ)

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ МИРА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ЛЕВЫХ

Б. Ю. Кагарлицкий

TURNING POINT FOR THE WORLD, HISTORIC CHALLENGE FOR THE LEFT

B. Kagarlitsky

Аннотация: Статья посвящена анализу современного состояния левого движения в мире. Автор делает вывод о необходимости учета идей ранних советских экономистов, коммунистов-реформаторов, «левой» социал-демократии, которые уже в 1970-е годы предлагали выход за пределы старой модели социальных государств.

Ключевые слова: кризис капитализма, социал-демократия, неолиберальная модель.

Abstract: This article analyzes the current state of the left movement in the world. The author concludes that the need to consider the ideas of the early Soviet economists, reform communist, «left» social democracy, which is already in the 1970 years, offers a way out beyond the old model of the welfare state.

Key words: the crisis of capitalism, social democracy, neoliberal model.

Сегодня мы переживаем очень серьезный кризис, причем одни говорят, что это кризис капитализма, другие – что это кризис его неолиберальной модели, то есть той модели капитализма, которая начала утверждаться в США и Западной Европе в 1970–80-х годах и на первых порах представляла собой реванш буржуазии по отношению к социальному государству, рабочему движению, социал-демократии. Иными словами, это была попытка демонтировать структуры, созданные в процессе развития социальных государств в XX веке – в целях повышения эффективности капитала, снижения издержек, увеличения мобильности капитала и преодоления тех кризисных явлений, которые наметились в Европе в конце 70-х годов прошлого века.

Модель «кейнсианского» регулирования социального государства в этот период столкнулась с достаточно серьезными проблемами, связанными с инфляцией, со снижением темпов роста и т. д. В известном смысле, эти проблемы, как и в случае с СССР, были порождены не слабостями изначального подхода, а наоборот, его очевидным успехом. Решив проблемы, стоявшие перед европейскими обществами после Второй мировой войны, система регулируе-

мого капитализма, как и советская система, которая к тому времени стала гордо называть себя «реальным социализмом» (в противовес марксистским теоретическим представлениям о социализме, с которыми она, увы, далеко не во всем совпадала), столкнулись с необходимостью перехода на новый уровень развития, с новыми проблемами и противоречиями, порожденными их же успехом. В частности, повсюду бурно рос средний класс, он рос именно на фоне политики повышения жизненного уровня трудящихся, проводившейся как на Востоке, так и на Западе, но в любом случае его потребности и интересы уже не совпадали с тем, что предлагало социальное государство старого типа. Это недовольство среднего класса было использовано правыми как своего рода психологическое горючее, с помощью которого вскоре был запущен механизм неолиберальных контрреформ.

Этот процесс начался в 80-х годах двадцатого столетия в наиболее развитых странах Запада. Постепенно в Европе и США нарастал буржуазный реванш в плане демонтажа социально-политических преобразований, достигнутых в первой половине века. Он расширялся географически – сначала охватил Латинскую Америку, затем страны Африки и Азии; параллельно происходил распад Советского Союза и весь восточно-европейский блок социализма стал своего рода заповедником неолиберализма, где эта модель не просто торжествовала, а существовала в самых крайних и бескомпромиссных формах.

При этом необходимо отметить, что глубина процессов постоянно увеличивалась. Те явления, которые надеялись преодолеть с помощью неолиберальных реформ, не были преодолены, а, напротив, стали нарастать. При этом общие показатели мирового развития ухудшились. Если обратиться к статистике, можно увидеть удивительные данные – в периоды усиления социализма мировая торговля росла быстрее в среднесрочной перспективе, потому что общий мировой экономический рост шел динамичнее и его плоды распределялись более равномерно, росло потребление товаров.

Это доказывает, что неолиберальная модель не работает так, как это было обещано. Главная проблема, которая решалась, – проблема классовой борьбы, но со стороны капитализма. Иными словами, это был реванш капитала над трудом: капитал сделал слишком большие уступки труду; соответственно, в 1980-е, 1990-е и 2000-е годы происходит обратный процесс, и именно это было главной сущностью неолиберализма. А все вопросы свободной торговли, дебюрократизации – это лишь вербальное, дискурсивное оформление этого процесса.

Обратим внимание, что существует две точки зрения на кризис капитализма. Первая его трактовка – как кризиса общесистемного – отразилась в концепции Иммануила Валлерстайна, констатирующей, что существующая «мир-система» подходит к концу. Другая точка зрения была выражена учеником Валлерстайна – Георгием Дерлугьяном, который утверждал, что задача современных реформ состоит в спасении капитализма от неолиберализма. Согласно его позиции, нужны перемены, «левый» поворот. Важно отметить, что

на данный момент тактические и политические различия между этими, на первый взгляд, диаметрально противоположными точками зрения не так велики, как кажется. В обоих случаях вектор все равно указан один и тот же. И тут возникает ряд закономерных вопросов – а так ли эти позиции альтернативны друг другу? Откуда вообще появился неолиберализм? В значительной мере неолиберализм появился вследствие того, что правящие элиты Запада почувствовали: развитие социального государства на определенном этапе начинает преодолевать капитализм как таковой. Именно поэтому, на наш взгляд, неолиберализм нельзя преодолеть, не затрагивая так или иначе основ капитализма как системы.

В настоящее время одним из актуальных вопросов является поиск надежных альтернатив советской модели. Если кто-то думает, что кризис капитализма автоматически приводит к тому, что мы можем прыгнуть в свободное коммунистическое общество, то их ждет разочарование. Сейчас речь идет скорее о мерах переходного характера, то есть мерах, которые могут изменить систему, но не сотворить для нас новую и уже готовую. Нас ждет достаточно длительный и болезненный путь социальных трансформаций. Нельзя вернуться к социал-демократии 60-х годов XX века. Но невозможно и вернуться к советской модели тех же 60-х годов XX века, хотя это был «золотой век» СССР.

Иными словами, и на Западе 60-е годы XX века были «золотым веком», и в советской России тоже – даже в плане личной свободы, которая расширялась стремительно. Но значит ли это, что мы не можем использовать тот опыт? Ответ очевиден: конечно можем. Нужно очень внимательно изучать наследие Дж. М. Кейнса, надо изучать дискуссии, которые велись в 60-е годы прошлого столетия сторонниками рыночных реформ. Накоплен целый арсенал идей – к примеру, это идеи ранних советских экономистов времен НЭПа, идеи коммунистов-реформаторов, «левой» социал-демократии, которые уже в 1970-годы предлагали выход за пределы старой модели социальных государств. Вопрос состоит не в том, чтобы их технически скомбинировать, а в том, чтобы возник политический социальный субъект, способный их осуществить. И тогда, соответственно, под этим субъектом подбираются подходящие модели.

Если рассматривать сегодняшний кризис в Западной или Южной Европе, становится понятно, что даже социальная ситуация в Греции и Испании разная. Греция – это мелкобуржуазная страна, где значительная часть населения занимается мелким бизнесом, это не страна индустриального пролетариата, в ней нет традиций рабочего движения. Там левые силы смогли создать новое движение, но оно оказывается популистским, не чисто классовым; это более широкое движение. Поэтому вопрос стоит о выработке не только социально-экономической модели, но и политической.

Я думаю, что речь идет о необходимости преодолеть кризис за счет радикального расширения общественного сектора, включая ренационализацию целого ряда отраслей, которые были приватизированы, в том числе – в сфере

производства. Никакой новой модели сразу после кризиса в готовом виде не возникнет. Более того, мы не можем просто делать ставку на расширение потребления, то есть увеличить рост за счет еще большего потребления, поскольку общество и так находится на его пике. Необходимо, чтобы спрос создавался за счет науки, образования, здравоохранения, социальных структур и т. д. Это принципиально другая модель, которая вполне возможна и, более того, запрос на такую модель существует именно в России.

Неолиберализм в России опирался на одновременное «проедание» как советского индустриального наследия, так и объективно имеющихся минеральных ресурсов, которые не просто подарены природой, а они найдены советской геологоразведкой. Неолиберализм на Западе тоже «проедал» некоторые достижения социального государства, например, государственные научные программы. Поэтому вопрос о новой модели для России стоит наиболее остро. Нужна дискуссия не о ценностях, а о социальных интересах Нужна дискуссия не о ценностях, а о социальных интересах и внешней политике.

ДРАМА ГРЕЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Дж. Гэлбрейт

THE GREEK DRAMA: A CLOSE OBSERVATION

J. Galbraith

Аннотация: Статья затрагивает некоторые аспекты программы греческого правительства по преодолению тяжёлого экономического положения, а также непреодолимые проблемы, с которыми сталкивается руководство страны при её реализации.

Ключевые слова: Греция, Международный валютный фонд, Еврозона, Европейский союз, экономический кризис, международные займы.

Abstract: The article is about 5some aspects of the program of the Greek government to overcome the difficult economic situation, as well as the insurmountable problems faced by the country's leadership in crisis implementation.

Keywords: Greece, the International Monetary Fund, Eurozone, European Union, the economic crisis, international loans.

Несколько дней я провел в Греции, работая бок о бок с министром финансов Янисом Варуфакисом, прикладывая усилия по изменению вектора экономической политики в Европе. Правительство Греции, избранное 25 января 2015 года, представило фундаментальные изменения политического развития страны, включающие программу по ликвидации катастрофических последствий кредитных займов, взятых 5 лет назад, в 2010 году, что, в свою очередь, стало следствием многолетних менеджерских ошибок прежних политических

партий и сил. Новое греческое правительство столкнулось лицом к лицу с тем, что не было никакой уверенности в восстановлении того экономического базиса, который необходим внутри Еврозоны и Европы в целом.

Никто не может утверждать, окажутся ли эти улучшения возможными, однако очевидно, что неизбежно столкновение значительных сил, стоящих за прежнюю политику, с новыми силами. Невзирая на имеющиеся трудности, нам необходимо было вступить в переговоры. 20 февраля 2015 нас ожидал первый значительный успех, когда кредиторы согласились предоставить четырехмесячную отсрочку, во время которой могли бы идти переговоры. Спустя 4 месяца многое стало очевидным. Во-первых, то, что кредиторы занимают важнейшее место в руководстве Международным валютным фондом, Европейским центральным банком, Европейской комиссией. Более того, они стоят за спинами ведущих стран Еврозоны, особенно Германии и Франции.

Эти кредиторы не стремятся вырабатывать какую-либо позицию, за исключением имеющегося меморандума о взаимопонимании. Переговоры о новой стратегии, которые они ведут, состоят из предложений выработать программу по предоставлению ещё большего количества уступок. Однако они моментально отвергают подобные программы, как только получают их от нас, мотивируя это тем, что экономические условия ухудшились и требуется произвести небольшие изменения в расчётах. В итоге кредиторы никак не меняют текущие условия.

Во-вторых, Европейский центральный банк проводит политику, направленную не на скорейшее восстановление греческой экономики, а на фиксацию ее состояния. Финансовая составляющая этой политики находится в рамках неохотной и ограниченной поддержки, оказываемой Европейским центральным банком для поддержания ликвидности греческой банковской системы, что демонстрирует психологию осторожности. Вместе с тем, происходит вывод средств из греческой банковской системы.

В-третьих, в СМИ осуществляется кампания с целью представить новое греческое правительство как не исполняющее свои обещания. И это – несмотря на документированные правительством и легко проверяемые факты, многочисленные и повторяющиеся признания подтверждения сомнительных экономических преимуществ жесткой экономии, которую советуют проводить многие экономисты.

И, в-четвертых, становится очевидным, что существует значительное количество противоречий между самими кредиторами и, в частности, Международным валютным фондом и европейцами по вопросу необходимости реструктуризации долга. МВФ оправданно, на наш взгляд, соглашается на его реструктуризацию, а европейцы ошибочно настаивают, что это невозможно. По существу, подобное разделение осложнило ситуацию настолько, что ведение настоящих и успешных переговоров стало практически невозможным.

Между тем, за эти 4 месяца Греция последовательно выполняет свои обязательства, демонстрируя динамику по уменьшению денежных резервов, в связи с чем мы сейчас в большей степени подвержены трудностям, чем это было 4 месяца назад. Сейчас переговоры окончены и настала самая трудная фаза. На этой неделе мы ожидаем давление на банковскую систему, которая бы позволила Европейскому центральному банку контролировать движение капитала банковской системы Греции. Также мы ожидаем в предстоящий четверг ультиматум от группы европейских министров финансов. В скором времени греческое правительство вынуждено будет принять соглашение, иначе с 30 июня 2015 года Греция перестанет получать платежи от МВФ.

Это означает начало конца Европы. Это решение полностью зависит от наличия или отсутствия подписей кредиторов. Греция, хорошо или это плохо, сохраняет свой мандат и не собирается сдавать позиции внутри ЕС так долго, насколько это возможно. Марио Драги, президент Европейского центрального банка, в свою очередь заявляет, что он сделает все, чтобы сохранить Европу.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА В ЕВРОПЕ: ИСПАНСКИЙ ОПЫТ

И. Айала

AGAINST THE EUROPEAN DEFLATIONARY SYSTEM: A PROPOSAL FROM THE SOUTH

H. Ayala Ivan

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу развития экономического состояния Испании в докризисный и посткризисный периоды, а также соотношению экономических систем Испании и Европейского союза на современном этапе. Помимо этого, глубокому анализу подвергаются причины кризиса и характерные особенности, которые оказывают значительное влияние на испанскую экономику.

Ключевые слова: кризис, Испания, Европейский союз, безработица, антикризисная стратегия.

Abstract: The article is devoted to the comparative analysis of the economic development of Spain in the pre-crisis and post-crisis periods, as well as the ratio of economic systems in Spain and the European Union at the present stage. In addition, the deep causes of the crisis and Spanish specific are also analyzed in the reseach.

Keywords: crisis, Spain, European Union, unemployment, anti-crisis strategy.

До начала кризиса среднестатистический испанец мог без труда найти «хоть какую-то» работу – в магазине, в баре или на стройке. Уволили – не беда, через неделю найдется другой магазин, готовый принять на работу, еще и за большую зарплату. А если не найдется – можно спокойно получать пособие по безработице, пока не появится удобное во всех смыслах предложение. К

слову, начальное пособие по безработице в Испании – 70% от средней зарплаты за последние рабочие полгода.

Кризис ударил особенно сильно по странам, зависящим от недвижимости и туризма. Те, кто хорошо жили за счет работы на стройке, остались без работы. Впрочем, о пособии: излишняя экономическая защищенность граждан не только угрожает стабильности пенсионной системы, увеличивает дефицит бюджета, мешает свободной конкуренции, но и приводит к большей безработице.

Испанский экономист Хуан Карлос Альварес первым выдвинул теорию о причинах такого уровня безработицы в стране, а последующие исследования экономистов только подтверждают его выводы.

Причина 1: молодежь без опыта работы никому не нужна

Существует разрыв между тем, чему нужно учить, и тем, чему учат на самом деле будущих профессионалов. Для испанской молодежи профессиональное образование всегда было гарантией трудоустройства. Рынок труда изменился, учебные программы – нет. В результате вместо последующего трудоустройства студенты покидают стены профессиональных училищ ни с чем. Таким образом, безработица среди молодежи в 2011 году достигла 50%. Но в то время, когда оставшиеся 50% ищут возможности, безработная молодежь не работает и не учится. Явление «не-не» переживает уже второе поколение. Это непрофессиональная рабочая сила, люди, которым никто и не собирается давать работу, так как их практическая полезность ниже стоимости их найма.

Причина 2: пособие по безработице больше новой зарплаты

Уверенность большинства граждан в том, что, даже не имея работы, они все равно будут получать деньги от государства, существенно замедляет процесс поиска работы. Во всем мире безработный – это человек, желающий работать, которого никто не берет на работу. В Испании же безработный – это человек, не имеющий работы, который ищет место получше и зарплату побольше на протяжении нескольких лет. Испанский безработный может отклонить неограниченное число предложений, пока не найдет то, чего он, по его мнению, достоин. На сумму пособия это не влияет никоим образом. Огромное количество людей делают дорогие покупки, путешествуют, ходят на вечеринки каждый четверг, пятницу и субботу, живут полной жизнью и при этом не работают. К тому же зарплата, предлагаемая на новых вакансиях, значительно меньше пособия по безработице, рассчитанного согласно зарплатам 2006 года. Зачем работать за 500 евро, если можно получать 900 просто так?

Причина 3: сложное и не допускающее изменений трудовое законодательство

Существовавшее до недавнего времени трудовое законодательство строго определяло, как, на какой срок и на каких условиях можно принять человека на работу. Контракт должны были заверить не только начальник и начальник начальника, но и синдикат, и министерство. Наем – дело сложное, увольнение –

еще сложнее. Такое законодательство было направлено в основном на устранение социальных конфликтов, а не на увеличение числа рабочих мест. Новое законодательство упростило процесс увольнения и предоставило ряд возможностей для увеличения производительности, но это, скорее, временные меры для борьбы с последствиями, а не с причиной.

Причина 4: «черный» бизнес

Малый бизнес старается снизить расходы за счет найма нелегальной рабочей силы. И речь не только о нелегальных иммигрантах, которым дают работу. Большинство официантов, уборщиков и домработников работают за «черные» деньги и не имеют никаких прав. Виной тому, по словам Альвареса, формальный контроль налоговых органов за соблюдением законодательства и отсутствие социальной ответственности.

Причина 5: неэффективность центров занятости

Центры занятости (INEM) превратились в «центры незанятости», посвящающие все свое время бюрократии. Большинство центров работает исключительно для обработки документов и выдачи пособий, а не для поиска предложений компаний. В связи с кризисом была проведена реформа: вместо ежемесячного визита в офис безработные получили возможность подтверждать свой статус через интернет. По идее, это должно было снизить нагрузку на персонал центров, чтобы те могли спокойно заняться поиском вакансий, но на деле привело к несколько иным результатам. Иностранцы, проживающие в Испании в течение многих лет, смогли уехать в родные страны и найти там работу – продолжая получать испанское пособие по безработице! Также реформа позволила совмещать пособие по безработице с другими видами пособий, как-то: пособия для молодежи, арендующей жилье, пособие по инвалидности, пособие для семей с одним кормильцем и т. д. В результате многие получили приятные бонусы к пособию по безработице и окончательно перестали искать работу.

Причина 6: испанский менталитет

По словам Альвареса, низкая производительность труда – результат «отличной от англосаксонской рабочей культуры и недостаточного технического развития». Сами испанцы подтверждают сказанное: рабочий день с 10 до 20 прерывается на «сиесту» с 14 до 17. Некоторые религиозные праздники считаются национальными выходными, а если они выпадают на вторник или четверг, то понедельник или пятница объявляются нерабочими. Помимо официального отпуска в августе, испанцы имеют еще две праздничные недели в год – рождественские и пасхальные каникулы – и пять или шесть выходных с нерабочими понедельниками или пятницами.

Причина 7: во всем виноваты иностранцы

До 2011 года Испания выдавала разрешения на проживание в стране всем приезжающим иностранцам, африканским и марокканским беженцам, раз в четыре года «легализовывала» уже имеющихся нелегалов. Так появилось

большое количество неквалифицированной рабочей силы, не говорящей по-испански. В какой-то степени повторилась история Франции: отработав год, иностранец переходил на пособие по безработице и приглашал в гости семейство, которое поступало точно так же. Социальная политика не позволяет ограничить получение пособий иностранцами: во-первых, они безработные, во-вторых – иностранцы, а значит, найти работу им гораздо сложнее. Испанцы негодуют: при получении любого вида пособий преимуществом обладают иностранцы как менее защищенные слои населения. Другой известный экономист – Пабло Молина – в своем блоге рассказывает еще об одной причине испанской безработицы: за годы экономического подъема испанцы неверно расставили приоритеты. Молодежь решила, что получение высшего образования – потеря времени, все мечтали стать госслужащими, владельцы бизнеса приняли на работу «лишних» людей – «менеджеров по...», – не имея ни малейшего понятия, для чего нужны эти должности, какие они предполагают обязанности и кто их должен исполнять. Кризис расставил все по своим местам: лишние должности сократились, а в описании любой вакансии появилось требование к образованию соискателей. За первые три месяца 2015 года уровень безработицы остался практически на уровне конца прошлого года (23,7%). Общее число безработных составляет 5 миллионов 444 тысячи 600 человек, работу имеют 17 миллионов 454 тысячи 500 человек.

Безработица в Испании составляет 23,78% трудоспособного населения, среди молодежи этот показатель – более 50%: таковы результаты, обнародованные Национальным институтом занятости.

Показатель безработицы среди молодых людей младше 25 лет – один из самых высоких в ЕС – 51,3%, но за последние три месяца их стало меньше на 31 тыс. 600 человек.

Из 5,4 миллиона безработных 14,4% – молодежь, а более 50% не могут найти работу в течение длительного периода времени.

По мнению министра экономики Испании Луиса де Гиндоса, первые три месяца года – самые сложные в части безработицы, так что лучше анализировать данные за последние 12 месяцев. По словам министра, за год было создано 500 тысяч новых рабочих мест.

Подавляющее большинство испанцев называет безработицу главной проблемой страны – 76,8% респондентов опроса, проведенного Центром социологических исследований (CIS).

В 2013 году безработица в стране достигала рекордного показателя – 27%, без работы были 6,2 миллиона человек, к марту 2014 года уровень безработицы составлял почти 26%.

Деиндустриализация в западноевропейских странах достигла таких масштабов, что породила призывы к скорейшему возрождению промышленного потенциала. Однако эксперты весьма скептически оценивают перспективы промышленной революции в ЕС. Стартовые позиции и возможности повыше-

ния конкурентоспособности промышленного сектора в разных европейских странах очень разные. Выработать единую, пригодную для всех стратегию реиндустриализации в этих условиях сложно.

Конкурировать европейским странам придется не только с Китаем, Индией или Бразилией, но и с Соединенными Штатами, которые тоже взяли курс на реиндустриализацию и имеют по сравнению с Европой не только более низкую стоимость трудовых издержек, но и дешевую энергию.

Возрождение европейской промышленности возможно только на базе ее глубокой модернизации с ориентацией на высокотехнологичные секторы. Но не они определяют сегодня промышленный профиль большинства европейских стран. В структуре промышленного производства стран ЕС на первом месте стоит металлообработка, на втором – пищевая промышленность. Германия, сохранившая значимое промышленное ядро, костяк которого составляют машиностроение, автомобилестроение, электротехника и химическая отрасль, выглядит на этом фоне скорее исключением, чем правилом.

Прогнозы хозяйственной конъюнктуры в ЕС не предвещают заметного оживления в экономике, а следовательно – повышения спроса. В этих условиях трудно рассчитывать на рост инвестиций в промышленности. «Для промышленного ренессанса в Европе пока не созрели условия», – считают эксперты Deutsche Bank. Созреют ли они в обозримом будущем и созреют ли вообще – большой вопрос.

После трех десятилетий неуемных восторгов по поводу наступления постиндустриальной эры, лицо которой определяет стремительно растущий сектор услуг, творцы европейской политики неожиданно прозрели. В январе 2014 года Еврокомиссия опубликовала специальное коммюнике «За европейский промышленный ренессанс», в котором призывала принять срочные меры для возрождения европейской промышленности. Еще совсем недавно говорить об издержках прогрессирующей деиндустриализации считалось едва ли не признаком провинциализма. Сегодня обстановка радикально изменилась. В условиях продолжающейся стагнации в экономике ЕС и высокого уровня безработицы именно промышленному сектору Еврокомиссия отводит роль драйвера экономического роста.

Мировой финансово-экономический кризис 2007–2008 годов нанес серьезный удар по идеологии постиндустриализма. Само возникновение кризиса в значительной мере было связано с чрезмерным разрастанием финансового сектора с его гипертрофированной спекулятивной составляющей, низким уровнем прозрачности и управления рисками. В то же время, пример Великобритании, Испании, Греции и ряда других европейских стран показал, как сложно преодолевать глобальный кризис, если в стране нет мощных производственных отраслей.

Вопреки тиражировавшемуся мифу о том, что магистральный путь экономической модернизации пролегает исключительно через стимулирование

наиболее перспективных секторов в сфере услуг и поэтапное свертывание материального производства, промышленность на фоне продолжающейся в Европе стагнации обнаружила вдруг в глазах европейских политиков и экспертов ряд несомненных достоинств.

В специальном докладе Еврокомиссии, подготовленном на эту тему осенью 2012 года, утверждалось, в частности: производительность труда в промышленности в среднем на 15% выше, чем в других секторах экономики; обрабатывающая промышленность оказывает исключительно положительное влияние на интенсивность научных исследований, ее доля в расходах на НИОКР частного сектора составляет более 60%; в текущем экспорте стран ЕС удельный вес промышленной продукции превышает 70%; современное промышленное производство стимулирует спрос на высококвалифицированную рабочую силу, способствует созданию новых рабочих мест и оказывает мультиплицирующий эффект на развитие рынка деловых услуг; в период 2000–2012 годов в странах, сохранивших значимое промышленное ядро, рост ВВП был выше, чем в странах, где сокращение материального производства носило глубокий и радикальный характер. План действий, который предложила Еврокомиссия по реиндустриализации Европы, предусматривал увеличение доли промышленности в структуре ВВП стран ЕС с нынешних 16 до 20% к 2020 г.

Что же произошло за минувшие годы с европейской экономикой и почему вдруг еврочиновники заговорили о необходимости промышленного ренессанса? Еще в 1970 году реальный сектор занимал в структуре ВВП Евросоюза около 27%. К началу нового тысячелетия, в 2000 году, соответствующий показатель уменьшился, опустившись до 18,5%. В 2013 г. он снова упал до 15,8%.

Безусловно, ускоренное развитие сферы услуг и изменение их качественных характеристик имеют объективные причины. Стремительный рост производительности труда, структурно-технологическая перестройка реального сектора, научно-техническая революция, сдвиги в приоритетах потребительского спроса – таков далеко не полный перечень факторов, которые способствовали опережающему росту сервисного сегмента в экономике развитых стран. Но попытки вписаться в мировой тренд далеко не везде оказались удачными. На практике это почти повсеместно привело к пренебрежительному отношению к промышленному производству, часто без появления адекватной замены.

Из поля зрения адептов «новой экономики» выпал, в частности, тот факт, что значительная часть сферы услуг является производной от производственного сектора и ее главное предназначение – обеспечить научно-техническим, информационным и деловым обслуживанием процесс производства на всех его стадиях. Во многих странах блестящие перспективы постиндустриального будущего так и не материализовались, а то, что пытались представить как экономическую модернизацию, привело к упадку реального сектора, на

смену которому зачастую не приходило ничего. Техноутопизм, стратегическая слепота, беспечность – в таких терминах теперь уже бывший еврокомиссар по энергетике Г. Эттингер охарактеризовал причины серьезных просчетов, допущенных при проведении европейской экономической политики.

По масштабам деиндустриализации Великобритания, считавшаяся в свое время «мастерской мира», превзошла все другие крупные государства мира. За последние тридцать лет ее промышленность сократилась на две трети. Сделано это было сознательно под лозунгом модернизации. Но что пришло на смену?

Уволенные инженеры не стали программистами, а рабочие – брокерами. Великобритания не строит теперь судов и не производит автомобили. Все без исключения британские автомарки, включая Rolls-Royce, Rover, Bentley, давно производятся в других странах. А национальных компьютерных брендов мирового класса в стране так и не появилось. Структурные перекосы в экономике, сильнейшая зависимость от Сити, пузыри на рынке недвижимости, хронический дефицит внешнеторгового баланса – таковы, если коротко, основные итоги «модернизации», начатой М. Тэтчер и продолженной Т. Блэром.

Правительство Д. Кэмерона заявляет о необходимости возврата «к реальным ценностям», рекламирует начатую кампанию в поддержку британской промышленности, но, как писала газета The Gardian, «оно недооценивает то жалкое состояние, в котором находится этот сектор экономики». В структуре ВВП Великобритании доля промышленности составляет сегодня менее 10%. По сравнению с 2000 годом она сократилась на 5,6%, а по абсолютным объемам произведенной продукции спад составил 9,1%.

В большинстве западноевропейских стран тенденция та же. Доля промышленности в ВВП за период 2000–2012 годов больше всего упала в Финляндии – на 10,2%, в Бельгии – на 5,9%, в Швеции – на 5,6%, во Франции – на 5,2%, в Испании – на 4,6%, в Италии – на 4,5%. Из «старых» членов ЕС только в Германии индустриальное ядро сохранилось на прежнем уровне – 22,4% ВВП.

Деиндустриализация больно ударила по занятости. Сокращение рабочих мест в промышленности было многократно усилено автоматизацией производства, которая активно внедрялась во всех отраслях. В результате в ряде стран масштабы увольнений приняли драматический характер. Так, в Великобритании с 2000 по 2012 год число рабочих мест в промышленности сократилось на 35%, в Португалии – на 33%, в Ирландии – на 29,4%, в Испании – на 22,8%, во Франции – на 22%. Причем почти половина сокращений пришлась на период после 2008 года, что объясняют ростом цен на электроэнергию, усложнением доступа к кредитным ресурсам, низкой готовностью к инвестициям в условиях кризиса.

В странах Центральной и Восточной Европы изменения на рынке труда носили менее глубокий и болезненный характер, но и там социальные последствия структурных сдвигов в экономике были весьма ощутимы. Так, в Чехии количество рабочих мест в промышленности сократилось на 9,1%, в Польше –

только на 5,1%, зато в Венгрии – на 20,9%, в Словении – на 21,3%, в Румынии – на 33,8%. Неутешительные прогнозы экономического роста в Еврозоне на фоне критических значений уровня безработицы в ряде стран: 26,8% – в Греции, 25,1% – в Испании, 14,3% – в Португалии, 12,6% – в Италии при среднем уровне 11,6% – в Еврозоне, вынуждают европейских политиков заново переосмыслить роль промышленного сектора в стабилизации социально-экономической обстановки.

Для большинства стран-членов Евросоюза начало 2013 года характеризовалось очередным ухудшением основных макроэкономических показателей. Первый квартал был отмечен пусть небольшим, но падением суммарного ВВП 27 государств по отношению к предыдущему трехмесячному периоду. В ряде стран, включая Францию, Италию, Испанию, Нидерланды, Португалию и Чехию, сокращение производства оказалось достаточно ощутимым (до 1,3% ВВП). По сравнению с первым кварталом 2012 года в 23 государствах зафиксировано увеличение государственного долга, причем в 11 странах объем суверенной задолженности превысил 80% ВВП, а в пяти (Бельгия, Ирландия, Греция, Италия и Португалия) этот показатель перешел отметку в 100%. В 19 странах из 27 имел место рост безработицы, которая в Греции и Испании достигла беспрецедентных размеров – 26,6 и 26,5% соответственно. Особенно удручают цифры безработицы среди молодежи: в целом по Евросоюзу – 23,3%, а в Словакии – 35%, Италии – 37%, Португалии – 39%, Испании – 55%, Греции – 58%.

Ключевыми элементами еврокризиса стали системные сбои в Евросоюзе, в полной мере давшие о себе знать в последние годы в условиях мировой и европейской турбулентности. Искусственные источники роста в финансовой сфере, оторвавшейся от реального хозяйственного сектора (по выражению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, речь идет о своего рода «финансовой алхимии»), в годы кризиса быстро иссякли и продемонстрировали зыбкость фундамента, на котором создавалась внешне внушительная архитектура современной европейской экономики. В значительной мере исчерпал себя и утвердившийся в Европе социокультурный уклад – массовое потребление, основанное на доступных кредитах, укоренившаяся привычка значительной части населения (особенно в странах европейской периферии) жить не по средствам. Европейскому социальному государству с каждым годом все сложнее поддерживать на должном уровне жизненные стандарты.

В условиях кризиса стало особенно остро ощущаться столкновение Евросоюза с реальной глобальной конкуренцией – причем не только торгово-экономической, но и ценностной. Ведущие страны развивающегося мира отвергают жесткие догмы Вашингтонского консенсуса, на которых строилась макроэкономическая политика Запада, и все решительнее выдвигают собственные модели хозяйственного и социально-политического развития. В результате Евросоюз переживает геополитическое сжатие: сокращает ареал своего доминирования на международной арене и снижает степень воздействия на другие регионы.

Еще одна проблема, выходящая из-под контроля Европейского союза, – мощное ускорение (и усложнение) глобальных процессов, за которыми Брюссель просто не успевает и вынужден действовать реактивно, с заметным опозданием отвечая на возникающие вызовы.

В апреле – июне 2013 года, после шести кварталов устойчивой рецессии, суммарный ВВП 17 стран еврозоны вырос на 0,3% по сравнению с предыдущим трехмесячным периодом. Локомотивами роста стали лидеры Евросоюза – Германия и Франция. Этот, прямо скажем, весьма скромный положительный результат породил в европейских столицах серию оптимистических официальных заявлений о возвращении на траекторию хозяйственного подъема. Между тем непредвзятый анализ показывает, что кризис в ЕС (да и в мировой экономике в целом) еще не закончился. В лучшем случае можно говорить о его ослаблении. Многие финансовые, макроэкономические и социальные показатели по-прежнему продолжают вызывать тревогу, а по ряду позиций – ухудшаются. Например, во втором квартале 2013 года в девяти странах Евросоюза произошло падение ВВП (в том числе в таких крупных государствах, как Италия, Испания, Нидерланды и Швеция). Баланс Европейского центрального банка (ЕЦБ) по сравнению с сентябрем 2012 года снизился на 25%, что означает существенное сокращение объема ликвидности в европейской финансовой системе. Причем обеспеченность капиталом (и, следовательно, устойчивость банковской системы) Евросоюза в настоящий момент угрожающе низкая, так как активы восьми крупнейших банков еврозоны превышают их реальный собственный капитал в 38 раз, хотя согласно принятому ЕС в 2011 г. решению данный показатель не должен быть более 11.

Не просматривается и ощутимого смягчения долгового кризиса, создающего острые бюджетные проблемы большинству европейских государств. Объем суверенной задолженности медленно, но верно увеличивается: в 2012 году – 87,3% совокупного ВВП стран еврозоны, в 2013 году – уже 90,7%. Соответственно возрастают и платежи по ее обслуживанию, что в ряде случаев вынуждает правительства секвестировать другие бюджетные расходы, в том числе жизненно важные.

Сложной и напряженной остается социальная ситуация. Так, количество безработных продолжает расти, суммарно достигнув в странах еврозоны в августе 2013 года 19,2 млн. человек (12% экономически активного населения). На этом фоне попытки председателя Европейской комиссии Жозе Мануэла Дуран Баррозу, других ответственных чиновников в Брюсселе и главы ЕЦБ Марио Драги вселить в европейское общество оптимизм выглядят не слишком убедительно.

Одним из главных инструментов укрепления глобальных позиций ЕС руководители европейских стран считают создание совместно с США Трансатлантической зоны свободной торговли (ТАЗСТ). Первый раунд переговоров по этому вопросу прошел в июле 2013 г. в Вашингтоне. Подписать итоговый документ стороны рассчитывают в конце 2014 г., хотя у многих экспертов есть

обоснованные сомнения в реалистичности указанной даты. Принципиальная трудность состоит в том, что Евросоюз и Соединенные Штаты – не только ближайшие стратегические союзники, но и крупнейшие торгово-экономические конкуренты, ведущие напряженную и зачастую бескомпромиссную борьбу на мировых рынках товаров и услуг и в ряде случаев занимающие противоположные позиции. К наиболее острым спорным вопросам относятся, в частности, международная торговля сельскохозяйственными товарами и авиационной техникой, а также применение норм, регулирующих соблюдение авторских прав на интеллектуальную собственность. Кроме того, ведущие европейские корпорации рассчитывают получить более широкий доступ на многомиллиардный американский рынок государственных заказов (в том числе в оборонной сфере), что, вполне понятно, вызывает жесткое сопротивление представителей заокеанского бизнес-сообщества. Так что процесс создания полноценного ТАЗСТ, продиктованный стремлением стран-членов Евросоюза повысить конкурентоспособность своих национальных экономик и расширить рынки сбыта, не будет простым.

Есть и другие обстоятельства, снижающие возможный положительный эффект от формирования ТАЗСТ. Дело в том, что нынешний средневзвешенный уровень таможенно-тарифных барьеров в США и Евросоюзе невысок. По данным ВТО, в Соединенных Штатах он составляет 2,1%, а в Европейском союзе – 2,8%. Для сравнения: в Китае данный показатель равен 4,6%, Индии – 7,2%, России – 9,5%, Бразилии – 10,2% и т. д. Поэтому дальнейшее снижение таможенных барьеров в рамках новой зоны свободной торговли вряд ли серьезно изменит положение стран-членов ЕС на мировых рынках. Попытка ослабить кризисные эффекты за счет активизации и расширения внешних торгово-экономических связей – не более чем паллиатив. На первый план в стратегии Европейского союза должен выйти поиск новых внутренних источников и драйверов экономического роста.

Все эти тенденции, относящиеся в целом к странам-членам ЕС, особенно отчетливо проявились в Испании.

Испания, где не проводились необходимые структурные реформы, оказалась слабым звеном в финансово-экономической цепи Евросоюза. Об этом убедительно свидетельствует негативная динамика основных макроэкономических показателей. Страну охватила стагнация спроса и предложения, резко упали валовые инвестиции, сохраняется крупный бюджетный дефицит, интенсивно нарастает государственный долг, астрономических значений достигла безработица и т. д. Еще недавно высокий международный имидж государства подорван, позиции Испании на мировой арене существенно ослабли.

На этом неблагоприятном фоне произошли серьезные подвижки в общественных настроениях, в оценках населением текущего состояния и перспектив эволюции испанской нации. То, что еще совсем недавно казалось не-

зыблемым, сегодня воспринимается совершенно иначе. В результате жизнь наполнилась массовыми протестными выступлениями, участники которых ставят под вопрос существование многих национальных институтов. В самом экономически развитом испанском регионе – Каталонии – усилились сепаратистские настроения, затмившие своими масштабами аналогичные выступления в Стране Басков и реально угрожающие территориальной целостности испанского государства.

Но острота финансовых, социально-экономических и политических проблем, стоящих сегодня перед испанской нацией, отнюдь не отменяет того факта, что страна располагает огромным накопленным богатством, значительным хозяйственным потенциалом и достаточно широкими возможностями модернизации производственных структур и преодоления кризисных явлений. Задача состоит в том, чтобы целенаправленно, умело и эффективно провести оздоровление национальной экономики, укрепить уже имеющиеся и создать дополнительные точки роста, способные стать катализаторами новой волны хозяйственного подъема.

Локомотивами испанской экономики стали крупнейшие компании и предприятия, занятые в сфере строительства, транспортной инфраструктуры, возобновляемых источников энергии, автомобилестроения, самолетостроения, пищевой и текстильной промышленности, телекоммуникации, туризма, инжиниринговых услуг, финансов. Показательно, что семь из десяти ведущих мировых корпораций инфраструктурной сферы – испанские. Глобальным лидером в области производства и продажи модной одежды и аксессуаров является компания «Inditex». Два испанских банка и две страховые фирмы входят в международную финансовую элиту (например, немецкий филиал банка «Santander» – «Santander Consumer Bank» – в 2013 году пятый раз подряд был признан в Германии «лучшим предприятием года»). Сильные позиции на телекоммуникационных рынках в десятках стран мира захватила и уверенно удерживает «Telefynica».

Испания входит в первую десятку крупнейших экспортеров капитала. Объем накопленных прямых инвестиций за рубежом превышает 500 млрд. евро, или около 50% национального ВВП. С другой стороны, страна остается привлекательной площадкой для иностранных инвесторов. В 2006–2010 годах среднегодовые прямые иностранные капиталовложения в испанскую экономику составляли 35 млрд. евро. Причем дело не только и не столько в объемах, сколько в том, что иностранные компании зачастую являются носителями передовых технологий и играют заметную роль в процессе модернизации и технологического перевооружения испанской экономики. Примеров тому немало. Так, именно в тех отраслях, где зарубежные ТНК обосновались особенно прочно (автомобилестроение, фармацевтика, химия и т. д.), наблюдается максимально высокое участие предприятий в инновационной деятельности. Если в среднем в испанской экономике доля компаний, инвестирующих в НИОКР,

составляет 20%, то в производстве транспортных средств и в химической промышленности – 60%, а в фармацевтике – 75%.

Но при всех этих (и многих других) положительных примерах в целом экономика Испании по своей производственной структуре и научно-технологическому уровню уступает государствам-лидерам Евросоюза (Германии, Франции, Великобритании, Нидерландам, Швеции), не говоря уже о США и Японии. Одна из особенностей испанской экономики – очень большая зависимость от внешних поставок топливно-энергетического сырья. Доля импорта в потреблении составляет 75%, что тяжелым грузом ложится на внешнеторговый баланс и делает национальный энергетический сектор крайне уязвимым. Выходами из сложившейся ситуации, по мнению ряда экспертов, могут служить как интенсивное развитие альтернативной энергетики (ветряной, солнечной и т. д.), так и разработка имеющихся в стране месторождений сланцевого газа.

Другой важнейшей особенностью, снижающей международную конкурентоспособность испанской экономики, является технико-технологическая неоднородность, когда наряду с высокотехнологичными секторами существуют сравнительно отсталые отрасли и отдельные предприятия, которые тянут вниз все хозяйство. Для радикального преодоления Испанией кризисных явлений необходимо решить задачу комплексной модернизации и инноватизации национальной экономики, структурной перестройки всего хозяйственного организма, приоритетного развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей, продукция и услуги которых могут быть реализованы на глобальных рынках.

Готово ли нынешнее правительство во главе с лидером Народной партии (НП) Мариано Рахоем к осуществлению глубоких структурных и институциональных реформ? Какие конкретные макроэкономические решения и меры принимает Мадрид для выхода из кризиса и преодоления его тяжелых последствий? Насколько реальным является сценарий модернизации производственного потенциала и перевода испанской экономики на инновационные рельсы? Частичные ответы на эти и другие судьбоносные вопросы дали правительственные решения в экономической области.

Антикризисная стратегия

Во многом под давлением Евросоюза во главу антикризисной политики Мадрида были поставлены снижение бюджетного дефицита и консолидация государственных финансов путем радикального сокращения расходов и повышения фискальных сборов. Жесткому секвестру подверглись практически все статьи бюджета, включая те, от которых зависит ускорение научно-технического прогресса и модернизация экономики. Официальные данные испанских властей показывают, что в 2009–2013 годах доля государственных расходов в ВВП Испании снизилась с 46,3 до 39,9% (в абсолютных цифрах – примерно на 65 млрд. евро), что значительно превысило падение этого показателя в среднем в странах еврозоны.

Радикальное сокращение государственных расходов охватило социальный сектор (образование, здравоохранение) и сопровождалось заметным повышением налогов, в первую очередь – НДС, ставка которого с 1 сентября 2012 года возросла с 18 до 21%. Данное решение, напрямую затронувшее сферу потребления и материальные интересы самых широких слоев населения, было воспринято как «фискальное удушение» сотен тысяч производителей товаров и услуг, преимущественно ориентированных на местный рынок.

В том же направлении сработали и структурные трансформации. Речь идет, в первую очередь, о реформе трудовых отношений, продавленной правительством НП в феврале 2012 года. Власти утверждали, что внесенные в трудовое законодательство изменения сделают рынок труда «более гибким» и остановят рост безработицы. Однако главным результатом стало существенное (по оценкам, на 23%) снижение расходов предпринимателей в связи с увольнением работников. Задачу повышения конкурентоспособности испанской экономики администрация М. Рахоя решала путем снижения производственных издержек, прежде всего – за счет резкого торможения роста оплаты труда. Средняя месячная заработная плата в 2012 году снизилась на 3,6%, до 1946 евро (2598 евро с учетом обязательных социальных платежей), что стало самым значительным сокращением за последние 17 лет.

Приоритетное значение имела нормализация функционирования банковского сектора, попавшего в крайне сложное положение: за годы кризиса объем «токсичных активов» достиг 189 млрд. евро, в то время как акции испанских банков, котирующиеся на бирже, потеряли 60 млрд. евро своей стоимости, что нанесло ущерб пяти миллионам акционеров. Правительство оказало финансовым учреждениям огромную государственную помощь (кредиты, покупка активов и т. д.), объем которой превысил 200 млрд. евро, и провело реформу с целью обеспечить устойчивость и платежеспособность банков, облегчить их доступ на международные денежные рынки и восстановить кредитные потоки, направляемые в реальный сектор экономики. Реструктуризация банковского сектора, обеспечившая санацию части проблемных организаций, была проведена путем их слияний и поглощений и приобрела беспрецедентный для европейских стран масштаб. Достаточно указать, что в 2009–2012 годах число кредитных учреждений (без учета филиалов иностранных банков и так называемых кредитных кооперативов) сократилось с 50 до 14. В ходе реформы ощутимо уменьшилось число операционных отделений, а около 50 тыс. занятых в отрасли потеряли свои рабочие места.

В контексте действующей антикризисной модели выход страны из кризиса видится затяжным, поскольку восстановление внутренних рынков происходит крайне медленно и болезненно. Другими словами, преодоление рецессии с опорой только на внутренние ресурсы представляется маловероятным.

Экономические и финансовые задачи, стоящие сегодня перед Испанией, в определенном смысле шире собственно хозяйственной деятельности. Системный кризис вступает в решающую стадию, когда начинают прорисовы-

ваться главные направления дальнейшего движения и контуры обновленной социально-политической модели, формируются будущие национальные реалии. Оказав шоковое воздействие на хозяйственную динамику, кризис одновременно может дать шанс на ренессанс, стать толчком к позитивным структурным переменам. С большой долей уверенности можно утверждать, что Испания находится на этапе перехода от одной модели социально-экономического развития к другой.

Начавшийся процесс трансформаций должен, по логике вещей, привести страну и общество к новому состоянию: с иными параметрами экономического роста, конкурентоспособной промышленностью, современным высокоразвитым сервисным сектором, банками, способными насытить кредитами реальную экономику, более гибкой политической системой, реформированным государственно-территориальным устройством.

Сделав упор на снижение (всеми средствами) бюджетного дефицита, правительство М. Рахоя старается воздерживаться от четкого определения долгосрочных экономических целей, ограничиваясь заявлениями общего порядка. Таким образом, «народники» хотят выиграть дополнительное политическое время и сохранить возможность для тактического маневра. Но, основываясь на анализе реальных антикризисных действий Мадрида, можно выделить реперные точки предлагаемой обществу концепции развития и представить наиболее вероятную дорожную карту выхода из кризиса.

Разбирая накопившиеся финансово-экономические завалы, испанские властные круги выстроили следующую систему приоритетов:

– стабилизация бюджетно-финансового положения и на этой базе возвращение стране во многом утраченного доверия международных кредиторов и инвесторов;

– снижение социальной ответственности государства путем сокращения субсидий и льгот и расширения сферы платных услуг;

– содействие процессу интернационализации испанского бизнеса, включая малые и средние предприятия; активное участие национального предпринимательского сообщества в борьбе за новые внешние рынки.

Главный тезис нынешней власти, разделяемый многими международными экспертами, сводится к тому, что преодоление Испанией хозяйственной рецессии возможно лишь на пути дальнейшего снижения производственных издержек, в первую очередь – заработных плат, а также социальных расходов. В этом правительство видит способ повышения производительности труда и международной конкурентоспособности испанской экономики. Имеющиеся прогнозы указывают на сохранение названного тренда в ближайшей перспективе.

На микроэкономическом (корпоративном) уровне главная ставка делается на местный транснациональный бизнес, который и в кризисные времена подтвердил способность успешно конкурировать на глобальных инвестиционных и торговых рынках и во многих случаях укрепил свои позиции в системе

мирохозяйственных связей. Интересный и показательный факт: по данным Организации экономического сотрудничества и развития, крупнейшие испанские компании по производительности труда на 10% превосходят немецкие предприятия и на 20% – британские. Представители «большого бизнеса», объединившиеся в Совет предпринимателей за конкурентоспособность (СПК), с оптимизмом смотрят в будущее и считают, что испанская экономика уже достигла дна, прошла точку перелома и начинает выходить из кризиса. Как отметил президент «Telefynica» Сесар Альерта, те, кто пессимистически оценивает текущую ситуацию, «подчас за деревьями не видят леса» и не фиксируют имеющих место положительных подвижек. По его мнению, испанцы извлекли уроки из кризиса, и страна вновь становится привлекательной с точки зрения его ведения.

Эту точку зрения разделяет Игнасио Санчес Галан – президент одной из ведущих мировых электроэнергетических корпораций «Iberdrola». Выступая в апреле 2013 года в Лондоне на «Road show», организованном СПК с целью привлечения в Испанию зарубежных инвестиций, он указал на первые положительные результаты проведенных структурных реформ (прежде всего банковского сектора и трудовых отношений). По его словам, реформы положили начало процессу переформатирования производственного профиля испанской экономики: снижению доли строительной отрасли и возвышению наиболее технологичных, конкурентоспособных и ориентированных на экспорт промышленных предприятий. Сохранение данного принципиально важного тренда, считает бизнесмен, может привести к тому, что 2014 год станет годом начала хозяйственного подъема.

Оптимизм капитанов испанского бизнеса заставляет внимательно присмотреться к позитивным тенденциям, которые, хотя и с большим трудом, но пробивают себе дорогу.

В этой связи встает вопрос о характере экономического роста, идущего на смену нынешней парадигме хозяйственного развития. Маститый испанский экономист Рамон Касильда Бехар считает, что будущая экономическая модель должна опираться на эффективное частно-государственное партнерство и иметь многоуровневую структуру, предполагающую прочную корпоративную и технико-технологическую связку малого, среднего и крупного предпринимательства. Траектории их развития должны находиться не в «параллельных мирах», как это было в предкризисный период, а максимально совпадать, чтобы все три отряда бизнес-сообщества могли активно и широко взаимодействовать. Цель – обеспечить органичное единство основных элементов национальной экономики и создать необходимые условия для смены производственной парадигмы.

Пока что правительственные усилия по реализации антикризисных мер все еще недостаточно увязаны с задачами долгосрочного хозяйственного роста на новой структурно-технологической основе. Одна из главных причин – нехватка инвестиционных ресурсов для целей развития по причине жесткой ори-

ентации на сокращение государственных расходов (бюджетный аскетизм), что ограничивает возможности одновременного обеспечения социально-экономической стабильности и проведения комплексной модернизации на инновационной основе. В этих условиях компенсаторным механизмом становится активизация внешней деятельности частного бизнеса, прежде всего – испанских ТНК, примеру которых стараются следовать малые и средние предприятия, в предкризисный период не проявлявшие серьезного интереса к зарубежным рынкам.

Но очевидно, что радикальное преодоление последствий кризиса невозможно без существенного расширения внутреннего рынка. Политика жесткой экономии сама по себе не решает проблему восстановления экономического роста и выхода из кризиса. Необходимы стимулирующие меры государства, масштабные госинвестиции, без которых серьезная активизация предпринимательской деятельности представляется крайне затруднительной. Видимо, в Испании как никогда прежде востребован разумный баланс внешних и внутренних аспектов антикризисной политики.

Вибрирующая финансово-экономическая система Евросоюза породила целый комплекс сложных проблем. Образ единой, процветающей и привлекательной Европы за годы кризиса заметно потускнел, а достигнутый в предкризисный период уровень жизни для многих миллионов европейцев останется приятным воспоминанием. Впереди – годы болезненных структурных реформ, обострившейся борьбы за место под солнцем и острой конкуренции на глобальных рынках с новыми мировыми игроками.

НОВАЯ ПРОГРАММА ВАЛДАЙСКОГО КЛУБА «ЛЕГАЛИЗАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ» И ВЫБОР СТРАТЕГИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОДВИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

О. Н. Барабанов

NEW PROGRAMME OF VALDAI CLUB «THE LEGALIZATION OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT MODELS ALTERNATIVE TO THE LIBERAL ONE» AND THE CHOICE OF RUSSIA'S STRATEGY IN THE CONTEXT OF THE PROMOTION OF GLOBAL ALTERNATIVES

O. Barabanov

Аннотация: Международный дискуссионный клуб «Валдай» – один из лидирующих интеллектуальных центров по обсуждению роли России в глобальной политике, действующий под патронатом Президента России, сейчас инициировал принципиально новый проект по изучению и экспертному анализу альтернативных западному либеральному мейнстриму моделей глобального развития. Это отражает нацеленность России на более активную

работу по продвижению и содействию реализации принципиально нового мирового политического, экономического и социального порядка, свободного от стереотипных штампов западного доминирования.

Ключевые слова: внешняя политика современной России, глобальные альтернативы, левопрогрессистское движение.

Abstract: The international discussion club «Valdai» - one of the leading intellectual centers on the role of Russia in Global Affairs, acting under the patronage of the President of Russia, is now initiates a fundamentally new project on the study and expert analysis of alternative models of Western liberal mainstream of global development. This reflects the focus on Russia more actively involved in promoting and facilitating the implementation of a fundamentally new world political, economic and social order free of the stereotyped cliches of Western domination.

Keywords: the foreign policy of modern Russia, a global alternative, left-progressivist movement.

Вся наша внешняя политика на европейском направлении, и не только на нем, по крайней мере до украинского кризиса, была в целом ориентирована прежде всего на диалог с мейнстримной политикой Евросоюза, соответственно, с либеральным мейнстримом экономической политики. Все альтернативные партии левого и правого флангов, как правило, российских приоритетов в отношениях с европейским союзом не рассматривали. Значительная часть российско-германского диалога все двухтысячные годы больше велась по линии Фонда Конрада Аденауэра, чем по линии Фонда Фридриха Эберта, Фонда Розы Люксембург, с демократами и социал-демократами.

Эта ситуация начала меняться еще до украинского кризиса, поскольку нарастающие трудности диалога на высшем уровне между Россией и ведущими странами ЕС привели к тому, что многие совместные инициативы урезались, не реализовывались. Прежде всего это касалось энергетической политики. ЕС достаточно четко взял курс на энергонезависимость от российских поставок, что не вызывало никакого энтузиазма «Газпрома» и России в целом. Это привело к формированию в 2007 году восточной газовой программы «Газпрома», от которой стоит начинать поворот России на восток, Азию. Так или иначе, после украинских событий проблема отношения России и ЕС стала очень острой и понятной всем, и это потребовало реакции. Мы увидели достаточно серьезный поворот России к другим партнерам, прежде всего – к Китаю. И мы видим, как сильно укрепилось за последние годы российско-китайское стратегическое партнерство по всем направлениям – и политическим, и энергетическим. И очень важна декларация, подписанная 8 мая 2015 года Президентом В. В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином о том, что страны берут курс на взаимное сопряжение двух ключевых внешнеэкономических проектов. Это Евразийский экономический союз, который продвигает Россия, и Экономический пояс Шелкового пути, который продвигает Китай. Если раньше были попытки столкнуть эти два проекта, то сейчас заявлено, что они будут дополнять другу друга, и, возможно, станут началом большого процесса координации интеграционных процессов континентальной Евразии.

Говоря о глобальных альтернативах, мы имеем в виду, с одной стороны, российско-китайские совместные альтернативы – и политические, и ценностные, и, с другой стороны – альтернативы в более широком формате – ШОС и БРИКС. Россия рассматривает и продвигает с партнерами весь спектр внезападных альтернатив европейского и западного пути.

Одновременно с этим украинский кризис и последующие события показали неожиданную для российской внешней политики вещь – то, что у нас внутри ЕС оказались союзники, которых мы даже не ждали – это целый спектр европейских партий, как левых, так и правых. Эта ситуация привела к тому, что Россия должна была как-то выстраивать свои отношения с этими новыми силами. Понятно, что с правыми силами выстроить эти отношения легче, и диалог с ними может находить больше идеологических точек соприкосновения, чем с левыми силами. Но, тем не менее, мы видим приезд премьер-министра Греции Алексиса Ципраса в Москву в апреле 2015 года, и попытку нового европрогрессистского греческого правительства выстроить серьезный стратегический диалог с Россией.

Мы видим растущий и укрепляющийся в странах ЕС слой левых и левопрогрессистских партий, которые уже пришли к власти (Греция) и находятся на пути к власти (Испания и ряд других стран), и эти партии достаточно уверены по отношению к России, что для нас очень важно. Это требует от России выстраивания культуры диалога с левыми партиями на серьезном стратегическом уровне, чего у нас не было предыдущие 20 лет. Эта культура диалога с левыми силами была и есть – со странами Латинской Америки, прежде всего – с Венесуэлой, но там мы имели дело не с чисто левым проектом, а левоавторитарным проектом, что в какой-то степени облегчало точки соприкосновения. С Уго Чавесом велся дискурс о нефти, газе и обороне, а не об идеологии. Но если мы хотим выйти за пределы ситуативного, за пределы того, чтобы Греция «торговала» вопросом – заблокируют ли они очередные санкции против России или не заблокируют, чтобы Россия не стала разменной картой, а стала серьезным стратегическим союзником для новых партнеров, необходимо выстраивание культуры диалога. Тот левый поворот в Европе, который мы наблюдаем в настоящее время, должен привести к большему вниманию к левопрогрессистской риторике российской внешней информационной политики, что представляется важным для выстраивания новых отношений России с растущим слоем левых партий. Одна из целей программы глобальных альтернатив и состоит в продвижении культуры диалога России и новой Европы.

Мы видим, что достаточно успешно работает с «левыми» коммунистическая партия Российской Федерации. Внутри КПРФ появляются молодые политики, с другим «багажом», которые иначе подходят к переговорам и достаточно эффективно работают. Другое дело, что большинство новых левых протестных партий слабо связаны с традиционной коммунистической партией, а представляют «уличный протест». Если говорить о культуре диалога с такими партиями, нам нужны какие-то новые навыки.

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ

А. В. Очкина

MODERN SOCIAL STATE: PROBLEMS, CONTRADICTIONS, RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

A. Ochkina

Аннотация: Современной России необходима реконструкция социального государства. Однако преобразования необходимого масштаба требуют такого уровня солидарности, который российское общество обеспечить сегодня не может. Необходим консолидированный субъект восстановления и развития социального государства, а он не возникнет автоматически. Для его появления и проявления на политической сцене необходимы последовательные осознанные действия.

Ключевые слова: социальное государство, экономический кризис, реконструкция социального государства

Abstract: Modern Russia needs the reconstruction of the Welfare State. However, the necessary transformations require a very high level of solidarity and consolidation of the society, which modern Russia cannot provide today. Progressive reform of the Welfare state can't be realized without the consolidated purposeful social actors interested in the preservation of social rights. Such a subject may not appear automatically without conscious political actions.

Keywords: welfare state, the economic crisis, the reconstruction of the Welfare state.

В политической практике сегодня прочно утвердился образ социального государства как тотального «собеса», как системы социально-политических и экономических институтов, осуществляющих помощь «слабозащищенным слоям населения». При этом деятельность по поддержке и защите прямо противопоставляется созидательной экономической активности, оцениваясь как неизбежное зло, как плата за социальный компромисс. По сути, это повторяет, воспроизводит в политических и управленческих дискуссиях либертаристские представления о соотношении справедливости и эффективности[1]. Квинтэссенцию таких воззрений я услышала из уст бывшего губернатора Пензенской области (2 июня 1998 г. – 25 мая 2015 г.) Василия Кузьмича Бочкарёва, оценившего бюджет области на 2014 год так: «Это социальный бюджет, это не бюджет развития».

Правда, желая привлечь электорат, либералы нередко говорят о необходимости «социальной повестки», но таковая в их речах либо не детализируется, либо сводится к уступкам и поблажкам «населению». Понимания производи-

[1] Якобсон Л. И. Экономика общественного сектора: Основы теории государственных финансов: Учебник для вузов. М., Аспект Пресс, 1996. С. 80. – 319 с.

тельности социальных расходов нет и у многих левых мыслителей, по крайней мере, понимания инструментального, связанного с конкретной социальной программой.

Поэтому сам по себе лозунг восстановления и развития социального государства, при всей своей уместности и адекватности, не может сегодня гарантировать мобилизацию именно тех сил, которые способны его реализовать. Более того, из-за растиражированного противопоставления экономической эффективности и социальной справедливости, из-за нагруженности дискуссии представлениями о связи социального государства с иждивенчеством и леностью такой лозунг может отторгаться наиболее активными и работящими членами общества.

Представленное во многих учебниках по экономике и социологии определение социального государства по расплывчатости, идеологизированности и комплиментарности сильно напоминает определение основного закона социализма[1]. Это, скорее, пожелание, чем строгая научная дефиниция. Даже внешне корректное, с оговорками об экономических ограничениях определение, данное доктором юридических наук, судьёй и председателем Конституционного суда РФ в 1991–1993 годах Валерием Зорькиным грешит некой идеалистической туманностью. «Главной задачей социального государства, по нашему мнению, является достижение всеобщего прогресса, который основывается на принципах социальной справедливости. Социальное государство прежде всего должно помогать слабым, обеспечить каждому достойное человека существование. Но важно понять, что объявление России социальным государством не означает возвращение страны к тоталитарному государству, обещавшему своим гражданам всеобщее благосостояние за счет создания экономической системы, полностью управляемой и организуемой им. Социальное государство в том понимании, которое вкладывает в него действующая Конституция РФ, должно стремиться лишь к максимально возможному в условиях демократической страны равномерному содействию благу всех граждан и к максимально возможному равномерному распределению жизненных тягот»[2].

Ни институциональные, ни инструментальные признаки социального государства в таких определениях не перечисляются, а приписываемые соци-

---

[1] В советских учебниках политэкономии основной закон социализма был сформулирован так: Закон движения социалистической экономики, содержанием которого является обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества посредством наиболее полного удовлетворения их постоянно растущих материальных и культурных потребностей, достигаемого путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе научно-технического прогресса. Основной экономический закон социализма начинает действовать тогда, когда в результате социалистической революции устанавливается власть трудящихся и общественная собственность на средства производства, когда теряет силу основной закон капитализма.

[2] Зорькин В. Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1.

альному государству функции выглядят внеисторическими и обусловленными абстрактным гуманизмом. Такая постановка вопроса не позволяет нам понять, когда и как в конкретный исторический момент и в конкретной стране зародилось социальное государство, в какой мере оно выполнило свою задачу, когда и как оно начало стагнировать и разрушаться. А ведь сегодня сокращение и деконструкция социального государства – это общемировой процесс. Следовательно, чтобы провести границу между полноценным и стагнирующим, создающимся или, напротив, разрушающимся социальным государством, нужно понимать не только то, какое оно в идеале и как в нем всем хорошо и справедливо. Необходимо видеть, какие институты обеспечивают социальное государство, как эти институты сформировались исторически и почему вдруг оказываются наиболее шаткими и хрупкими даже на более высоком уровне благосостояния общества, чем тот, на котором социальное государство и сложилось.

Идеи социальной справедливости и социального примирения, как и социального государства, обсуждались философами несколько веков, а государство всеобщего благосостояния было провозглашено Людвигом Эрхардом и «запущено» как политический проект после Второй мировой войны. Однако методологическую и институциональную основу социального государства отчётливее всего можно увидеть в кейнсианстве.

Кейнсианство, не являясь ни в коей мере антикапиталистической теорией, впервые выразило с полной определённостью идею о неспособности капитализма обеспечить развитие общества, опираясь на собственные принципы и соответствующие им механизмы. Дж. М. Кейнс обосновывает идею, согласно которой общество обладает потребностями, не сводимыми к сумме индивидуальных потребностей и в такой «индивидуализированной» сфере общественной жизнедеятельности, как экономика. Он доказывает необходимость масштабного вмешательства государства в экономическую деятельность, причем вмешательства постоянного и институционально оформленного. И, наконец, Кейнс говорит об обществе как о системе, которой для выживания необходимо подчинение индивидуального интереса общественному. Великий экономист изо всех сил открещивается от возможных обвинений в социализме. Он настаивает на математической доказанности и прагматичности своих взглядов и уверяет читателей в верности «историческим традициям»: «…Я представляю себе… что достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой. Но, помимо этого, нет очевидных оснований для системы государственного социализма, которая охватила бы большую часть экономической жизни общества. Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо. Кроме того, необходимые меры со-

циализации можно вводить постепенно, не ломая установившихся традиций общества»[1].

Кейнсианство само по себе не является теорией социального государства, но оно является первым целостным обоснованием необходимости, содержания и направления деятельности государства в качестве экономического субъекта. Хотя Кейнс и использует термин «государственное вмешательство в экономическую жизнь», он по сути говорит не о государственной интервенции в экономику, а об институциализации экономической деятельности государства как необходимого условия функционирования капиталистической экономики. И этим закладываются методологические основания формирования социального государства, ядром которого является деятельность государства как полноценного экономического субъекта, являющегося выразителем интересов общества в противовес частнособственническим интересам.

Именно такая экономическая деятельность государства является основой существования и развития социального государства. И государство является социальным именно в той мере, в которой государство в своей постоянной и институционализированной экономической и социальной политике является проводником интересов общественного развития и воспроизводства.

Отнюдь не всякое вмешательство государства в экономику есть признак социального государства. Выступая в качестве экономического субъекта, государство обязательно запускает процессы перераспределения, однако масштабы, направление и конфигурация этих процессов не становятся социальными только потому, что их запускает государство. Спасая банки в ситуации кризиса, поддерживая крупные корпорации и реализуя масштабные бюрократические реформы образования и медицины, стимулируя их коммерциализацию, государство следует неолиберальным курсом не меньше, чем самые что ни на есть индивидуализируемые рыночные игроки. Буржуазное государство уже давно выступает как крупный экономический игрок, но не всякое его вмешательство в экономику является подлинно государственным и, тем более, социальным. Поддерживая частных собственников, государство выступает лишь как их агент, не более того, даже если оно поддерживает одни крупные корпорации в ущерб другим.

Государственной деятельность государства является только тогда, когда выражает объективные интересы нации, даже если эти интересы в тот момент совпадают с интересами правящего класса, но в то же время служат укреплению государственности и – косвенно – благу общества. Социальной же деятельность государства становится только в том случае, если она обусловлена стратегией развития общества в целом, стратегией обеспечения наилучших условий индивидуального развития. В буржуазном государстве такая стратегия может быть реализована только в ограниченных пределах, однако соци-

---

[1] Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АВР. 2002. С. 141.

альное государство эти пределы институционально, экономически и политически расширяет.

Своего рода репетицией социального государства можно назвать «Новый курс», который проводил в США во время Великой депрессии Франклин Делано Рузвельт. Ошибочно было бы думать, будто Рузвельт выступал, пусть и против воли, с антикапиталистических позиций. Скорее, он стремился сделать государство главным игроком на экономическом поле, который имеет преимущественное право в выборе партнера. Он высказался за совместное «планирование» правительства и предпринимателей, иными словами, отстаивал укрепление государственно-монополистического капитализма. Р. Моли осторожно указал президенту, что это идет вразрез с главными догматами свободного предпринимательства и основной философией американского капитализма, на что ФДР резонно возразил: «если бы эта философия не потерпела банкротства, сегодня здесь сидел бы Герберт Гувер»[1]. Этот весьма жестокий приговор свободному предпринимательству прозвучал из уст убеждённого эгалитариста и антикоммуниста, и от того он звучит особенно убедительно.

Но примечательно, что Август фон Хайек в своей знаменитой книге «Дорога к рабству» в качестве эпиграфа к главе «Заброшенный путь» избрал такие слова Рузвельта: «Главный тезис данной программы вовсе не в том, что система свободного предпринимательства, ставящего целью получение прибыли, потерпела фиаско в этом поколении, но в том, что ее осуществление еще не началось»[2]. Нечто совсем противоположное выше приведённому тезису, не так ли? Разумеется, предвыборные речи не отличались искренностью 80 лет назад, как не отличаются ею и сейчас. Наверняка слова ФДР, искушенного и амбициозного политика, сильно зависели от того, к кому были обращены. Однако так ли уж противоречат друг другу эти высказывания Франклина Делано Рузвельта?

Франклин Делано Рузвельт, 32-й президент США, единственный в истории, избиравшийся более чем на два срока (он четыре раза принимал присягу президента США), кое в чем пошел дальше Кейнса, по крайней мере, в его программе более заметен социальный элемент. Отчасти это – попытка растоптать «гроздья гнева», созревшие в стране во время Великой депрессии. Но во многом Рузвельт интуитивно стремился воспрепятствовать тому, что составляет главное бедствие капитализма: нуждаясь в неисчерпаемых трудовых ресурсах для обеспечения постоянного роста капитала, система разрушает базу

---

[1] Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М.: «Международные отношения», 1981. С. 152.

[2] Хайек Ф. А. Дорога к рабству. Библиотека Фонда «Либеральная миссия» С. 8. Электронный ресурс. http://lib100.com/book/other/doroga_k_rabstvu/%D4%F0%E8%E4%F0%E8%F5%20%D5%E0%E9%E5%EA,%C4%EE%F0%EE%E3%E0%20%EA%20%F0%E0%E1%F1%F2%E2%F3.pdf. 15.09.2015.

воспроизводства и развития этих ресурсов, стремясь снизить издержки производства и, следовательно, затраты на живой труд. Именно поэтому Рузвельт предупреждал, что вводимые им принципы социального обеспечения представляют собой отнюдь не только социальный компромисс, в рамках которого правящие круги «подкармливают» низы для снятия социальной напряженности. Он утверждал, что рабочему необходимо не просто чем-то кормить себя и свою семью в период безработицы, но и сохранять свое достоинство, потребность и возможность трудиться, сохранять веру в свою страну и желание служить ей.

Итак, «новый курс» пытался ориентироваться на то, чтобы сохранять и поддерживать трудовую и социально позитивную мотивацию в тот период, когда собственно капиталистические стимулы, факторы деятельности homo economics, перестают такую мотивацию даже создавать, не то чтобы стимулировать. Предлагая заменить финансовую помощь безработным планом обеспечения работой, «Ф. Рузвельт заявил: «Я не хочу допустить, чтобы жизненные силы нашего народа еще больше подрывались выдачей пособий наличными деньгами, продовольственными пакетами или предоставлением на несколько часов в неделю работы по уходу за газонами, сгребанию листьев или уборке мусора в общественных парках. Мы должны спасти рабочих не только физически, мы должны также сохранить их уважение к себе, мужество и решимость. Смысл плана: не подачки, а обеспечение работой»[1].

И все-таки это был компромисс, а не длительная социальная программа и, уж тем более не последовательная, сознательно осуществляемая социальная реформа. Это была попытка сдержать наиболее разрушительные тенденции развития капитализма и смягчить наиболее жестокие последствия капиталистической конкуренции. Образно говоря, ФДР пытался спасти капитализм, временно переведя его на вегетарианскую или, по крайней мере, менее плотоядную диету. Потому-то он одновременно почти говорил и о текущем крахе, и о будущем торжестве свободного предпринимательства.

Но необходимо помнить, что социальный компромисс был спровоцирован не только волнениями, не только сопротивлением масс и не только кризисом. Более того, политическая борьба низов лишь инициировала понимание необходимости более важного компромисса: между неудержимым стремлением к прибыли и, следовательно, неудержимой потребностью эксплуатации труда, с одной стороны, и необходимостью сохранять у эксплуатируемых способность и мотивацию к труду, платёжеспособность и гражданскую лояльность, с другой стороны.

Функции всей системы институтов социального государства в том виде, как оно складывалось в истории, сводятся к реализации этой задачи. И в поли-

---

[1] Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М.: «Международные отношения», 1981. С. 152, 192.

тической практике любое расширение социальной активности государства выглядит именно как компромисс интересов. Именно поэтому в обществе всегда изолированно дискутируются отдельные решения в сфере социальной политики, отдельные инициативы по реорганизации институтов социального государства. Они обсуждаются с точки зрения масштабов социальных расходов и эффективности функционирования того или иного института, с точки зрения краткосрочных экономических и политических эффектов, даже в контексте отвлечённых идеалов, но почти никогда – с позиций социального воспроизводства и социального государства в целом. И сегодня в российском обществе темами жарких дискуссий становятся уровень и качество жизни, пенсионная система, состояние образования, качество и доступность медицины, помощь многодетным семьям и сохранение школ для одарённых детей. Все, что угодно, любая социальная проблема, но только не процесс дезинтеграции и фрагментации социального государства, то есть ни в коем случае не обсуждается именно то, что является первопричиной всех остальных бед.

То, что социальное государство начинается с компромисса классов, не означает, что оно к этому компромиссу сводится, что оно может развиваться и обсуждаться только как социальный консенсус. Социальное государство отличается от систем социальной помощи и постоянных социальных расходов тем, что создаёт комплекс институтов, служащих проводниками целей и эффектов социальной политики по всей экономике, институциализирует собственную, внутреннюю систему целей и, наконец, формирует социального субъекта, не просто заинтересованного в социальных расходах и программах, но и активно участвующего в функционировании и развитии различных институтов социального государства.

Социальное государство начинается не тогда, когда государство строит дома призрения или назначает пособия вдовам, сиротам или безработным. Социальное государство начинается тогда, когда оно проводит через экономические и социальные институты интересы, связанные с развитием общества в целом. Эти общественно-значимые цели реализуются через систему социально-экономических институтов, отвечающих за производство человека, за формирование и развитие собственно человеческих, творческих, трудовых, гражданских его качеств. А для этого необходимы соответствующие правовые, социальные и экономические институты. Развиваясь, эта система институтов становится все сложнее, связи и зависимость между ними – всё менее заметны.

Буржуазное социальное государство сумело существенно шире по сравнению с классическим капитализмом раздвинуть границы развития человека, его индивидуальности и его социальности, его трудовых, гражданских и творческих потенций. Эта историческая задача сформировалась объективным ходом развития капитализма, сделавшим главную производительную силу – человека – всеобщим феноменом, освободившим производительные силы от технических и сословных ограничений.

Говоря марксистским языком, в той мере, в которой человек является ключевым элементом производительных сил и субъектом производственных отношений, институты социального государства становятся элементами «базиса» общества. При этом идеологическая и политическая «надстройка» не признает за ними этой роли. Таким образом, сущностное противоречие капитализма между общественным характером производства и частнособственническим характером присвоения приобретает сегодня форму противостояния между гуманистическим назначением социального государства и его прагматическим сужением до функций правительственной благотворительности. Это противоречие делает само воспроизводство общества конфликтным и по факту, суженным и чреватым гигантскими потерями человеческого потенциала. Это наносит удар и по боготворимой неолиберальными авторами экономической эффективности, чего они категорически не понимают. Парадоксально, что в этом непонимании с ними солидарны и догматические марксисты, которые не видят связи между производством железа и воспроизводством общества. Сегодня такое непонимание тем более непростительно, что общество уже не может существовать без масштабного социального сектора общественного производства (образования, здравоохранения, культуры и т. п.), в котором предметом, субъектом и средствами труда является человек.

Буржуазное государство было фрагментарным, строилось урывками, те или иные социальные права отвоевывались в классовом противостоянии и в соответствии не только с логикой развития общества и его потребностями, но и с политической конъюнктурой.

Особый случай – советское социальное государство. Оно рождалось, по сути, как синтез двух моделей преодоления социального кризиса – репрессивно-политической и стимулирующей социально-экономической. Но этот синтез был найден, принят к осуществлению и положен в основу социального развития огромной страны в экстремальной и исторически уникальной ситуации. Мировой экономический кризис лишал СССР возможности индустриализации с использованием оборудования, импортируемого из стран Запада за валюту, полученную от экспорта природных богатств. Но при этом все ресурсы и все механизмы общественного контроля были сосредоточены в руках государства, что давало возможность последнему инициировать и координировать общественные процессы с единой целью и по общим принципам. Так, с одной стороны, стремясь обеспечить необходимую социально-экономическую базу индустриализации, советская власть сознательно вводила режим сверхэксплуатации населения, в первую очередь – крестьянства, по отношению к которому проводила политику «внутренней колонизации» по выражению известного социолога-крестьяноведа Теодора Шанина. Жесткие экономические меры требовали определенного политического обеспечения. Репрессивный характер экономики поддерживался репрессивным политическим режимом.

С другой стороны, именно с 1926 года государство сначала затормозило рост коммунальных платежей, а вскоре и вовсе взяло оплату жилья на себя. Развивалось государственное, бесплатное для граждан здравоохранение, подчиненное общей задаче – обеспечения здоровья и длительной эффективной трудоспособности населения. Правда, наибольшего успеха советское здравоохранение достигло после второй мировой войны, а уже в 70-е годы начало сдавать позиции. Тем не менее, система всеобщей доступной медицины складывалась в СССР с самого начала его существования. Создавалась система детских садов с очень невысокой оплатой, в учебных заведениях обеспечивалось питание детей, хоть скудное в довоенные и послевоенные годы, но постоянное и бесплатное. Мы не можем называть СССР довоенного периода социальным государством из-за выраженных репрессивных элементов в социально-экономической и политической сферах, из-за режима политической несвободы, высокого уровня эксплуатации трудовых ресурсов и низкого уровня жизни. Тем не менее, необходимо признать, что институциональная база социальной поддержки населения складывалась с самого начала существования СССР. Какие бы нарекания ни вызывала работа социальных секторов советской экономики, их масштаб и доступность населения были впечатляющими.

Кроме того, социальная политика в СССР шла гораздо дальше институциализации социальной защиты. Ускоренная индустриализация требовала подготовки большого количества квалифицированных рабочих, инженерно-технических кадров, администраторов и управленцев. Для обеспечения технического прогресса нужны были ученые и изобретатели, а для системы образования, способной все необходимые кадры подготовить, нужны были учителя и преподаватели. Иными словами, необходимо было создать широкую систему образования и просвещения, которая бесперебойно поставляла бы народному хозяйству хорошо обученные кадры. И в свою очередь, требовались кадры и соответствующие институты для обеспечения функционирования масштабной системы образования и просвещения, для удовлетворения тщательно формируемых централизованно государством и объективно возрастающих культурных потребностей граждан. Росла сеть образовательных, научных и культурных учреждений, развивались под идеологическим и организационным контролем массовое культурное производство и потребление в сфере кино, театра, эстрады, музыки и т. п.

Основные социальные результаты советского периода – социальная структура и социально-культурная среда, необходимые для оптимизации процессов модернизации общества (прежде всего индустриализации и урбанизации) были достигнуты при помощи масштабных и целенаправленных социальных преобразований, которые в целом были адекватны потребностям экономической модернизации и экономического развития. Послевоенное развитие требовало нового витка модернизации экономики, необходимым условием которого было повышение уровня образования, уровня и качества жизни

населения. На институциональной основе, созданной до Второй мировой войны, и начало складываться советское социальное государство, а потом, рука об руку с ним, – советское потребительское общество.

Отличительная черта советской социальной политики и выросшего из него социального государства – относительно последовательное осуществление принципов, которые работали на главную стратегическую цель – создание и развитие мощного социокультурного и интеллектуального потенциала страны. Это принципы всеобщности и доступности социальных благ, единства стандартов, принципы связи с общей концепцией развития страны и стратегической ориентированности развития социальных отраслей. Реализация подобных требований предполагала единство управления и освобождение социальных секторов от любых рыночных элементов. Эта совокупность принципов, которую можно обозначить как целевое единство и ориентацию на развитие, является уникальной характеристикой советской социальной политики. Её идейной и мотивационной базой были не идеи социального компромисса и даже не антикризисное регулирование общества, а определенный социотворческий проект, предполагающий последовательное создание и приумножение трудового и культурного потенциала общества как главного ресурса социального воспроизводства и развития.

Реализация названных принципов обусловила формирование той черты советского социального государства, которая делает этот проект уникальным и актуальным до сих пор. Эта черта – интегрированный характер социального государства, с самого начала включающего в себя не только институты социальной поддержки и помощи, но и образование, просвещение, социальные институты и механизмы личностного и коллективного развития. Однако советский социальный проект осуществлялся в условиях политической несвободы, что его и погубило.

С 1970-х годов в СССР установился своеобразный режим политической несвободы в сочетании с пассивной социальной демократией. Граждане постоянно ожидали от государства решения своих социальных проблем, вместо того, чтобы организовываться самим и отстаивать свои интересы. Государство превентивно вырабатывало собственную концепцию и социальную стратегию, довольно, впрочем, адекватную генеральным социальным потребностям. Это и удерживало людей от социального протеста, подрывая основы самоорганизации. Такая зависимость от государства обеспечивала внешнюю политическую лояльность в сочетании с внутренним скрытым недовольством и растущими претензиями к государству. Претензии, кстати, часто предъявлялись именно к качеству обеспечения, а не к недемократичным принципам формирования социальной политики.

Принципиальная авторитарность советского социального государства с самого начала вступила в противоречие с его стратегической направленностью на развитие и предопределила, в конечном счёте, отрыв социальной политики

от текущих общественных настроений и чаяний. Советский гражданин, измученный бытовыми неурядицами, дефицитом товаров и бюрократическим контролем со стороны государства, превращался во фрустрированного потребителя, тоскующего по свободе и независимости. И невольно соединяющего в своих грезах свободу политическую и духовную с возможностью неограниченно потреблять. Эффект «пассивной демократии» и иждивенческая инерция обусловили слабость постсоветского общества перед лицом неолиберальных реформ, неспособность к сопротивлению, борьбе за элементарные права. Капитализм бывшие советские граждане воспринимали как потребительский рай и первое время пытались индивидуально осваивать его возможности, даже сопротивляясь организованно эксплуатации и нарушению трудовых прав. До сих пор в российском обществе не сложилось устойчивое и ясное понимание капитализма как принципиально несправедливой системы. При этом уровень низового недовольства экономической и социальной ситуацией довольно велик, но нет сложившихся моделей организации этого недовольства.

Тем не менее социальное государство, целостное или фрагментарное, буржуазное или советское, формировалось для выполнения задачи преобразования общественных отношений адекватно состоянию производительных сил, главным из которых стал человек, его энергия и творческий потенциал. У этой исторической задачи изначально было два субъекта – трудящийся класс и правящий класс, собственники средств производства (в советском варианте – партийная бюрократия). Социальный компромисс и заключался в том, что правящий класс позволил государству открыть каналы социальной мобильности, стимулировать процессы развития общества и человека во имя создания адекватного потребностям экономики трудового потенциала и – что немаловажно – адекватного масштабам капиталистической экономики потребителя. Социальный компромисс, сделавший возможным появление социального государства, изначально ограничил горизонт его развития, его возможности выполнения задач развития общества и человека.

Социальное государство не снимает антагонизма труда и капитала (общества и правящего класса) и даже, на самом деле, не смягчает его в исторической перспективе. Этот антагонизм просто перестает быть противостоянием богатых и бедных, власть имущих и бесправных, просвещённых и тёмных. Он трансформируется в антагонизм двух субъектов созидания, управления и функционирования социального государства – буржуазии, которой нужно общественное спокойствие, образованная рабочая сила и грамотный потребитель (термин предыдущего министра образования РФ Андрея Фурсенко) и трудящихся, которым необходимо доступное и качественное образование и здравоохранение, доступ к культуре и знаниям, профессиональному развитию и гарантии достойного уровня жизни. По мере развития социального государства именно его институты становятся ареной борьбы антагонистических интересов – интересов созидания и присвоения.

Однако именно социальное государство, получив исторически сразу двух антагонистических субъектов своего развития, способствовало и деконсолидации каждого из них. Деконсолидация связана с дифференциацией социального поведения, трудовой мотивации и профессиональной психологии, обусловленной различными, часто противоположными, представлениями о конкретном содержании социальных прав, о конкретных направлениях развития социального государства. Это усугубляется тем, что профессиональные и бюрократические (управленческие) институты и структуры социального государства становятся своего рода источниками ренты для занятых в секторах социальной сферы, в структурах управления социальным государством. Профессионализация деятельности, связанной с обеспечением функции общественного и индивидуального развития, порождает как субъективацию, индивидуализацию общественного долга, так и обратный процесс – превращение реализации общественных задач в источник личного дохода и статуса.

В России эти процессы сейчас довольно заметны. Неолиберальные реформы социальной сферы, ее коммерциализация и бюрократизация встречают довольно слабое и разрозненное сопротивление, но зато имеют весьма мощную поддержку в среде директоров школ и медицинских учреждений, ректоров вузов, руководителей региональных органов управления социальными секторами. Однако бюрократические правила организации и оценки работы учителей, врачей и преподавателей, ненавистные многим, вербуют и немало сторонников. Бюрократические правила запутаны, нелогичны, раздражающе детализированы. И всё же выполнить их нередко оказывается проще, чем добросовестно и ответственно работать, постоянно проверяя на прочность свою работоспособность и талант.

Кроме того, комплексу социальных мотиваций, порождаемых социальным государством и необходимых для его целостности, для выполнения им исторической задачи развития общества – мотивации к самоотверженному труду, гражданской ответственности, творчеству и свободе и т. п., – противостоят мотивы и стремления, взращенные обществом потребления. А с обществом потребления, повторюсь, буржуазное (и во многом – советское) социальное государство росло и развивалось во враждебном единстве, как доктор Джекил и мистер Хайд.

В относительно благоприятной экономической ситуации у буржуазии появляется соблазн пересмотреть условия компромисса, сократить растущие социальные расходы, и бюрократия начинает выполнять заказ, реорганизуя работы разных ведомств, структур и учреждений, вовлечённых в социальное государство, предпринимая организационные шаги и принимая вроде бы простые технические решения, без шума, не встречая сопротивления. И однажды общество вдруг осознает, что что-то пошло не так, социальное обеспечение, образование и общественная медицина работают из рук вон плохо, а социальные расходы всё растут. Парадокс, но именно в такие моменты выполняющая

неолиберальный заказ бюрократия может получить мандат от общества на масштабные реформы социального государства. Очень не скоро общество поймет, что само отказалось от своих социальных прав.

Неолиберальная стратегия не хочет считаться с объективной обусловленностью Welfare State в целом и государственной системы социальной защиты в частности именно развитием капитализма. Либеральным мыслителям свойственно считать социальное государство навязанным буржуазии компромиссом, условия которого можно менять относительно произвольно. Тем временем «развитая потребность человека появляется с развитым разделением труда, но не равным доступом большинства населения к продуктам данного производства, базирующегося на разделении труда. …Если экономической основой социально-политической деятельности государства является промышленный способ производства и разделение труда, то социальной основой является объединение представителей наемного труда, чей интерес так же, как и интерес предпринимателей, покоится на данном производстве. … Социальная защита как легитимированная деятельность государства приобретает всеобщий характер, а потребности индивидов становятся политической категорией только на промышленной стадии производства, когда производительная сила общества – человек – начинает носить общественный характер. Этот общественный характер производства и человека предопределяет социально-политическую деятельность государства в социальной сфере и государственное управление потребностями человека»[1].

Социальное государство объективно обусловлено развитием капитализма, но именно капитализм обрекает социальное государство на гибель под грузом внешних и внутренних противоречий. Необходимо понять, что социальное государство является переходным состоянием общества. Развиваясь, оно перерастает само себя, преодолевает собственные противоречия и отрицает само себя в новом, гармоничном, коммунистическом социуме. Или, разрушаясь, оставляет общество ещё более дезорганизованным, чем до своего появления. И разрушение социального государства гораздо в меньшей степени способствует формированию консолидированного социального субъекта, способного стать на его защиту, чем потребность в социальных правах и гарантиях в тех условиях, когда они ещё не завоеваны.

Нечто похожее мы наблюдаем в России последние десять лет. Та относительная пассивность, с которой российское общество встречает демонтаж системы социальных прав и гарантий, наводит на мысль об отсутствии социального субъекта, способного её защищать. Однако та объективная обусловленность социального и профессионального статуса, благосостояния и жизнен-

---

[1] Стребков А. И. Социальная политика государства: понятийный фрагмент // Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. Серия «Мыслители». Вып. 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 397.

ных шансов массы российских граждан состоянием социального государства заставляет нас говорить не столько о потерянном, сколько о растерянном социальном субъекте защиты социальных прав. Люди готовы защищать свои социальные права, но не могут осознать целиком их необходимое содержание, не готовы сформулировать соответствующие требования, тем более – консолидироваться вокруг программы последовательных позитивных социальных преобразований.

Современной России необходима реконструкция социального государства, но это уже невозможно сделать, просто остановив неолиберальные реформы. Такая остановка, безусловно, необходима, но импульс деформации уже пошёл по секторам социальной сферы, искажена не только правовая, но и социально-экономическая и – главное – мотивационная основа их функционирования. Инерция разрушения уже слишком велика, нужны специальные усилия, чтобы ее остановить. Но преобразования необходимого масштаба требуют такого уровня солидарности, который российское общество обеспечить сегодня не может.

Главная задача, которую в современной России нужно решать на пути к восстановлению социального государства – это формирование социального субъекта, способного адекватно формулировать объективно существующие социальные потребности и отстаивать их. Необходим консолидированный субъект восстановления и развития социального государства. Но он не возникнет автоматически, даже для его появления и проявления на политической сцене необходимы последовательные осознанные действия.

Мне представляется, что для этой цели подойдёт социальный проект, обладающий следующими характеристиками:

– быть ясным, актуальным и однозначным настолько, чтобы общество солидаризировалось вокруг него;

– предполагать серию мероприятий, с одной стороны, относительно простых и очевидных, с другой – имеющих сетевой характер, то есть, дающих импульс развития сразу нескольким социальным секторам;

– не требующим идеологической определенности и политической консолидации, но позволяющим распространять навыки самоорганизации и социального творчества.

Это может быть, на мой взгляд, проект, направленный на развитие региональной инфраструктуры, причем для специализированных целей. Дорожное строительство в регионах, оптимизирующее социальные и социально-трудовые взаимодействия и, например, активизирующее локальный туризм, повышающее туристическую привлекательность регионов. Развитие внутреннего туризма – вообще очень перспективный в этом смысле проект.

В каждом регионе потенциальные объекты и маршруты туризма, но туризм нуждается в инфраструктуре – дороги, гостиницы (недорогие – прежде всего, если ориентироваться на внутренний и межрегиональный туризм, то

развивать нужно экономичный сегмент по модели недорого комфорта и рациональности). Кроме того, внутренний туризм не очень популярен и, следовательно, не представляет собой зоны сколько-нибудь заметного, тем более устойчивого, спроса. Но потенциально это и средства для развития региона, и новые рабочие места, и повод для создания привлекательного имиджа региона, опосредованно – для повышения его инвестиционной привлекательности. Заметим, что этот проект позволит создать новые рабочие места с хорошими характеристиками и перспективами. Привлекая в проект выпускников региональных вузов, используя в предварительных исследовательских мероприятиях возможности региональной академической среды, можно дать хороший импульс ее развитию, в целом обогатить социокультурный потенциал региона.

Проекты межрегиональной интеграции в рамках социально-ориентированных проектов также отвечают заданным характеристикам.

Например, межрегиональный проект развития внутреннего туризма может начаться с выявления возможностей каждого региона в смысле инфраструктуры, рекреационных и экскурсионных маршрутов. Выявив наиболее перспективные точки, можно совместно развивать и продвигать их, опять заявляя инфраструктурный проект, часть средств от которого стабильно поступает в фонд развития коммуникаций и социальной инфраструктуры в регионе. Постепенно проект может стать вполне прибыльным, если первоначально вкладывать средства в инфраструктуру внутреннего туризма и в формирование локальных проектов «обмена туристами»: школьные экскурсии, экскурсии выходного дня, социальные экскурсии и т. п.

Для заявленной нами цели «оживления и перевоспитания» субъекта реконструкции социального государства хорошо подходят проекты государственной поддержки индивидуального и малого предпринимательства, а также развития социального предпринимательства.

Услуги социального и воспитательного характера (уход за детьми и больными, репетиторство, помощь в реабилитации после болезни, индивидуальные тренерские услуги и т. п) – не только предмет постоянного спроса, но еще и возможность для организации системы гибкой занятости для так называемых слабозащищенных слоев населения – пенсионеров, родителей с маленькими детьми, инвалидов и т. п. Государственная фирма, помогающая с поиском клиентов, с налогами и помещением, дающая свои гарантии и репутацию, могла бы дать преимущество при сбыте услуг, что особенно привлекательно для людей, объективно дискриминированных на рынке труда. Такой проект даст наибольший сетевой и экономический, и социальный эффект при условии межрегиональной интеграции. К тому же при удешевлении межрегионального сообщения у этих фирм будет рынок сбыта услуг сразу нескольких регионов.

Проекты межрегиональной интеграции в сфере образования, культуры, коммуникаций также могут дать требуемые сетевые эффекты и способство-

вать «оздоровлению» субъектов и структур социального государства. Крайне важно, чтобы проекты были межрегиональными, но с участием небольшого числа регионов, причем имеющих потребность и предрасположенность к социально-экономической интеграции. Также важно, чтобы к участию в проектах привлекались различные социальные слои и социально-демографические группы, прежде всего – социально уязвимые. Важным условием достижения обозначенной «сверхзадачи» – реанимации социального государства – является участие в проектах структур гражданского общества.

Предложенные инициативы выглядят, наверное, слишком мелкими, локальными и «буржуазными» на фоне перечисленных выше проблем, противоречий и задач. Однако для более масштабных прогрессивных преобразований в России сегодня нет ни субъекта, ни необходимой инфраструктуры. А начинать с чего-то необходимо.

ПАРТИЙНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ В БОЛГАРИИ В КОНТЕКСТЕ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Г. Л. Манолов

PARTY FUNDING IN BULGARIA IN THE CONTEXT OF ANTI-CRISIS POLICY OF THE GOVERNMENT

G. L. Manolov

Аннотация: Статья посвящена партийному финансированию в Болгарии и антикризисным мерам в стране по ограничению бюджетных расходов и проблемам правового регулирования данного финансирования.

Ключевые слова: партийное финансирование, правовое регулирование, антикризисные меры, основные подходы.

Abstract: The article is discussing the party funding principles in Bulgaria and the anti-crisis measured used by the government to limit the budget expenses as well as the problem of the legal regulation of such funding.

Keywords: party funding, legal regulation, anti-crisis measures, general approaches

В условиях глобального мирового экономического кризиса все страны, на которые он повлиял, приняли радикальные антикризисные программы по решению негативных последствий. Это обычно осуществлялось путем сокращения расходов, ограничения государственного финансирования, а также путем усиления государственного контроля в различных отраслях и секторах народного хозяйства. Аналогичные меры были приняты и в Болгарии, несмотря на то что только в последние два года в стране сменились три различных правительства. Тем не менее, эти меры повлияли на бюджетную сферу и на отдельные секторы экономики, не рефлектируя положительно на государствен-

ное финансирование болгарских партий. Поэтому широкое развитие получили такие вредные явления, как «торговля голосами», контролированное голосование, «коррупционный рынок», что все больше и больше «замутняет» текущую политическую жизнь.

1. Правовое регламентирование партийного финансирования (после 10.XI.1989 г.)

Под давлением бурных событий начала 90-х годов был принят первый закон о политических партиях в Болгарии[1], чьи политические параметры следующие. Во-первых, вопрос регулирования партийной собственности и, в частности, регулирования источников средств, которые, как правило, встречаются в виде четырех типов: вступительные и членские взносы, дарения и завещания, доходы от предпринимательской деятельности и субсидии из государственного бюджета.

Во-вторых, проблема запрета политическим партиям получать финансирование от учреждений, организаций и предприятий, а также невозможность получения внешнего финансирования (грантов, дарений и завещаний) от иностранных государств и организаций. В-третьих, казус, который позволяет государству субсидировать политические партии во время выборов. В-четвертых, возможность сторон вести бизнес в связи со своими уставными целями и задачами, также пользоваться определенными налоговыми льготами. И в-пятых, механизм контроля политических партий за набранными и израсходованными денежными средствами – постоянно действующий орган экспертов при Народном Собрании (парламентарный и общественный).

Следующим шагом к решению указанных задач стало принятие нового Закона о политических партиях (2001), тем самым делая дополнительный опыт для быстрой адаптации этого вопроса к европейским требованиям. В нем содержатся несколько существенных моментов:

1) Регулирование (и расширение) собственных доходов политических партий, таких как членские взносы, доходы от недвижимости и др.

2) Предоставление ежегодного государственного субсидирования из государственного бюджета для финансирования представленных парламентских партий и коалиций (пропорционально полученным голосам).

3) Предоставление со стороны государства и муниципалитетов помещений политическим партиям, получившим более 1% действительных голосов (на последних парламентских выборах), для реализации их деятельности.

4) Ограничение размера разного рода дарений и пожертвований, таких как: анонимные пожертвования, чья общая сумма превышает 25% годового государственного субсидирования соответствующей партии; пожертвования от одного и того же лица (физического или юридического) на сумму 30000 лв.; за счет средств от предприятий с более чем 50% государственного и муници-

[1] ДВ (Государственная газета, далее ГГ). № 29, апрель 1990.

пального участия (или от предприятий и организаций, осуществляющих заказ по государственному или муниципальному контракту) и др.

5) Запрет ведения любого бизнеса.

6) Полный контроль со стороны Счетной палаты[1] финансовых доходов и расходов политических партий.

В третьем Законе о политических партиях (2005 г.)[2] сделана еще одна попытка приблизиться по этому вопросу к европейским и мировым стандартам. Вводятся новые требования по улучшению прозрачности и контроля финансирования политических партий в нескольких ключевых областях: 1) разрешительные, что напрямую связано с увеличением источников пополнения партийных финансов; 2) запретные, явно требующие запрета анонимных пожертвований, средств от организаторов азартных игр и др.; 3) «инновационные» – вводятся новые положения в Законе, как «административное наказание» (фиксации различных типов штрафов за несоблюдение обязательств) и «дополнительные» (с указанием некоторых важных понятий в нем). В связи с этим резко возрос финансовый контроль политических партий посредством ряда других ограничений: предельный потолок пожертвований (10000 лв. для физических лиц и 30000 лв. для юридических лиц), в том числе прилагается список дарителей с пожертвованными суммами; пресечение так называемого «вторичного финансирования» партий от государства (запретить партиям брать деньги от компаний с более чем 5% государственного или муниципального участия или их дочерних фирм) и прочее.

В синтезированной последовательности очередные новости в ЗПП (с 2009 г.)[3] могут быть сгруппированы следующим образом: а) запрет пожертвований политическим партиям юридическими лицами (компаниями, индивидуальными предпринимателями), а также религиозными организациями. Дарения могут быть сделаны только физическими лицами, до 10000 лв. (на 1 год); б) увеличение государственной субсидии для партий почти в три раза, или тех партий, которые имеют, более чем 1% влияния, принимают 5% от минимальной заработной платы за 1 голос (ранее 2%, или 4,40 лв.), т. е. 12 лв. за 1 голос[4]; в) введение публичного регистра (реестра) партий, в которых они приводят своих спонсоров, собственное имущество и социологические PR-агентства, с которыми они работают; г) повышение контрольных функций Счетной палаты при проведении аудита политических партий, в том числе права Счетной палаты уведомлять Национальное агентство по доходам и Прокуратуру о проведении ревизий и инспекций, если необходимо, и др.

---

[1] ДВ (ГГ). № 30. 2001; ДВ (ГГ). № 103. 2003.

[2] Опубликовано в ДВ (ГГ). № 28, апрель 2005; после этого изменено и дополнено 2 раза – ДВ (ГГ). № 102. 20 декабря 2005; ДВ (ГГ). № 17. 24 февраля 2006.

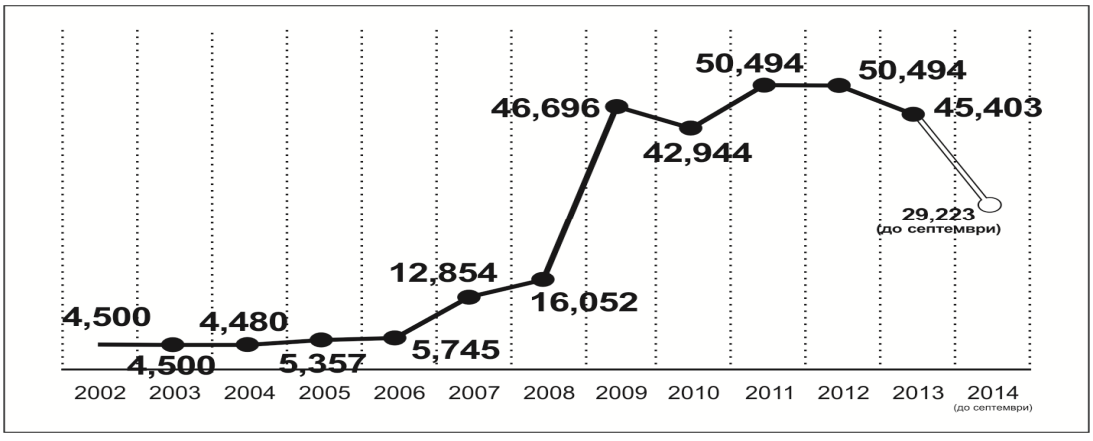
[3] ДВ (ГГ). № 6, 23января 2009.

[4] От 2014 г. эта сумма корригирована на 11 лв. за 1 голос (решением 42-го Народного собрания).

На первый взгляд, новые изменения к ЗПП создают хорошее впечатление, как будто удалена большая часть недостатков в финансировании, вытекающих из практики политических партий в стране. Тем не менее, это обманчивое впечатление, потому что несмотря на некоторые радикальные изменения, такие как, например, запрет на дарения от частных компаний, незаконное финансирование партий в значительной степени остается неизменным в Болгарии. Главным доказательством тому служит ряд правовых «пробелов» в поправках, а именно: 1) полное государственное финансирование политических партий, которое ежегодно уже обходится налогоплательщику в Болгарии от 30 до 50 млн. лв., или около 310 млн. лв. в рамках десяти лет (2004–2014 гг.), т. е. 10-кратное увеличение в течение 10 лет (схема 1); 2) запрет финансирования партий различными частными компаниями просто переместил в другую «незаконную плоскость» (финансирование от частных лиц и компаний, которые дарят эти деньги партиям); 3) в полной силе остается условие субаренды офисов партий (и недвижимого имущества) для торговых коммерческих целей, хотя формулировка Закона официально запрещает подобное (ст. 32, п. 2); 4) регламентированы невероятно смешные низкие штрафы для партии, которая скрыла спонсора (10000 лв.), за несвоевременное представление финансового отчета (1000–2000 лв.), за лицо от политической партии, препятствующее аудиту Счетной палаты (1000–2000 лв.) и т. д. и т. п.

Схема 1

Государственная субсидия политических партий в Болгарии (2002–2014 гг.)

Источник: Министерство финансов; газета «Труд», 22.X.2014.

В этой последовательности будет считаться недосмотром, если мы пройдем стороной несколько новых регламентов партийного финансирования партий в Болгарии, которые содержатся в новом Избирательном кодексе (2011 г.) и его изменениях в 2013 г.[1], а именно: во-первых, создается единый публич-

[1] Избирательный кодекс. София: Сиела, 2011; ДВ (ГГ). № 17, 21 февраля 2013.

ный реестр политических партий в Болгарии, который регистрирует политические субъекты для участия в выборах; во-вторых, сделана попытка более строгого регулирования финансирования партий перед выборами, в которой зарегистрированные партии и коалиции будут располагать финансовыми средствами следующим образом: на парламентских выборах – до 4 млн. лв. (вместо 1 млн. лв. для партий и 2 млн. лв. для коалиций на текущий момент); на местных выборах – в общей сложности 8 млн. лв. для всех партий (это более высокий потолок); на президентских и на выборах в Европарламент – 2 млн. лв. (как и раньше), и т. д.; и, наконец, запрет на анонимные дарения и финансирование партий со стороны частного бизнеса; в-третьих, значительное внимание уделяется и законным барьерам перед незаконным финансированием партий во время выборов; необходимость открыть специальный банковский счет для избрания всех политических партий, коалиций и инициативных комитетов (путем регистрации в Счетной палате); полный запрет фирмам (государственным и частным) на финансирование предвыборных кампаний, посредством безвозмездного предоставления офисов, зданий, автомобилей, залов, билбордов, рекламных объявлений, плакатов, листовок, баннеров и прочих; спонсорства от религиозных социальных институтов; дарения, превышающие 1000 лв. от физических лиц, выплачиваются только банковским переводом (до сих пор лимит был 10000 лв.); размещение суммы дарений и имен их дарителей, которые предоставили бесплатные продукты или услуги, при этом обязательное декларирование происхождения денег (более 1000 лв.) в рамках Единого публичного регистра, и т. д. и т. п. Кроме того, в поправках Избирательного кодекса в 2014 г. специально по финансированию политических партий существует только одна коррекция, связанная с уменьшением с 4 млн. лв. на 3 млн. лв., на допустимые средства для партий и коалиций (блоков), используемых в избирательных кампаниях для Обычного Народного собрания[1].

Вывод, который можно сделать о нормативах, регулирующих финансирование партий в Болгарии (после 10.XI.1989 г.), более чем ясен и категоричен и заключается в следующем: действующее в настоящий момент законодательство о финансировании болгарских политических партий в значительной степени неэффективно, некачественно и устарело. Оно не дает полноценной возможности для развертывания повсеместного общественного контроля, подотчетности и гласности при финансировании партий и, по сути, «забивает легкие» демократическому политическому процессу в стране.

2. Проблемы финансирования партий в Болгарии

На основе демократического опыта в стране во время переходного периода и в самом обобщенном социально-политическом плане проблемы финансирования политических партий, как часть функционирования политиче-

[1] Избирательный кодекс. Сборник нормативных актов. 1-е изд. София: Сиела, 2014. С. 139.

ской системы в Болгарии, можно классифицировать в следующем логическом порядке:

Первая и самая важная проблема проявляется в том, как политическая власть действует в рамках работы своих законных социальных институтов (парламента, правительства и судебной системы). То есть, налицо присутствует формальная демократизация общества, действующая в ущерб (и за счет) содержательного и эффективного управления государством.

Далее, проблему представляет конкретное политическое поведение партий, особенно во время их предвыборных кампаний, поскольку большинство из них стали уникальными торговыми дружествами, и даже превратились в реальные «партии-корпорации». Все это потому, что их общая коммерциализация реализуется через «удвоенное партийное финансирование», которое однажды «закармливается» за счет государственной казны, и во второй раз – от десятков полулегитимных бизнес-спонсоров и избирателей. Таким образом, оно практически превращает большие политические партии в Болгарии в гигантских рыночно-финансовых потребителей средств, что практически дегенерирует эти партии от политических в экономические субъекты и, следовательно, представляет собой своеобразный политический, правовой и моральный абсурд.

Не менее важной является и проблема, которая касается дихотомии финансирования партий – политическая коррупция, и непосредственно вытекает из неработающих или формально работающих механизмов для отчетности доходов и расходов политических партий. Это создает у общественности много основательных сомнений о реальной политической коррупции и «способствует росту разочарования людей как от существующих партий, так и от политических систем, «движимых деньгами». Уменьшение количества людей, которые идут голосовать, убедительное подтверждение того»[1], что наблюдается прогрессирующее снижение голосующих в стране от выборов к выборам.

Чрезвычайно важной является проблема, связанная с так называемым «правящим классом», который после демократических перемен постепенно уходил вдаль от своих естественных функций по направлению к новому и ответственному на национальном уровне политическому классу (элиты), на счету которого, как оказалось, появилась замаскированная партийная олигархия партизанско-паразитического типа. Из-за систематического проявления череды «черных негативов» политической системы, она постепенно переоформилась в классическую клиентелистско-олигархическую коррупционную модель, где партийная клиентура, «теневой» бизнес и коррумпированные личности постоянно находятся в чести, но, на самом деле, управляют несколькими политическими институтами, скрытыми за тенью партийных штаб-квартир.

Такова же и проблема, которая непосредственно влияет на политико-правовую основу. Вы не можете не заметить, что наше специализированное

---

[1] Анатомия коррупции. Сборник статей. София: Златорог, 2004. С. 294.

правовое регулирование, такое как, например, наше избирательное законодательство, слишком неэффективно, бесполезно и в буквальном смысле – архаично. Этот вопрос не нов, он связан с пропорциональной избирательной системой, и совсем не случайно, что она, система, редко меняется, так как обслуживает, как лакей, все партийные штаб-квартиры со своим жестким избирательным списком.

С неблагоприятными социальными измерениями очерчивается и еще одна очередная проблема, потому что она нарушает и «убивает» принцип равенства всех перед законом. Речь идет о взаимосвязи между неравенством и коррупцией, где основное внимание сосредотачивается на нравственных отношениях людей в стране, в основе которых лежат не только экономические, но и политические неравенства, в том числе и отдельные модели (неравенств) в области политики. Эти неравенства в нашей стране ярко выражены, что ставит перед политическими институтами в стране новые обязательства и ответственность за их социальное смягчение и уменьшение.

И последняя существенная проблема имеет особенно негативный привкус, потому что уже двадцать пять лет болгарская политическо-партийная система и наше общество не могут или не хотят решить один фундаментальный вопрос. А именно – тотальное, всеобщее незаконное финансирование политических субъектов, несмотря на неоднократные изменения Закона о политических партиях и дважды внесенные изменения в Избирательный кодекс, которое продолжает существовать как «норма» в целой общественной жизни страны[1].

Среди этих основных проблем в контексте незаконного финансирования политических партий мы должны определить так называемую «торговлю голосами», которая каждый год берет все большие и большие высоты и принимает крупные размеры. Это превратилось буквально в глубокое гнойное заболевание политических партий в стране. Существуют различные типы «торговли голосами», которые, в общем, могут быть определены как естественная, косвенная, денежная торговля голосами и контролированное голосование, а также и новейшие формы их выражения, используемые в избирательных кампаниях при досрочных парламентских выборах в 2013 и 2014 годах.

При естественном типе «предвыборной торговли», как правило, выполняется «покупка голосов» посредством предоставления различных предметов, продуктов питания, товаров для быта и всяких других материально-вещественных «измерителей» и «мер» для голосования. Последним криком моды в «предвыборной торговле» стала массовая покупка и продажа голосов, при которой в сельских и деревенских супермаркетах главари партий и коалиций платят за людей-должников супермаркету их долги при одном условии – должники будут голосовать за соответствующую партию, организацию или коалицию.

---

[1] Манолов, Г. Цена выборов, или как партии покупают власть. Пловдив: Паисий Хилендарски, 2009. С. 350–368.

Ко второму виду «торговли голосами», или т. н. «косвенному маркетингу», можно отнести все те формы заигрывания с электоратом, при котором стороны «покупают» самые разнообразные потребности людей в виде различных льгот (сюда относятся различные услуги, электричество, древесина, экскурсии и др.) ради голосования за конкретную политическую организацию.

Что касается денежной «торговли голосами», то все, на первый взгляд, кажется, простым и ясным: через свои сети бизнес и партии незаконно распространяют и раздают ранее выделенные деньги людям (особенно меньшинствам), и их голос влияет в пользу одного или другого кандидата партии. Это, однако, только на первый взгляд, потому что практически работает целый рыночный механизм, с помощью которого партийные брокеры героически разворачивают нелегальную торговлю. И особенно в последнее время стала модной так называемая современная «коллективная форма торговли голосами», где уже есть тенденция «покупки» целых сел и деревень, хуторов, семейств, гетто цыган, футбольных пропагандистских групп (2013 г.). Также очень современным оказались на последних выборах (2014 г.) массовые «покупки» на частных торжествах (свадьбах, балах, крестинах, и т. п.) со стороны партийных и бизнес-боссов.

И, наконец, все большее развитие получает так называемый «контролированный голос», при котором массово раздаются деньги работникам компаний, чтобы те голосовали за строго определенные партии. Конечно, есть и угрозы, что если они не проголосуют за них, то будут уволены. Эту форму можно назвать новой, потому что в настоящее время (от выборов к выборам) практикуется все больше, т. е. она стала «современной». Кроме того, «контролированный голос» превращается во все более серьезную политическую проблему, которая по наблюдениям Ассоциации «Прозрачность без границ» сформулирована следующим образом: представители работодателей, которые оказывают давление на экономически зависимые от них лица (с целью упражнения права своего голоса в поддержку предпочитаемого работодателем кандидата); местные политические лидеры общностей или представители местных органов власти (имея ресурсы власти и влияние на местном уровне); неформальные лидеры общностей, проживающие в условиях ограниченных ресурсов и в целом являющиеся социально уязвимыми[1]. Даже в последнее время более широкое распространение получило вымогательство спекулятивным образом в виде трудоустройства безработных по формуле «даю работу за твой голос». Это еще один «хит» системы «торговли голосами», что крайне опасно, так как полностью рэкетирует безработных в Болгарии, но тем не менее он уже широко использовался в 2013 году. В 2014 году эта мода «ударила» массовой «торговлей по преференциям» со включением ряда церковных чиновников, убеждающих за деньги...

---

[1] Качество демократии в Болгарии / Составление и научная редакция: Добрин Канев и Антоний Тодоров. София: Восток-Запад, 2014. С. 178.

Таковы результаты распространения этих зловредных явлений в виде различных моделей нерегулируемого финансирования партий в Болгарии, которые реально стали незаконной «политической промышленностью» для производства и воспроизводства коррупции и «торговли голосами» в гигантских пропорциях. В связи с этим отметим, что, согласно некоторым оценкам на последних парламентских выборах (05.10.2014 г.), деньги, вложенные в «торговлю голосами», насчитывают более 80 млн. лв., при средней базе 70 лв. за один голос (для 1150000 человек).

3. Меры для решения проблем

Существующие проблемы финансирования партий, «торговля голосами», контроль за голосами, ограничения и отстранение не есть паллиативные мероприятия или плод какой-либо политической или лидерской воли. Для их разрешения существует ряд способов, методов, при которых законные политические субъекты (партии, коалиции, учреждения) могли бы провести целый ряд мер, чтобы избавиться от незаконности финансирования политических партий. Тем не менее, мы считаем, что мы должны экспериментировать (и приложить) и выработать несколько основных подходов к решению этих проблем, а именно:

1) Реформистское законодательство в политической системе.

При реализации такого подхода будет затронута вся политическая система, при которой будут модернизироваться все ее детали, элементы, звенья и структуры. Или, другими словами, речь идет о реформировании финансирования политических партий посредством представительной и непредставительной демократии, с помощью конституционных поправок, через новый избирательный кодекс, посредством глубокой судебной реформы и т. д.

2) Реформа партийной системы.

Этот подход требует целого ряда новых законов и нормативных актов, при этом процесс должен начинаться новым законом о политических партиях, законом лоббирования, законом о борьбе с коррупцией, законом о государственном служителе и пр., с помощью которых можно притормозить незаконные каналы партийного финансирования, проявления «теневого» политического рынка и раковых метастазов в политике, власти и социальных институтах.

3) Новый закон о финансировании политических партий (и избирательных кампаний).

Принятием этого закона можно создать самостоятельный специализированный государственный контрольный орган – Национальное агентство по финансово-избирательному контролю.

4) Резкое сокращение существующего чрезвычайно раздутого финансирования политических партий как часть антикризисных мер власти по принятию нового законодательства в этой области.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИЗИСУ: ОПЫТ АВСТРАЛИИ И ДЕБАТЫ ВНУТРИ ЛЕВЫХ

Р. Кларк

COMBATTING THE CRISIS: EXPERIENCES IN AUSTRALIA, AND DEBATES WITHIN THE LEFT

R. Clarke

Аннотация: В статье приводится успешный опыт австралийского правительства по принятию мер для предотвращения распространения кризисных элементов в 2008–2011 годах. В этот период Австралии удалось избежать рецессии и даже выйти на экономический рост. Однако сохранение принятых тогда мер оказывает негативное влияние на экономику в настоящем и требует значительной смены экономического курса. Автор предлагает ряд мер, способных улучшить ситуацию.

Ключевые слова: Австралия, экономика, Мировой экономический кризис, лейбористы, кейнсианство, неолиберализм, левые.

Abstract: This article presents the successful experience of the Australian government to take action to prevent the spread of the crisis elements in 2008–2011. During this period, Australia managed to avoid recession and even go into growth. However, the preservation of the measures taken while having a negative impact on the economy at present and requires a significant change of economic course. The author proposes a number of measures that could improve the situation.

Keywords: Australia, the economy, global economic crisis, Labour, Keynesianism, neoliberalism, the left.

Ниже я достаточно подробно расскажу об ответе западных левых на глобальный кризис капитализма. Но я считаю важным рассматривать его сквозь призму опыта страны, которая не испытала на себе кризис. Растущие показатели австралийской экономики в период кризиса 2008–2011 годов до сих пор сохраняют положительные тенденции. Причины связаны с удачным стечением обстоятельств и, в определенной степени, с хорошим государственным управлением.

Австралия – и это очевидно – более развитая и процветающая страна, чем Россия, но ряд особенностей сближает ее экономику с российской. Обе наши страны «продвигаются» в мире благодаря экспорту сырья. Обе имеют относительно низкий уровень внешнего долга, что увеличивает возможность использования накопленных резервов и дефицитного финансирования для стимулирования спроса и смягчения экономического спада.

В Австралии основное экспортируемое сырье – это железная руда и уголь, продаваемые, прежде всего, в Китай. Удача Австралии состояла в том, что во время тяжелейших годов кризиса процесс индустриализации Китая шел полным ходом. Спрос на железную руду и уголь был устойчив, цены были вы-

соки. Горнодобывающие компании в Австралии не облагались большими налогами, но доход государства был существенным, и инвестирование в инфраструктуру горнодобычи обеспечивало новые высокооплачиваемые рабочие места многим тысячам австралийцев.

В борьбе с кризисом сыграл определенную роль элемент хорошего управления. Он предполагал применение классических кейнсианских контрмер правительством лейбористов, которое пришло к власти в 2007 году. Эта партия предана капиталистам и не имеет разногласий с неолиберализмом. Но ее министры были достаточно разумны, чтобы понять – без повышения покупательной способности в экономике произойдет резкий спад и, возможно, досрочно отстранит лейбористов от власти. Девизом были слова «go early» и «go families» («уходите раньше» и «заводите семьи»). Через систему социальной защиты сумма в $1000 была выплачена всем семьям с детьми. Была запущена крупномасштабная программа строительства и восстановления школьных зданий. Субсидированная правительством программа установки теплоизоляции в домах быстро обеспечила рабочие места одновременно с экономией на потреблении энергии.

Эти решительные кейнсианские меры предотвратили рецессию. Для нас уроком является то, что до определенной степени кейнсианские меры могут защищать широкий круг интересов. Но они не могут положить конец кризису, лежащему в основе капиталистической системы, кризису, чьи причины лежат глубже, чем упадок спроса или снижение прибыли. Тем более, кейнсианство не спасло лейбористское правительство Австралии. Заработная плата была в состоянии стагнации, а безработица оставалась по-прежнему высокой. В 2013 году лейбористы посредством выборов были отстранены от власти.

Проблемой австралийской экономики является то, что стратегия правящего класса – получение прибыли от поставки сырья и материалов для интенсивной фазы китайской индустриализации – в относительно короткий срок утратила свою состоятельность. В Китае промышленный рост снизился, произошел сдвиг к более сложному производству и обслуживанию. Потребность в железной руде и угле теперь ниже, цены упали.

В Австралии ключевые источники кризиса не конъюнктурны, а структурны. Во время бума на ресурсы инвестиции в строительство ослабли, так как продажи минералов и угля были более прибыльными. Многие десятилетия большинство автомобилей на дорогах Австралии были местного производства. На сегодняшний день многие автоконцерны – Ford, Mitsubishi, Toyota – закрыли свои фабрики и ушли с рынка.

Пока продажи минералов и угля были высоки, экспортный доход позволял оплачивать производственный импорт. Но в последние несколько месяцев баланс дохода снизился. Падающий австралийский доллар испытывает инфляционное давление.

Для управления структурным кризисом в Австралии сейчас пришло к власти бескомпромиссное неолиберальное правительство, устанавливающее классические аскетические меры. Основная инфраструктура, особенно в энергетической промышленности, приватизируется. Такие же тенденции мы видим в образовании. Почти половина австралийских детей теперь посещает частные платные школы; общеобразовательная система становится низкосортным реликтом, который родители избегают, если им позволяет бюджет. С целью выживания университеты вынуждены создавать места для платной формы обучения студентов. В системе здравоохранения, многие годы бесплатной или практически бесплатной, пациентов вынуждают больше пользоваться платными услугами. В атаке на «социальное обеспечение» консерваторы усиливают тенденции, которые были опробованы лейбористской партией в последние годы.

Также «под обстрелом» находятся права рабочих на труд. Почти все забастовки сейчас фактически нелегальны. Членство в профсоюзе, некогда обхватывавшее половину рабочих, теперь составляет ниже одной пятой. Охрана труда и 40-часовая неделя – не более чем воспоминание для миллионов «синих воротничков». Многие из трудящихся, работавших полный рабочий день, теперь наняты как контрактники, работающие без нормированных часов, оплачиваемых отпусков и вынужденные обеспечивать собственную страховку.

Жесткая экономия денежных средств вместе с атаками на привилегии рабочих ограничила перспективы мелкого и среднего бизнеса. В то же время, Австралия – империалистическая страна с относительно большим, высокоразвитым капиталом, который агрессивно ведет поиски для расширения вненациональных границ страны. Высокоэффективные и конкурентоспособные крупнейшие австралийские горнодобывающие компании являются основными игроками в Тихоокеанском регионе вплоть до Чили, Монголии и Мозамбика.

Дебаты внутри австралийских левых о том, как противостоять этому структурному кризису, воспроизводят основные дискуссии, которые слышатся по всему миру. Если мы понимаем «левое» в смысле, предпочитаемом его оппонентам – то есть всех, кто ориентирован, по крайней мере, на умеренную степень государственного регулирования экономики и кто отвергает полный удар «аскетичности», то можем выделить три принципиальных стратегии. Заимствуя терминологию у рекламы пива, первая предстаёт в значении некоего «легкого неолиберализма». Она фокусируется на попытке удовлетворить спрос капитала на укрепление доходов, когда осуществляются более умеренные и выборочные сокращения широко распространенных выплат. Вторая стратегия состоит в отстаивании использования таких методов, как дефицитное финансирование для реструктуризации кризиса и предупреждения краткосрочного «погружения на дно».

Левым сложно не соглашаться с особыми мерами, которые избавят массы населения от ненужных страданий. Но логика этих мер, выступающих ха-

рактеристикой социал-демократии в своем левоориентированном варианте, заключается в том, чтобы спасти неолиберальный капитализм от его собственной дикости и безрассудства. Данная стратегия не может разрешить кризис, который будет проявлять себя в других формах.

На мой взгляд, социал-демократы, отстаивающие этот подход, не могут быть рассмотрены как аутентично левоориентированные, поскольку цель этой стратегии – увековечивание системы, пусть и в менее опасной форме. Истинные левые не думают о том, как можно лучше всего сохранить капитализм; их цель – защита интересов рабочих и угнетенных. Это предполагает обращение к методам, предполагающим фундаментальный конфликт с капитализмом, и настоящие левые не отступят от необходимых шагов.

В этом истинном, осознанно антикапиталистическом левом построении стратегии могут быть выявлены два основных течения. Первое можно обозначить ультралевым и сектантским. Оно исходит из того, что если положения социалистической революции повторяются часто и громко, они своей собственной силой и логикой убедят воинствующие части рабочего класса. Со временем сознательные социальные пласты достигнут такого социального веса, что кризис и капиталистическая атака будут встречены не отступлением, а восстанием рабочего класса.

Подобный схематизм привлекателен для восемнадцатилетних студентов. Но, как известно, гегемония капитала подразумевает контроль не только за средствами производства, но и за ходом дискурса – и, в итоге, за умами людей. Капиталистическая колонизация сознания рабочего класса слишком сильна и засела слишком глубоко, чтобы пошатнуть её одними революционными речами. И когда массы отринут слоганы и девизы революции, перед крайними левыми появится соблазн вершить революцию с помощью собственного примера, подменяя воинственный настрой рабочего класса своим собственным.

Второе течение в левой среде движется по другому пути. Этот тип левого дискурса, более развитый и сложный, отрицает и адаптацию к неолиберальным ценностям, и ультралевый подход. Цель дискурса – «перехватить» текущий образ мышления масс и повести его вперед. Агитация построена вокруг требований, которые подчеркивают и без того остро ощущаемую абсурдность капитализма, показывая, что эта система – не что иное, как препятствие на пути человеческого прогресса. Это заставит рабочих по-новому посмотреть на реальность, в которой они живут, и они станут более открытыми к тому, чтобы перейти мост, ведущий к антикапиталистическому сознанию. Гегемония идей разрушится через собственный опыт и мышление рабочего.

Примером этой методики, применяемой в качестве ответа на кризис капитализма, могут быть требования, выдвинутые нашей организацией Социалистический альянс на недавней избирательной кампании в Австралии. Мы утверждали, что для преодоления структурного кризиса, от которого страдает

экономика, ключевой задачей будет реконфигурация экономики и общества. Это означает мобилизацию государственных ресурсов, которые на данный момент крайне плохо используются – в основном на увеличение огромных цен на недвижимость.

Два основных требования, которые мы выдвигаем, – национализация банков и горной промышленности. Банки в Австралии представляют собой олигополию с сильной властью над государственной экономической политикой. Они непопулярны в обществе из-за нацеленности исключительно на получение выгоды для банка. Горная промышленность за многие годы получила огромную прибыль за счет низких рент на ресурсы. В период последнего лейбористского правительства в горной индустрии появилось мощное сопротивление откровенно слабым попыткам поднять налоги на сверхприбыльную индустрию по продаже руды за баснословные деньги. Рабочие в Австралии положительно восприняли призыв переместить эти корпорации, центр нашей экономики, из рук частных владельцев в руки демократического контроля.

Другое наше более общее требование – это предложение повысить налоги на корпоративный сектор в целом и устранить экономические и юридические лазейки. В результате огромного количества подобных лазеек налоги, которые платят даже самые прибыльные отрасли бизнеса в Австралии, крайне малы.

Эти требования доказывают ложность неолиберальных утверждений, что дефицит государственного бюджета является неразрешимой проблемой, решить которую могут только жесткие сокращения затрат.

Как же будут расходоваться средства, полученные этими путями? Очевидной необходимостью является увеличение затрат на образование и здравоохранение, что позволит сделать их бесплатными. Питание и доступное жилье являются следующими в списке приоритетов. Другими важными вопросами являются нужды инфраструктуры и публичного транспорта.

В центре левой антикризисной программы в Австралии лежит также необходимость направить силы капитала на развитие производства, для того чтобы ликвидировать проблемы, возникшие по причине большой зависимости от экспорта сырья. Здесь снова нельзя не провести параллели с Россией.

Так как зарплаты в Австралии все еще довольно высоки по мировым стандартам и размер внутреннего рынка невелик, основной труд по перестройке производства ляжет на инновационное, специализированное производство, которое должно базироваться на представительном научном базисе. Эта научная база, в свою очередь, должна вырасти из лучшей в мире системы образования.

Развитый производственный сектор жизненно необходим не просто для поддержки местных нужд и снижения расходов на экспорт, но и для того, чтобы создать экспортный сектор, который предоставляет относительно стабильный поток прибыли в глобальном бизнес-рынке.

Это идеи, которые сыграют большую роль в облегчении кризиса. Вполне очевидно, что в их реализации заинтересована большая часть населения. Но, как было предположено ранее, ни в Австралии, ни в России крупные корпорации не стремятся принять подобные предложения; все обстоит как раз наоборот. Чтобы здравый смысл победил, на арену должны выйти новые социальные силы и взять под контроль экономические приоритеты.

Но вышеприведенные требования не решат проблему кризиса капитализма на фундаментальном уровне. По моему мнению и мнению моей партии, фундаментальные решения могут быть только на основе свержения капитализма и замены его социализмом. Полная программа свержения капитализма, конечно, будет гораздо более затратной. Но смысл в другом: несмотря на то, что ограниченная версия этой программы, что совершенно очевидно, необходима, капитализм в своей современной, неолиберальной форме не может и не будет внедрять ее. Защита нужд большей части населения требует идти дальше, чем позволяют ограничения нынешней системы.

Подобная ограниченная программа требований, предложенная левыми, может изменить нынешнее политическое мышление рабочих и направить их вперед. Выстраивая мост к социалистическому сознанию, подобные требования открывают дорогу новым, которые подвергнут капитал еще большему стрессу. Это радикализирует социальную динамику и приведет к логическому концу – разрешению кризиса капитализма через свержение системы как таковой.

Подобные требования импонируют тем социальным слоям, которых напрямую затрагивает капиталистический кризис, и привлекают рабочих, в том числе с ограниченным политическим опытом. Подобные требования создают фундамент для блоков и альянсов, подобных Syriza и Podemos, которые способны полноценно объединить антикапиталистов, сражающихся против капитализма на рабочих местах, в университетах и на улицах.

То, на чем я остановился, представляет собой общую программу, которая была принята моей партией перед дебатами о том, как противостоять кризису – как в Австралии, так и на международном уровне. Как набор стратегий, она включает в себя отрицание как и «мягкого, нежного» неолиберализма социал-демократов, так и ультимативные догмы ультралевых. Диалектический по своей сущности и сфокусированный на необходимости «достучаться» и повлиять на широкие слои жертв неолиберализма, он заслуживает, по моему мнению, быть изученным, обдуманным и принятым к сведению членами левых политических течений в других странах.

ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА (ОПЫТ КНР И КПК)

Ю. В. Ирхин

LONG-TERM ANTIFREEZE STATE POLICE AND PROBLEMS OF THE VALUES AND SOCIAL CONSENSUS (CPR AND CPC EXPERIENCE)

Y. Irhin

Аннотация: Статья посвящена изучению проблем долговременной антикризисной политики в КНР, формированию ценностного и социального консенсуса. Автор показывает основные антикризисные долговременные тренды развития КНР и роль КПК.

Ключевые слова: ценностный и социальный консенсус, тренды, антикризисная государственная стратегия

Abstract: The article is devoted to the study of the problems of values and social consensus in CPR. The author shows basic antifreeze long-term trends of the development of CPR and role of CPC.

Keywords: values and social consensus, trends, antifreeze state police

Последние четыре десятилетия Китайская Народная Республика стабильно демонстрирует высокие и устойчивые темпы экономического и социального развития, составляющие до 8% в год. В рассматриваемый период времени, каждое десятилетие ВВП Китая практические удваивалось и по этому показателю он вплотную приблизился к США, став второй экономической державой планеты (а по паритету покупательной способности объемом в 17 трлн. долл. – занял первое место в мире).

КНР является ведущим государством конфуцианской цивилизации, которая охватывает страны наиболее динамично развивающегося, колоссального по своему природному и человеческому потенциалу, дальневосточного макрорегиона[1]. Характерной особенностью политики КНР являются неоконфуцианские принципы и направления управления обществом, которые позволяют решать ряд долговременных, антикризисных задач не только индустриального генезиса, но и перехода к постиндустриальному развитию[2]. Как показывает опыт, неоконфуцианские структуры и институты «управляемой» демократии, долговременная стратегия социального и ценностного консенсуса формируют необходимые условия и предпосылки для антикризисного, устойчивого социально-экономического развития этой страны[3].

---

[1] Ирхин Ю. В. Пространственно-временной ареал конфуцианской цивилизации: где пределы проекта? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политико-коммуникативные науки», 2015. № 1.

[2] Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.

[3] Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. Пер. с англ. / Под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: «Весь мир», 2011.

Особое значение для антикризисного развития КНР имеет политика КПК, направленная на рациональное использование системы конфуцианских и постконфуцианских принципов и максим для интеграции общества, актуализации технологических инноваций, совершенствования управления государством, выработки долговременных стратегий и др.[1]. Причем конфуцианство предполагает, в частности, именно долговременные, стратегические, часто циклические подходы к пониманию и проектированию общественного генезиса.

Целесообразно выделить долговременные антикризисные тренды или направления развития КНР.

Ведущий антикризисный идеологический и мировоззренческий тренд КНР подразумевает переосмысление идеологии и корректировку управленческих ценностей: на ведущее место выдвинута конкурентоспособная и эффективная стратегия экономического роста. Критериями истинности идеологических концептов выдвинуты практика и факты: «не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей» (Дэн Сяопин). После «культурной революции» 70-х гг. XX в. в стране были разрешены партийные дискуссии о ее развитии. КНР стала лидером по числу публикаций – 3 млрд. журналов и 6 млрд. экз. книг в год! Приветствуется высшее образование за рубежом (особенно, второе – для менеджеров, после первого в КНР).

Принцип «освобождения разума (или мышления)» предполагает обязательный учет:

– конфуцианских традиций;

– использование опыта Запада без ломки политической системы Китайской Народной Республики, в основе которой лежит руководящая роль Коммунистической партии Китая. КНР – это компания, которой следует управлять именно как компанией или корпорацией. Китайцы обретают уверенность в семье, группе, партии, коллективе, которые их объединяют. Конфуцианство подразумевает лояльность к стране и правительству, уважение и повиновение учителям и начальникам.

Современный Китай руководствуется стратегической программой развития до 2020 г., которая выстроена на основе двух концепций: «научного развития» и «социальной гармонии». Согласно первой, экономика КНР должна отойти от сложившейся в 90-е годы XX в. модели роста за счет экспорта дешевых товаров и сконцентрироваться на разработке собственных передовых технологий. Другим источником роста должно стать увеличение внутреннего потребления. Наконец, важными задачами объявлено укрепление рынка, реформа госпредприятий и постепенный демонтаж государственных монополий. В итоге к 2020 году Китай должен увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 годом.

Следующий антикризисный, управленческий тренд можно охарактеризовать как «Баланс векторов: «сверху вниз» и «снизу вверх». «Сверху

---

[1] Сивинцева О. В. Инструменты NPM в институциональной среде современного Китая // Ars Administrandi (Искусство управления). 2013. № 4.

вниз» – это традиционная руководящая роль компартии Китая, но в рыночных условиях. Отсюда: смешанные формы собственности, особые промышленные зоны с западным капиталом, 3 крупнейших из 5 частных банков в мире – КНР. Земля также передана в рыночную аренду на 90 лет.

Каждые 8–9 лет меняется 65–летнее руководство компартии на 55-летних, прошедших, в частности, школу руководства и в особых инновационных экономических зонах (Дэн Сяопин – Цзян Цзэминь – Ху Дзиньтао – Си Цзиньпин). По сути – это вертикальная неоконфуцианская демократия и контекстное лидерство (формирование среды, структуры, ценностей). Сегодня у власти в КНР находится «пятое поколение руководителей» (начиная от Мао Цзэдуна).

Концепция «трех представительств КПК» (70 млн. членов) подразумевает адекватное представительство передовых производительных сил (бизнес), передовой культуры, а также фундаментальных интересов подавляющего большинства народа. В КНР функционируют кроме КПК еще 8 партий (Демократическая лига, Революционного комитета Гоминьдана, Ассоциация демократического национального развития и др.). Их члены назначаются после консультаций на различные управленческие должности, включая Госсовет, от них избираются и депутаты. Распространены опросы общественного мнения, создание ассоциаций, контрольных избираемых населением групп на местах, индекс отбивных у чиновников (количество печатей), выступления (прогулки) с различными требованиями, однако в рамках закона.

Следует обратить внимание на гибкую управленческую стратегию КПК. Государство рационально вмешивается в экономику и поддерживает бизнес. Сформированы гибкие структуры: разрешена аренда и субаренда земли, созданы более 15 млн. частных компаний, совместные предприятия с западными фирмами, особенно автомобильными и в области электроники. Мировую известность получили особые экономические зоны: Тяньцзинь – крупнейший порт Северного Китая, Шеньчжень, Шанхай (Пудун) и др. (здесь построили современные заводы Тойота, Самсунг, Моторола). 10% бюджета КНР идет на науку!

В КНР достаточно широко используются принципы и методики нового государственного менеджмента, но их умело трансформируют применительно к китайским условиям институциональной среды. Импорт элементов нового государственного менеджмента и их имплементирование в особую институциональную среду КНР ведется достаточно рационально[1].

В Китае ограничиваются индивидуалистические (и эгоистические) крайности неолиберализма. Эффективно, публично и жестко (включая смертную казнь) ведется борьба с коррупцией.

КПК рекомендует на высокие должности незаурядных работников, даже если они не являются членами руководящей партии страны. Более 1 млн. ра-

---

[1] Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford: Stanford University Press, 2004.

ботников КНР работают по контракту; в стране 120 тыс. независимых юристов. Разрешены трудовые и имущественные споры. Число обращений в суд выросло с 520 тыс. в 1970 г. – до 10 млн. в 2007 г. Трудовые конфликты через суд – выросли в два раза.

Разрешена и приветствуется деятельность особых экономических зон. Так, Шеньчжень (бывшая рыбацкая деревня в 20 тыс. жителей возле Гонконга) за 30 лет превратилась в современный мегаполис («Пусть одни города разбогатеют раньше» – Дэн Сяопин). Поддерживается создание на базе старых заводов современных государственных предприятий с выходом их продукции на экспорт (Так, Китайская «Хайре групп» довела объем продаж современных электроприборов до 2 млрд. долл. в год).

Следует обратить внимание на создание в Китае «кремниевых долин» – технопарков, например, Чжанцзян (объединяет 309 компаний в сфере технологий, ежегодно регистрирует 3 тыс. международных патентов. То же относится и к Циндао, каждый день (!) регистрируется до 10 патентов (9 – технологических). 70% достижений КНР в высоких технологиях не уступают западным[1].

Китайские университеты и бизнес-школы: Тяньзцинская, при Цинхуа, Шанхайская китайско-европейская и другие вышли на мировой уровень. Среди лучших ста мировых университетов: восемь – китайские. В 2014 г. Китай занял первое место в мире (!) по количеству зарегистрированных научных патентов, впервые перегнав по этому показателю США.

Обучение и особенно повышение квалификации китайских ученых и управленцев обычно ведется за рубежом в ведущих мировых центрах; с 1996 г. управленческий персонал науки и наукоемких производств набирается только по конкурсу. Китайские айфоны и компьютеры становятся конкурентоспособными с американскими; тем более что многие части последних производятся именно в КНР.

27 сентября 2008 г. первый китайский космонавт (тайкунавт) Чжай Чжиган осуществил полет на корабле Шеньчжоу-7 с выходом в космическое пространство с китайским флагом в руке. В июне 2012 г. первая китайская женщина-космонавт Лю Ян и ее коллеги на космическом корабле Шэньчжоу-9 совершили двухнедельный полет в космос и произвели ручную стыковку двух орбитальных объектов.

В декабре 2013 г. китайский луноход «Жемчужный заяц» (в литературе Востока тени на Луне похожи на силуэт зайца) достиг Луны, прилунился, благополучно сошел на поверхность и приступил к исследованию спутника Зем-

---

[1] Авдокушин Е. С. «Китайская мечта» Дэн Сяопина и ее современные интерпретации // III Международная конф. «Успехи и проблемы современной модернизации Китая. Великие экономисты и великие реформаторы. К 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина». Финансовый университет при Правительстве РФ / Под ред. Н. М. Нуреева. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2014. С. 39–43.

ли. Спутник функционирует до сих пор и в апреле 2015 г. передал очередные фотографии Луны, на которых были изображены ее вулканические породы и их структуры. К 2020 г. планируется высадка китайских космонавтов на Луне, а в 2030 г. – открытие постоянной лунной обитаемой базы Китая.

В КНР созданы конкурентные региональные самолеты. К 2020 г. планируется создать самолет, равный Боингу, лучший в мире электромобиль и др. В 2014 г. по данным МВФ экономика КНР стала крупнейшей в мире. По паритету покупательной способности ВВП КНР составил 17,6 трлн. д., а США – 17,4 трлн. д. В 2010–2014 гг. КНР опережала США уже не только по темпам экономического развития (соответственно, 8% и 2–3%), но и по объему прироста ВВП. При сохранении этих темпов развития к 2019 г. китайский ВВП по ППС сможет опередить США почти на 5 трлн. долл.

Целесообразно выделить тренд «строительства двух цивилизаций: материальной и духовной» (Дэн Сяопин). Так, по всей стране развернуто строительство многофункциональных культурных центров (только в Шанхае их 109). За пределами КНР функционирует 256 (!) институтов или центров Конфуция – проводников его идей, китайской политики.

Доходы китайской киноиндустрии составляют более 1 млрд. долл. Книга Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», после опросов, была напечатана тиражом не 100 тыс., а 600 тыс. экземпляров. Когда в 2012 г. Нобелевскую премию по литературе впервые получил китайский писатель Мо Янь, то буквально в течение часа все тиражи его книг («Страна вина», «Красный гаолян») были полностью раскуплены в стране. КНР также стала ведущей спортивной державой. Мировым признанием пользуется китайский дизайн (500 дизайнерских колледжей). Китайские архитекторы побеждают в мировых проектах (Ма Яньсун «Пять Башен Абсолют в Канаде»).

КНР является родиной трех из десяти самых высоких зданий в мире (например, высота Шанхайского всемирного финансового центра составляет 492 метра; он признан одним из самых оригинальных и красивых сооружений мира).

Получили всемирную известность: Национальный балет в Пекине, Шанхайский балет, национальные оперные фестивали и т. д. В КНР работают более 1 тыс. художников («новая волна»). Сформировался китайский андеграунд – от социалистического реализма к конфуцианско-рыночным реалиям.

XXIX летние Олимпийские игры в г. Пекине в 2008 г., по качеству их проведения и организации, были признаны лучшими из всех проводившихся до них олимпиад. На них китайские спортсмены одержали убедительную общекомандную победу (100 медалей), содействовали популяризации спортивных достижений КНР. Более 1 млн. зарубежных студентов обучается в 544 университетах КНР; из США в Китае учится – 10 тыс.

Принципиален тренд «присоединение к миру на китайских условиях». Он раскрывает развитие КНР как мировой мастерской с конфуцианской спецификой. В 2001 г. КНР вступила в ВТО, после чего ее экспорт стал расти на

20–30% ежегодно; оборот внешней торговли составляет более 2,6 трлн. долл. с большим положительным сальдо.

Большая часть экономики Китая завязана на международные торговые площадки. В 2014 г. в России открылся филиал Сельхозбанка КНР – 10-й самый крупный банк в мире, с объемом финансовых средств в 2 трлн. долл. Размещение акций (IPO) «Алибабы» (китайской ТНК, занимающейся интернет–торговлей) в США вывело ее на уровень GOOGLE – 250 млрд. долл. Объем торговли КНР с ЕС и США составляет по 500 млрд.

Учитывая растущую роль КНР в мировой экономике, ее стратегическое значение для США, ученые стали использовать термин «Химерика» (China+ Amerika) для характеристики их возможного взаимодействия в финансово-экономической сфере.

Децентрализация КНР дает возможность выхода на мировой рынок регионам и т. д. Китай открыт для иностранного инвестирования в фондовые рынки (до 1 млрд. д.). Более 600 млн. пользователей Интернета в КНР используют его для торговых, научных и иных отношений с миром. Новейший тренд – возникновение интермедиа и транснациональных медиа; из 10 тыс. новостных ресурсов 2 тыс. существуют онлайн. КНР – член БРИКС. Возрастает его роль в МВФ и ВБ. КНР держит ценные бумаги США на сумму более 1,2 трлн. долл.

Китайская национальная платежная система China UnionPay охватывает 141 страну мира и 1 млн. банкоматов. К 2015 г. было эмитировано более 4 млрд. карточек UnionPay; по объему транзакций она обогнала платежную систему «Visa». С 2014 г. российские банки (Альфабанк, Газпромбанк, и др.) все чаще обращаются именно к China UnionPay, имея в виду еще и то, что на нее не распространяются известные санкции Запада. Ими планируется к 2017 г. эмитировать в России до 2 млн. карточек.

В США обучается 80 тысяч китайских студентов. Менеджеры КНР обычно получают второе образование в англо-саксонских университетах. Символом открытости КНР к миру выступает крупнейший в мире Международный пекинский аэропорт (построен за 4 года в 2008 г.). Китайские авиалинии считаются самыми безопасными.

Суммирующим мегатрендом и/или долговременной антикризисной задачей развития КНР стала выдвинутая ее руководством в 2013 г. концепция «Китайской мечты». Она включает в себя три цели: превращение Китая в богатое и сильное государство, энергичное развитие китайской нации (национальный подъем) и создание счастливой жизни для народа (народное счастье) [1].

Для этого страна должна:

1) двигаться вперед по собственному «китайскому пути», найденному в результате длительных и трудных поисков;

2) «развивать китайский дух», опирающийся на патриотизм, реформы и инновации;

3) «сплотить силы Китая»[1].

«Китайская мечта» – это национальная мечта, это мечта каждого китайца», – отмечал Си Цзиньпин. Об этой мечте писал и Дэн Сяопин[2]. В «китайской мечте» должно быть устранено противоречие между двумя моделями взаимоотношения власти и народа: «народ для государства» (легистская модель) и «государство для народа» (конфуцианская модель). Только в «породнении» государства с народом «китайская мечта» может реализоваться.

В рамках «китайской мечты» следует выделить стратегическую программу превращения Китая в современную постиндустриальную державу и формирования постиндустриального общества, охватывающую период в 70 лет! – с конца XX в. и до середины XXI века! Эта стратегия развития Китая (1980–2050 гг.) включает три этапа.

В период до 2010 г. в КНР было намечено создать «целостную систему социалистической рыночной экономики» и поднять жизненный уровень всего населения «до уровня малого благосостояния» («сяокан»). Эти цели были реализованы.

Задачи второго (современного) этапа (2011–2030 гг.) состоят в осуществлении развернутой научно–технической революции и создании основ информационного общества.

Третий этап (2031–2050 гг.) должен поднять Китай на постиндустриальный уровень и к середине XXI в. «засыпать падь», отделяющую его от высокоразвитых стран в области экономики и техники.

Данная задача соответствует мысли Конфуция: «Продумывая далекое, не столкнешься с неприятностями в ближайшем будущем»[3] [5].

В 2013 г. КНР провозгласила концепцию «Нового Шелкового пути», включающего экономический и морской пояса. Экономический пояс предполагает строительство железных и иных дорог, а также систем газо- и нефтеснабжения, охватывающих Северо-Западные провинции Китая, Центральную Азию (Казахстан, Киргизию и др.) и Россию до Западной Европы.

В перспективе по железной дороге из Пекина до Москвы (или наоборот) можно будет доехать за 48 часов, вместо нынешних семи суток. КНР готов выделить до 10 млрд. долл. для участия в строительстве железной дороги Москва–Казань как участка стратегической магистрали Пекин–Минск. Между Россией и КНР заключен долговременный договор на общую сумму в 400 млрд. долл. о тридцатилетней поставке российского газа по трубопроводу «Сила Сибири» в Китай.

У России есть все возможности, чтобы ее территория была не только пространством транзита между Европой и Китаем, но и важным активом и ресурсом развития.

---

[1] Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин, 1987. С. 123.
[2] Там же.
[3] Конфуций. Лунь юй. Спб, 2000. С. 112.

Опыт разработки и анализа ключевых управленческих трендов развития КНР имеет значение не только для государств конфуцианской цивилизации. Он может быть использован и в России:

– при разработке долговременных управленческих направлений, тенденций и стратегий развития России, целесообразно ее рассматривать не только как государство, но и как цивилизацию с соответствующей системой базовых ценностей;

– в условиях России особое значение приобретает построение эффективной вертикали власти: государство – бизнес – гражданское общество с постоянной эффективной обратной связью в парадигме «электронного правительства»;

– желателен постепенный переход от неолиберальной стратегии управления обществом к системной управленческой модели, объединяющей как концепции нового государственного менеджмента, так и публично-ценностного руководства, применительно к российским условиям институциональной среды;

– необходима постоянная государственная поддержка и развитие внутреннего, национального рынка товаропроизводителей (особенно, мелких и средних), повышение его емкости; создание особых условий для разработки инновационных технологий и науки;

– желательна большая ориентация на использование потенциала формирующихся систем резервных валют и вхождение в них. Формирование в России в 2015 г. Национальной системы платежных карт (НСПК) и подписание с рядом государств соглашений о прямых взаиморасчетах в национальных валютах практически сразу привело к укреплению как российского рубля, так и финансовой безопасности и независимости страны.

– целесообразно дальнейшее развитие сотрудничества со странами БРИКС, а также всего конфуцианского ареала, широкое использование их опыта.

ВЛИЯНИЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА НА ЛЕВЫЕ ИДЕИ

В. Л. Савичев

INFLUENCE OF POST-INDUSTRIAL SOCIAL DEVELOPMENT ON THE LEFT IDEAS

V. Savichev

Аннотация: В статье рассматриваются тенденции развития постиндустриального общества. Автор отмечает возрастание значения инженерных и управленческих функций в деятельности работников. Высказывается предположение, что изменения потребуют корректировки идей «потребительского общества». Автор предлагает развивать левое движение в русле «общества созидания».

Ключевые слова: постиндустриализм, технологический уклад, общество развития, левая идея.

Abstract: This article discusses the development trends of the post-industrial society. The author notes the growing importance of engineering and administrative functions in the activity of workers. It is suggested that the changes will require adjustments of ideas «consumer society» The author proposes to develop a left movement in the mainstream «society building».

Keywords: post-industrialism, technological way of development of society, left the idea.

Сама теория постиндустриального общества[1] логично вытекает из экономического детерминизма марксистской концепции. Изменения в производственных отношениях неизбежно порождают и изменения в структуре социума. Механизация, автоматизация, информатизация и роботизация технологических процессов сокращают потребности в больших трудовых коллективах, но повышают требования к уровню подготовки и профессиональному мастерству оставшихся специалистов. Повышается кругозор работников, все больше становятся востребованными менеджерские качества, умение согласовывать процессы и интересы, самостоятельно планировать свою деятельность. Привычная для левых модель трудовых коллективов, в которых можно было без труда найти доминирующую модель ценностных и целевых установок работников, сменяется многофакторной производственной системой, в которой значительно сложнее становится найти, привычные для пролетариата, стандарты производственных отношений.

Стандартизация потребностей уступает место множественности личных представлений о желаемом качестве жизни и целях профессионального роста. Поэтому снижается значимость солидарности профсоюзных интересов. Конкуренция за ресурсы и привилегии внутри производственной системы приводит к смещению основных противоречий с уровня собственник – наемные рабочие на отношения между самими работниками. Уменьшение численности специалистов при повышении их оплаты и уровня ответственности, формирование внутри коллективов различных команд, ориентированных на тех или иных ключевых управленцев, а также наличие больших возможностей непосредственно выходить на ключевых управленцев и собственников, принимающих решения – все это порождает отход от классических форм отстаивания своих социально-экономических интересов и перенос лоббистских усилий непосредственно в кабинеты управленческих структур.

Меняется и характер социальных запросов. Уровень материального вознаграждения в постиндустриальной экономике явно выше, чем это необходимо для простого выживания и восстановления сил работника и его семьи. Он дает возможность разнообразного планирования свободного времени, создания индивидуально предпочтительного качества и структуры окружающей социальной среды. И в этих вопросах индивидуализация представлений о на-

---

[1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004.

правлении и достаточности усилий для создания комфортной среды обитания явно атомизируют социальные системы. Для одних важны квадратные метры жилищ, для других впечатления от путешествий, для третьих обладание престижными атрибутами, необходимыми, в их понимании, для повышения собственного статуса в глазах окружающих. И таких мотиваций очень много. Кроме того, идет борьба за личное время, за возможность использования его в личных интересах, в том числе и в период работы на стороннего собственника. Важным является и включенность в социальные взаимодействия, дающая возможность привилегированного доступа к услугам, которые можно получать, будучи включенным в определенные производственные системы и отношения.

В итоге мы можем констатировать, что модели социальной солидарности, вполне типичные для индустриального общества, начинают трансформироваться. Работники получают все больше возможностей самостоятельно выстраивать комфортные для себя модели взаимодействий и проекты личного социального пространства.

Облегчает им эти задачи и фактор преодоления дефицита на материальные продукты и услуги в постиндустриальном обществе.

Показательным примером является интернет, который кардинальным образом меняет возможности общения и позволяет сформировать индивидуальный виртуальный социальный мир вокруг индивида, при этом позволив человеку менять свои социальные роли, задавать собственные настройки своих социальных позиций и культурных кодов. Виртуализация дает возможность как частично, так и полностью погрузиться в мир, сконструированный человеком под свои возможности, потребности и амбиции. Это становится альтернативой битве за ресурсы в реальном мире. Обычный клерк, не имеющий воли к власти, может реализовывать свои идеи о «правильном» управлении с помощью компьютерных игр или поддерживая, неважно, анонимно, а может и открыто, альтернативные точки зрения на происходящие события. Такая позиция, протест становятся тем удобнее, чем меньше человек предрасположен участвовать в реальной борьбе за власть.

Социальные сети могут организовать реальные структуры политической борьбы только в том случае, когда в них будут представлены очень популярные идеи и лидеры. В формате, когда каждый индивид реализует в виртуальном пространстве свою мировоззренческую концепцию, хаос разнонаправленных импульсов дает эффект выпуска пара.

Густав Лебон утверждал, что «толпа мыслит образами, и вызванный в ее воображении образ в свою очередь вызывает другие, не имеющие никакой логической связи с первым... Только образы могут увлечь ее или породить в ней ужас и сделаться двигателями ее поступков»[1].

---

[1] «Затерянный в бардаке»: Журналист Саймон Рейнольдс – о влиянии технологий на культуру потребления музыки http://apparat.cc/world/simon-reynolds-on-music/

Виртуальный мир способен сформировать любые картинки, образы, ассоциации. Но его недостаточно для реального протеста или участия в отправлении власти. Без дееспособной фактической политической структуры невозможно объединить социальную группу и направить ее усилия на достижение результата в политическом пространстве. Поэтому сама по себе современная информатизация общества создает эфемерные социальные группы, но этот процесс забирает много времени и способен дать иллюзию политического действия.

Преодоление дефицита ресурсов совсем не обязательно ведет к увеличению числа желающих участвовать в политическом процессе непосредственно. Погруженность людей в свои производственные, личные заботы, планы дает им возможность отстраивать личное социальное пространство, но совсем не стимулирует принимать участие в больших группах политического давления. Индивидуализация социальных запросов, в условиях пока нет жесткого кризиса, ставящего под сомнение сохранение привычного уклада жизни и моделей решения задач формирования комфортного пространства, снижают социальную базу для левого движения.

Общество потребления, насыщенное материальными ресурсами, услугами, информацией, сегодня не просто стало альтернативой социалистической идее; оно, по сути, развенчало привлекательность мечты о справедливом обществе всеобщего благоденствия.

Современные программы левых организаций в Российской Федерации не содержат положений, способных доказать, что вне общества потребления граждане нашей страны могут получить модель жизни, которая будет гораздо интереснее и перспективнее, чем уже созданные социально-экономические отношения.

В целом левое движение в нашей стране можно разделить на «революционеров» и «эволюционистов». Для первых постулатом остается классовая борьба и стремление создать строй, в котором будет резко ограничена частная собственность, а государство возьмет на себя всю ответственность и полномочия за проведение энергичной промышленной, финансовой, социальной, культурной и всех остальных видов политик. Ключевым аспектом этой модели является формирование государственной монополии как в экономике (с вариантами присутствия частной собственности), так и в политике. По факту, это реинкарнация советской модели. При внешней привлекательности в ней содержатся глубоко реакционные идеи. Монополия не даст реальную власть в руки народа. Как и в СССР, власть будет полностью монополизирована бюрократической верхушкой. И если первое поколение революционеров еще, может быть, и будет руководствоваться идеей всеобщего блага, то последующие, пройдя весь путь аппаратной борьбы за власть, неизбежно сосредоточатся на удержании своих привилегированных позиций. Экономический базис монополизма на средства производства неизбежно будет определять и характер отношений в надстройке. Это вывод из самой логики марксистского учения.

Революционеры – на сегодняшний день, пока нет системного кризиса политической власти – не предлагают привлекательную для большинства перспективу. Даже при очень значительном разрыве в уровне доходов между высшим классом и остальными, а также относительно небольших (в сравнении с Западной Европой, Северной Америкой и Японией) доходов большинства наемных работников в России, существующая модель уже сделала собственниками жилья, дачных участков, автомашин, большинство российских семей. Кроме того, наглядный пример стран, где прошли «цветные революции», очень ясно показывает, что перевод конституционного политического процесса в состояние силового гражданского противоборства приносит скорее убытки и новые проблемы, чем решения актуальных проблем.

Апелляция к опыту Китая в данном случае не в пользу революционеров. Лидеры КНР принципиально против любых попыток вывести политический процесс из русла согласования интересов внутри существующих там политических институтов на другие площадки. Россия сможет пойти по пути, близкому китайскому, только в том случае, если возникнет элитный консенсус. В этом случае если политический переворот и возможен, то только верхушечный, аппаратный, без привлечения широких масс и создания революционных институтов.

Эволюционисты пытаются перевести политический процесс в русло создания социально-политической системы, характерной для признанных социальных государств, типа Швеции или ФРГ. Опять же, в этом случае возникает вопрос: кто будет двигателем таких серьезных перемен?[1] Они должны предполагать увеличение налоговой нагрузки, в том числе и на физические лица, резкое усиление качества работы государственного аппарата и изменение характера отношений государства с крупнейшими частными собственниками. При этом доминанта потребительского общества в социальном сознании и действии особо не будет затрагиваться. И это не добавляет аргументов для подобного рода политических реформ. Зачем менять уже сложившиеся отношения? И в чьих интересах? Не секрет, что в действующей модели именно крупные собственники имеют ключевые позиции в лоббировании интересов в институтах государственной власти. Все попытки создать мощную политическую силу с эволюционными левыми взглядами в России так и не получили ни своей устойчивой электоральной базы, ни серьезной поддержки со стороны субъектов экономики.

Действующая власть активно пользуется инструментарием и концептуальными положениями теории социального государства. При этом соблюдается жесткий баланс между возможностями экономики и бюджета и социальными преференциями. Россию нельзя назвать социальным государством по типу

---

[1] Аузан А. Как вывести экономику из комы. http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a15967/#ixzz3cskYhrcL

ведущих европейских. Но и отрицать значительные усилия власти по наращиванию социальных выплат тоже неправильно. Грамотное балансирование между интересами различных социальных групп позволяет В. В. Путину замкнуть на себя поддержку большинства населения и фактически блокировать возможность создания мощной оппонирующей левой структуры. В таких условиях, чтобы сохранить влияние во властных институтах, левым придется идти на соглашение с Кремлем. А попытки отдельных организаций сыграть роль жесткой оппозиции только приведут к маргинализации этих структур в политическом поле.

Проблема российских левых в том, что они не могут создать привлекательной альтернативы концепции общества потребления. Позиция крупнейшей политической силы – КПРФ – ясно показывает, что никакой принципиальной новизны в ее программе нет. «Происшедшая в СССР и в ряде других стран реставрация капитализма означает временное отступление социализма… Главная материальная основа неизбежного наступления социализма состоит в обобществлении производства. Складывается передовой отряд, ядро современного рабочего класса. В нем коммунисты видят свою главную социальную опору»[1].

И «Справедливая Россия» только по тактическим вопросам расходится с действующей властью[2]. Подходы «Левого фронта» и более мелких организаций также ничего не дают нового в создании альтернативности обществу потребления.

Таким образом, современная российская левая идея не содержит в себе позиций, которые могут стать реальной альтернативой уже сформированной модели на проведение внутренней политики через развитие общества потребления. Учитывая, что российский социум не утратил своего желания сравняться по качеству жизни со странами Запада, не приходится предполагать, что российская левая идея сегодня способная стать основой для радикальных политических изменений в Российской Федерации. Левые организации пытаются сохранить свои классические идеологические постулаты или пропагандируют где-то уже реализованные модели, при этом не всегда даже учитывая, что те оказались, в итоге, в глубоком кризисе.

Не готовы левые и предложить эффективную идеологию перехода страны на 5-й и 6-й технологические уровни. Упование на мобилизирующую роль государства – опять же устаревшая концепция. Пока не будет найдена модель экономического, а не административного мотива к инновационному развитию страны, проблема технологической отсталости будет сохранять свое постоянное значение. Левые организации при этом не формулируют и новые подходы к ситуации, когда роботизация и искусственный интеллект не только будут

---

[1] Программа Коммунистической партии Российской Федерации http://www.lawinrussia.ru/node/38804

[2] Программа «Справедливой России» http:// www.spravedlivo.ru/5_47885.html

помогать насыщать экономику ресурсами, но и вытеснят часть работников с привычных тем позиций.

Ключевая проблема российской левой идеологии в том, что она перестала носить характер прогрессивного и футурологического взгляда на мир. СССР так и не смог войти в постиндустриальное измерение, поэтому, когда основной идеологический посыл заключается в том, чтобы возродить советскую систему, сразу становится понятным, что у приверженцев такого подхода до сих пор нет четкого понимания, как создать оптимальную модель постиндустриального развития России. Механическое наращивание производства на основе 4-го технологического уклада – это просто проедание ресурсов и обречение себя на проигрыш в глобальной конкуренции.

При всем мировом многообразии концепций, основанных на марксизме и других теориях, ориентированных на парадигму «сделать частное общедоступным (не путать с государственным)»,[1] на левом фланге российского политического пространства очень мало разработок, ориентированных на осмысление меняющихся условий развития будущего общества и роли в этом технологических изменений. А если они и есть, то ограничиваются лишь футурологическими прогнозами перспективных технологий.[2]

Если принять за цель марксизма «возмутительный подрывной вопрос: как возможно «народовластие» там, где все средства производства остаются в руках меньшинства, не избранного и не контролируемого никем?.. И следующий ответ на него: «марксизм предлагает навсегда покончить с системой, которая дает каждому зрелище вместо Смысла, занятость вместо Дела, роль вместо Судьбы и банковский счет вместо Победы. Большинство из нас каждый день заняты не тем, что считают важным, а тем, за что нам платят, и потому мы отказываемся отвечать за то, что ежедневно делаем. Это «просто работа», «просто бизнес» и «просто отдых». Такой опыт создает «просто людей», т. е. парализует их творческую волю и накапливает внутри свинцовое чувство, будто ты живешь чужую, а не свою, жизнь».[3] Тогда действительно актуальным становится проблема формулирования перспективной концепции развития общества, альтернативной обществу потребления и ориентированной на более эффективный, чем при капитализме, рост общих ресурсов общества и их распределение среди индивидов. Но не через государственную монополию собственности и распределения. Эту модель надо признать уже устаревшей, и, по большому счету, тупиковой. Она – компромисс в условиях общества дефицита.

---

[1] Цветков А. Что такое современный марксизм? Ответ Владиславу Иноземцеву. http://snob.ru/profile/28439/blog/93330

[2] Подберезкин А.И. Технологическое лидерство как глобальная стратегия и новое средство войны. 05 июня 2015 http://viperson.ru/articles/tehnologicheskoe-liderstvo-kak-globalnaya-strategiya-i-novoe-sredstvo-voyny

[3] Цветков А. Что такое современный марксизм? Ответ Владиславу Иноземцеву. http://snob.ru/profile/28439/blog/93330

Постиндустриальное и информационное общество движутся к технологиям, где человек становится управляющим процессами, а вся рутинная работа перекладывается на роботов, искусственный интеллект, системы автоматизации. Изменение уровней технологических укладов неизбежно приводит и к оптимизации использования природных ресурсов, и к увеличению роли человеческого интеллекта в производстве продуктов и услуг.

А вот в этом случае появляется дилемма – производить, реализуя свои мечты и восполняя чувство собственной значимости или для удовлетворения гедонистских потребностей. Капитал, ориентировав общество на стандарты массового потребления, отвел социальное внимание и энергетику от ключевых вопросов власти. Поп-культура успешно заменяет политические страсти. Но в этой модели есть изъян. Она ориентирована на расширенное воспроизводство прожигателей жизни, на ориентацию потребить сегодня в ущерб даже инвестициям в будущее. Этими вопросами серьезно занимаются крупные собственники. Поэтому они достигают больших успехов, чем массовый потребитель. И динамика концентрации капиталов наглядно это показывает.

Что может противопоставить такому положению вещей перспективная левая идея? Во-первых, полностью закрыть проект СССР. Он достиг своей вершины в условиях индустриального общества, но оказался неспособен перевести страну на инновационные цели развития в условиях доминирования общества потребления. Государственное регулирование, основанное на монополии силового принуждения, явно не могло конкурировать с образами бездефицитной жизни капиталистических демократий и оказывалось эффективным только в мобилизационных моделях перед лицом смертельной угрозы для общества и государства. Силовое принуждение может рационально реализовать модель разработки физических ресурсов, но очень не эффективно с точки зрения развития человеческого капитала.

Во-вторых, понять ключевые направления развития технологий 5-го и 6-го поколений. Понимать эти тенденции в контексте реализации целей развития социума. И предлагать свою, оригинальную, парадигму перехода на этот уровень.

В-третьих, поддержать усилия по созданию условий для развития частной собственности, ориентированной на создание инновационных предприятий как производственной силы, формирующей новые ресурсные возможности. И здесь существует ценностный конфликт между капиталистической моделью, ориентированной в России на извлечение прибыли из природной и статусной ренты, и созданием отечественного производства с высокой долей добавочной стоимости, высшими переделами и ориентированного на человеческий капитал.

В-четвертых, осознать факт, что демократия и народное самоуправление может развиваться только на основе увеличения числа собственников. Демократия в истории всегда была моделью согласования интересов множествен-

ности собственников. Буржуазная демократия – это компромисс между меньшинством капиталистов, которые лишь вовлекают в политический спектакль массы наемных работников. Причем иногда этот спектакль не имеет никакого отношения к реальным механизмам принятия политических решений. В США крупные собственники спонсируют обоих главных претендентов на пост президента страны и им, по большому счету, все равно, кто будет играть роль главного политика. Он лишь выполняет представительские функции, способствует легализации концепции «приватизации прибыли и национализации убытков».

Политические силы, имеющие власть, конечно, не заинтересованы в поддержке новой модели, приводящей к появлению все новых субъектов политического пространства. Поэтому развитие слоя собственников и превращение в собственников средств производства большинства населения – это самая трудная задача.

В-пятых, формирование у собственников потребностей в самореализации, в исполнении созидательной мечты, создание социальных правил, выводящих на ключевые позиции созидателей, а не рантье. Эта задача может быть решена только при приходе левых к власти.

Бездефицитное общество позволяет создавать механизмы ускоренного увеличения числа собственников, в том числе и за счет развития финансовых инструментов с отложенными требованиями по получению доходности. А индивидуализация потребления, замена человека в производстве роботами, программами, средствами автоматизации – делает ключевым производителем не наемного работника, а собственника. Но в этой модели все решает мотивация этого собственника. Он ориентируется на удовлетворение гедонистских потребностей или на формирование новой социальной реальности как цели своей жизни.

В развитии ценностей труда, созидания, реализации идей высокой социальной значимости и находится направление перспективной левой российской мысли.

Раздел II.
СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: СПЕЦИФИКА, РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. Н. Дорожкин

THE PROTEST MOVEMENT IN RUSSIA'S RECENT HISTORY: SPECIFICITY, PERFORMANCE, PROSPECTS

Y. Dorozhkin

Аннотация: Статья посвящена протестному движению в новейшей истории России. Автор обращается к его политико-системным детерминантам, особенностям, урокам, анализирует перспективы массовой протестной активности.

Ключевые слова: протестное движение, геополитика, политико-системные детерминанты, левая альтернатива в России

Abstract: The article is devoted to the protest movement in Russia's recent history. The author refers to his political and systemic determinants, especially the lessons and analyzes the prospects of mass protest activity.

Keywords: protest movement, geopolitics, political and systemic determinants, left alternative in Russia

В условиях кризиса всегда существует острая необходимость в эффективной антикризисной политике. Ее отсутствие или половинчатость, запаздывание или малоуспешность неизбежно усиливает активность политической оппозиции и/или порождает протестное движение. В новейшей истории России гораздо большее влияние на государственную политику имела скорее не политическая оппозиция, а именно протестные движения, часто носившие массовый характер.

В дальнейшем под протестным движением мы будем понимать выраженное в различных формах публичное недовольство по поводу конкретных социально-значимых проблем, жизненно важных интересов широких слоев населения, тех или иных аспектов государственной политики, функционирования системы в целом.

Массовая протестная активность – это всегда дестабилизирующий фактор в политической системе и обществе. С другой стороны, такая активность – один из драйверов общественных перемен, побуждающих власть к действиям.

Вполне понятно, что в разные исторические эпохи в разных странах протестные акции (от конвенциональных мирных выступлений граждан до их

противостояния власти) имели свою специфику, направленность и результативность. В этом исследовательском ракурсе рассмотрим протестную активность в новейшей истории России.

Прежде всего, обратимся к политико-системным детерминантам протестной активности. К ним относятся:

– неудовлетворительное качество политико-управленческих решений; отставание государственной политики, в том числе антикризисной, от ожиданий общества. Протестная активность производна от социально-психологической неудовлетворенности определенной части общества своим политическим, экономическим, социальным и иным положением;

– недостаточная открытость политической системы, непредставленность многих существенных групп интересов во власти, невозможность канализировать требования значительной части общества и политических сил в рамках парламента, политических партий, честных и свободных выборов, реального разделения властей и других институтов демократии;

– слабость системной оппозиции, профсоюзов и иных институтов гражданского общества.

На наш взгляд, решающую роль в зарождении массовых протестных выступлений в годы горбачевской перестройки (смягчение политического режима), на этапе радикальных рыночных реформ 1992–1993 годов, на этапе структурных преобразований государства и общества в 1994–1999 годах и на современном этапе играли и играют именно детерминанты политико-системного характера, в первую очередь, низкое качество государственных политико-управленческих решений. За этим стоит отсутствие стратегии реформ, политики, опережающей события (она скорее реактивная), своевременных и адекватных действий с учетом возможных негативных экономических, социальных, геополитических последствий. Поэтому постсоветская Россия и ее регионы прошли так или иначе практически все возможные кризисы: ценностные, политические, экономические, финансовые, экологические, идеологические и т. д.

За последние десятилетия новейшей истории России можно выделить следующие особенности российского протестного движения:

– многообразие и быстрая смена форм массового протестного движения (экологические, националистические и иные уличные выступления; экономические забастовки шахтеров; демократические демонстрации и митинги с политическими требованиями; абсентеизм; протестное движение автомобилистов, протестные акции рыболовов и т. д.) как конвенционального, так и неконвенционального характера, включая радикальный политический акционизм, в том числе «левацкого» толка. Это были движения самых разных групп общества, отличающихся по возрасту, профессии и социальному статусу. Появился и новый субъект политического акционизма – «креативный класс», обеспеченные слои мегаполисов и новая форма протестной активности постмодернистского типа, продвигающая постматериалистические ценности (качест-

во жизни, гармония с окружающей средой, права человека, комфортная среда обитания и т. д.);

– протестная активность развертывалась в условиях гибридного политического режима («мягкого авторитаризма»), пользующегося доверием большей части общества. Этот режим отличается от классического авторитаризма наличием некоторого «пространства свободы», что создает определенные возможности для существования оппозиции и протестного акционизма, включая «левые» движения;

– пики политического акционизма приходились на периоды фрагментированности или разделенности политических элит; при монолитной элите массовый политический протест маловероятен;

– протестная активность россиян имела различные причины, разную амплитуду колебания и динамику развития, носила географически локальный характер, выступления были изолированы, лишены критической масштабности и накала социальной и политической депривации, слабо координировались;

– протестная активность, будучи дестабилизирующим фактором, осуществлялась в рамках данной системы власти, не разрушала ее, не ставила под сомнения ценности Конституции 1993 г., ее институты и структуры. Специфика политического режима гибридного типа предусматривает определенный политический плюрализм, конкурентные выборы, способствующие переадресации протестного потенциала в электоральную общественно-политическую активность и институты формальной демократии; легитимность власти; широкую социальную поддержку Президента РФ; страх перед применением силы против протестующих; совпадение политического курса власти и ожиданий большинства граждан России, выступающих за приоритет ценностей стабильности и правопорядка; преимущественно проблемно-ориентированный характер требований протестующих.

Российское массовое протестное движение никогда не имело четкой и понятной идеологии, авторитетного политико-организационного оформления, не возглавлялось оппозиционными политическими партиями. Оппозиция и протестное движение фактически не соприкасались; они редко взаимодействовали в уличных выступлениях, в конвенциональных и неконвенциональных формах сигнализации власти о назревающих кризисных явлениях и процессах. Не было у протестных движений и ярких лидеров вроде Валенсы в Польше и Гавела в Чехии.

Характеристика протестной активности в современных реалиях России требует оценки ее результативности, уроков и перспектив развития. Здесь можно говорить о следующем:

– протестная активность, выступая фактором общественных перемен, так или иначе корректировала государственную политику и, как правило, приводила к разрешению кризисных ситуаций после снятия конкретных причин конфликта, но, зачастую, с существенными издержками – политическими, материальными, финансовыми и т. д.;

– спонтанность, непредсказуемость, издержки, острота многих массовых акций свидетельствуют о недостаточной демократичности политической системы, не позволяющей своевременно прогнозировать, предотвращать, минимизировать протестные выступления в неконвенциональных формах, не создавая тем самым угрозы социальных конфликтов, дестабилизации и порядка в обществе;

– протестная активность, будучи постоянным фактором общественного развития, тем не менее в условиях высокого доверия к власти, конструктивной и успешной политики государства может резко снижаться, затухать даже в период радикальных реформ;

– фактор присоединения Крыма и широкой поддержки главы государства исключает сегодня массовые протесты в России. Также маловероятно в текущий исторический момент левое массовое протестное движение как альтернатива консервативным ценностям, носителем которых выступает правящая элита, партия власти и Президент РФ;

– российское общество остается расколотым (80% консолидируются вокруг Президента РФ, 20% – его оппоненты) и нуждается в системе общенациональных ценностей, признаваемых всеми, а также стратегии развития, предполагающей создание равных условий для выражения позиций различных политических и общественных сил в рамках российской Конституции.

Для России остается актуальной проблема создания таких политико-властных отношений, в которых имеются все три «этажа» единого целого: гражданское общество – политические партии – государственная власть и где наличествует «базовый элемент» – общество, «производящее» партии и власть. Сейчас такая «система» сообщающихся сосудов отсутствует, есть лишь ее крепнущие «элементы» (государство просто лучше прочих структурировано и более активно), которые существуют во многом каждый «сам по себе», а власть пытается не только «сверху» отстраивать и выстраивать «сами себя», но и «под себя» – партии и институты гражданского общества.

Мировая и отечественная политическая практика постсоветского развития свидетельствует о том, что стратегия перехода к новым формам жизнедеятельности общества требует стабильности и порядка, консолидации всех социальных групп. Протестная активность появляется в том случае, если власть неэффективна, неповоротлива, чувствительно затрагивает при этом интересы значительной части населения. Или общество устает от этой власти и предпочитает новую, более привлекательную политическую элиту. Отсюда встает вопрос о разных моделях организации власти в условиях современной модернизации общества.

Есть модель европейская с разделением властей, политическим плюрализмом, сменой власти и т. д.

Есть модель Сингапура, Китая, Южной Кореи, Казахстана с опытом успешного развития с опорой на одну политическую силу и национального ли-

дера. Президент Казахстана Н. Назарбаев еще в 90-х годах XX века написал книгу «Без правых и левых», где указал, что нужна политика здравого смысла. Такая политика возможна в обществе, где нет разлома и есть общее понимание стратегии развития страны и ее политической системы.

Россия находится где-то между европейской и азиатской моделями власти и в этом состоит неопределенность ее политического и общественного развития.

В связи с этим возникает актуальная и политически острая проблема: насколько продуктивно и политически перспективна левая альтернатива в России, когда социум объединяется вокруг консервативных ценностей? Тем более, что роль левых партий и профсоюзов ослаблена, у левых сил нет политического авангарда, вдохновляющей идеологии и программы действий, нет достаточного авторитета и доверия. Наконец, могут ли сегодня протестные движения самоорганизоваться и стать реальной оппозицией власти, предложить национальную антикризисную повестку дня, привлекательную для большинства граждан и обеспечить тем самым общественный консенсус? Есть ли там лидеры, способные получить общенациональную поддержку?

На все эти вопросы ответы пока скорее отрицательные, чем положительные. С одной стороны, правящая политическая элита удерживает ситуацию под контролем, располагает для этого необходимыми ресурсами, перехватывает лозунги и идеи у оппозиции, а, с другой, оппозиция, будучи разделенной, идейно и политически обескровленной и оскопленной, не может возглавить протестные движения и сделать их активность конструктивной, а не разрушительной. В России нет исторически наработанной политической культуры достижения диалога и общественного консенсуса. Таким ресурсом в полной мере не располагает сегодня ни власть, ни оппозиция, ни протестные движения. Этому придется учиться всем.

ЛЕВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РУССКОГО КОММУНИЗМА

Р. Ф. Латыпов

LEFT CONSERVATISM AS THE IDEOLOGICAL BASIS OF RUSSIAN COMMUNISM

R. Latypov

Аннотация: В статье обосновывается статус ленинизма как самостоятельной ветви марксизма, которая отличается как от классического марксизма, так и от современного евромарксизма. Сущностной основой ленинизма выступает синтез эгали-

тарных социальных идей и высокого гуманизма, присущего левым идеологиям, с консервативными идеями этатизма, патриотизма и традиционных семейных ценностей. Автор доказывает, что в результате практики реального государственного строительства в период с 1917 по 1990 гг. в СССР сложилась особая, нетипичная для стран Запада модель эгалитарной политической идеологии – «левый консерватизм».

Ключевые слова: левый консерватизм, русский коммунизм, еврокомунизм, евромарксизм, новые левые, русский марксизм, ленинизм.

Abstract: The status of Leninism as independent branch of Marxism which differs both from classical Marxism, and from modern euromarxism locates in article. As intrinsic fundamentals of Leninism synthesis of egalitarian social ideas and the high humanity inherent in the left ideologies, with conservative ideas of etatism, patriotism and traditional family values acts. The author proves that as a result of practice of real state construction during the period from 1917 to 1990 in the USSR there was a model of egalitarian political ideology, special, atypical for the countries of the West, – «the left conservatism».

Keywords: left conservatism, Russian communism, evrokomunizm, eromarksizm new left, Russian Marxism, Leninism.

Несмотря на то, что теория, разработанная К. Марксом, утратила статус господствующей идеологии на постсоветском пространстве и в государствах Восточной Европы, марксизм признается наиболее значимой научной теорией современности. Причем уникальность его статуса заключается в том, что он выступает в качестве осевого элемента не только для экономики, но и для социологии и политической науки. Этот статус марксизма беспрецедентен. При этом марксизм сохраняет свои позиции в качестве одной из идеологических основ в КНР, КНДР и Кубе. Марксизм стал идеологическим стержнем антиколониального движения в странах Латинской Америки. Крупнейшая из парламентских оппозиционных партий Российской Федерации именует себя коммунистической.

Начало распространения идей марксизма в России началось еще при жизни основателя величайшего за всю историю человечества идеологического учения. Вместе с тем, анализ переписки К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими читателями[1] показывает возникновение серьезных противоречий между марксизмом как европейским явлением и зарождающимся русским марксизмом на самом раннем этапе. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли острой критике гипотезу о возможности построения социализма в России на базе русской крестьянской общины и ремесленных артелей.

Однако, если относиться к марксизму как к науке, а не как к религиозному откровению, то необходимо признать, что гипотеза классиков марксизма о развитости капиталистических отношений и наличии сознательного проле-

[1] Маркс К. Первый набросок на письмо В. И. Засулич // Маркс. К. Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1979. – С. 168–178; Энгельс – Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург // Маркс. К. Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1979. – С. 552–554.

тариата как обязательных условиях социалистической революции оказалась ошибочной. Если эксперимент не подтверждает теоретическую гипотезу, ее необходимо корректировать в соответствии с результатом эксперимента, даже если эту гипотезу выдвинул сам Карл Маркс. Поэтому все критические замечания, что русские марксисты построили «неправильный» социализм, «исказили Маркса», следует признать научно несостоятельными и методологически некорректными. Если бы европейские левые сумели построить «правильный» социализм «по Марксу» в одной из западных стран, то тогда аргументы критиков можно было бы рассматривать серьезно. С точки зрения современной политологии и теории управления Маркс вообще не предложил никаких конкретных технологий перехода к новому строю и даже сколь-нибудь детальных научных описаний институтов грядущего коммунизма, которые можно было бы исказить.

С точки зрения современной политологии и теории организации вполне закономерным является тот факт, что социалистическая революция победила не в странах с наиболее развитыми капиталистическими отношениями, так как там сильные буржуазные институты имели достаточно ресурсов, чтобы срезать все точки роста любой альтернативной модели развития.

Если бы Маркс и Энгельс были последовательны, то они, прекрасно знавшие историю Западной Европы, приняли бы во внимание, что феодальные отношения возникли не в развитых центрах античного рабовладения, а были привнесены с германской периферии, очень слабо затронутой римской цивилизацией.

Буржуазные отношения возникли не там, где феодализм был силен, например, во Франции, Германии или Австрии, а в итальянских городах-республиках, Голландии и Англии, где феодальные институты были слабы или отсутствовали вовсе.

В связи с этим Россия начала XIX столетия гораздо больше подходила для коммунистического эксперимента, нежели Германия, Франция, а тем более Великобритания или США.

Опыт строительства реального, а не теоретического социализма в России, Китае, Корее, Вьетнаме и Кубе показал, что социальной базой социалистической революции стал отнюдь не пролетариат, а общинное крестьянство, городские ремесленные артели, а также такие институты, как армия и бюрократический аппарат. Лидерами и организаторами социалистического движения выступили опять же не представители рабочих, а маргинализированные выходцы из нижних и средних слоев правящего класса. Потомственный дворянин, помещик и сын генерала Владимир Ульянов-Ленин, сын «кулака» Мао Дзэдун, адвокат Фидель Кастро и потомок вице-королей Перу, сын плантатора Эрнесто де ла Серна Гевара Линч, более известный как Эрнесто Че Гевара.

Тогда как так называемый «сознательный пролетариат» совместно с полицией участвовал в разгоне марксистских демонстраций в Европе и США в

конце 60-х годов XX века, в СССР авангард рабочего класса – шахтеры – стал бездумным орудием в руках могильщиков первого в мире государства рабочих и крестьян в период перестройки.

В XXI веке политической науке необходимо осознать, что евромарксизм и русский марксизм-«ленинизм» разошлись между собой гораздо дальше, чем католицизм и православие. Если проводить клерикальные аналогии, то скорее это напоминает размежевания между иудаизмом и христианством, которые также имеют общий источник, но являются различными вероучениями.

В европейской политической традиции принята линейная идеологическая классификация: правые, левые, центристы. Здесь консерваторы локализируются на правом фланге, коммунисты на левом. Европейские левые традиционно выступают с эгалитарными экономическими требованиями, однако одновременно отстаивают свободу личности от традиционных институтов – семьи, религии, государства. Русский марксизм, начиная с В. И. Ленина, стал развиваться по совершенно иным принципам, объединив левые и консервативные идеи. В сталинский период этот вектор развития русского марксизма приобрел завершенный характер. Русский марксизм приобрел нетипичный для политической системы Европы «левоконсервативный» характер.

Подобно евромарксизму, русский марксизм содержит в себе эгалитарные ценности, которые определяют его отношение к экономическим и социальным процессам. Вместе с тем его видовым отличием является:

1. Отношение к институту государства. Русскому марксизму свойствен этатизм. Получив в отличие от евромарксистов реальный опыт борьбы за власть и социалистического строительства, русские марксисты, начиная с В. И. Ленина, осознали, что институт государства при социализме не только не отомрет, как это предполагал К. Маркс, но еще более усилится, став инструментом реализации эгалитарных ценностей и их защиты. Еще в сентябре 1917 г. в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин писал: «Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. <…> Это уже девять десятых социалистического аппарата. Это – общегосударственное счетоводство, общественный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества»[1]. Впоследствии И. В. Сталин разовьет эту идею, создав институт советской номенклатуры – самого передового института государственной службы для тех лет, превратив кадровую политику в организационное оружие социалистического строительства.

---

[1] Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Теория насилия. – М.: Алгоритм, 2007. С. 121–122.

2. Другой видовой особенностью русского марксизма является примирение левых идей с традиционными семейными ценностями. В отличие от европейских левых, современные российские левоконсерваторы не поддерживают движения ЛГБТ-сообщества, напротив, всячески поддерживают институт гетеросексуального брака. И. В. Сталин запретил аборты. Уголовная статья за гомосексуализм была отменена только после роспуска СССР. Впоследствии эволюция взглядов российских левых привела к примирению российского марксизма с религией. Первый шаг к этому осуществил еще И. В. Сталин в годы Великой Отечественной Войны, впервые после Петра I восстановив институт Патриарха РПЦ. Уже в постсоветский период лидер КПРФ Г. А. Зюганов публично заявил, что «Первым коммунистом на земле был Иисус Христос». Такие явления немыслимы для европейских левых, оказывающих политическую поддержку движению ЛГБТ-сообщества, феминистских организаций и разделяющих подобно К. Марксу ценности атеистического мировоззрения.

3. И, наконец, всемирно-исторической заслугой русского марксизма является то, что он преодолел свойственный классическому марксизму евроцентризм. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса принято связывать с ценностями интернационализма. Однако необходимо помнить, что нациями в марксистской терминологии именовались только этносы, достигшие капиталистической формации, то есть Западной Европы и США. К. Маркс ввел в оборот термин «реакционные нации», куда он зачислил все славянские народы, кроме поляков. Ф. Энгельс писал: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций в Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает быть у немцев их первой революционной страстью; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам, хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности»[1]. Согласно доктрине классического марксизма «реакционные нации» должны были быть уничтожены в огне мировой революции во имя идеалов прогресса.

В широко известной работе «Британское владычество в Индии» К. Маркс констатировал факты геноцида многомиллионных социальных групп Индостана, в том числе – касты индийских ткачей. Далее из этого следовал вывод о том, что «как ни печально с точки зрения человеческих чувств зрелище разрушения и распада <…> Мы не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма»[2].

---

[1] Энгельс Ф. Демократический панславизм. Соч. Т. 6. – С. 306.

[2] Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс. К. Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. – С. 552.

В труде «Будущие результаты британского владычества в Индии» К. Маркс выступает с идеями, предвосхитившими парадигму глобализма в самых антигуманных его формах: «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов, – лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»[1].

Таким образом, классический марксизм отказал незападным цивилизациям в праве на самостоятельное развитие и саму жизнь. Именно в этом ключе необходимо расценивать идеологические нападки европейских левых на СССР в период холодной войны.

В отличие от евромарксизма, ленинизм основан на принципе уважительного и равноправного отношения к иным культурам. Эта межэтническая комплиментарность русского марксизма не имеет ничего общего с толерантностью к трудовым мигрантам из стран третьего мира, которую пропагандируют европейские левые. Русский марксизм не призывает к ассимиляции или мультикультурализму в рамках единой Западной цивилизации. Ленинизм утверждает право трудящихся классов каждой цивилизации на самостоятельное социальное, экономическое и политическое творчество на своей исторической Родине. Именно поэтому именно народы России, Китая, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки восприняли идеи марксизма из ленинизма, а не евромарксизма, адаптировали их к местным условиям и сделали руководством к действию. Если классический марксизм являлся инструментом идеологического оправдания системы колониализма, то ленинизм стал мощным идейным оружием антиколониальной борьбы и одним из факторов демонтажа западной колониальной системы.

Все эти факты позволяют нам сделать вывод о том, что русский марксизм в форме ленинизма является более высокой формой развития марксизма, чем евромарксизм. Современный европейский неомарксизм, даже модернизированный положениями, заимствованными из фрейдизма и философии экзистенционализма, вряд ли сумеет преодолеть рамки одной из заурядных философских концепций. Европейские левые не имеют опыта государственного строительства и навыков организации жизнедеятельности больших масс людей. Все завоевания европейской социал-демократии, начиная от Фабианского общества и кончая шведской моделью социализма, были немедленно свернуты после уничтожения Советского Союза. Нет больше ни Великого общества всеобщего потребления, ни шведского социализма. История наглядно

---

[1] Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс. К. Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. – С. 530.

доказала, что высокие потребительские стандарты рабочих США и ЕС завоеваны не парламентскими дебатами Улофа Пальме, не филантропией, вдруг охватившей кланы ротшильдов, рокфеллеров и морганов под влиянием экзистенциональной философии Ж. П. Сартра, а реальными политическими достижениями русского марксизма: индустриализацией, культурной революцией, Победой в Великой Отечественной войне, полетом Гагарина и т. д.

И сегодня те из лидеров европейских левых, которые готовы реально бороться за возвращение отнятых транснациональными корпорациями экономических завоеваний трудящихся, должны не присоединяться к погромщикам России в расчете на жалкие подачки, которых, впрочем, и не будет, а, напротив, поддержать Россию, способствовать развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве, укреплять ее имидж в общественном мнении граждан государств Евросоюза и США. В противном случае евромарксизм окончательно утратит свои позиции, превратившись в параграф университетского учебника истории политических и правовых учений прошлых веков.

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С. Н. Шкель
Э. Н. Шакирова

THE LEFT OPPOSITION IN CONTEMPORARY RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

S. Shkel
E. Shakirova

Аннотация: В статье рассматриваются факторы динамики потенциала политической оппозиции в России в постсоветский период с фокусом на левые политические силы. Анализируются основные ресурсы оппозиции: лидерские, идеологические, стратегические, медийные и организационные. Сделан вывод, что потеря этих ресурсов в течение 2000-х гг. стало значимой детерминантной, обусловившей упадок оппозиционных политических сил вообще и левых движений в частности.

Ключевые слова: политическая оппозиция, гибридные модели, Россия, индексный анализ.

Abstract: The article deals with the dynamics of influence of the political opposition in Russia in the post-Soviet period. The focus is on the left-wing opposition. It analyzes the main resources of the opposition: leadership, ideological, strategic, media and organizational. It is concluded that the loss of resources during the post-Soviet terms became important determinant contributing to the decline of the political opposition in general and leftist movements in particular.

Keywords: political opposition, hybrid mode, Russia, index analysis.

Среди отечественных и зарубежных исследователей современной российской политики достаточно общепризнанной является точка зрения о слабости политической оппозиции, которую она не смогла преодолеть за все время постсоветского развития России. В то же время конкурентный потенциал оппозиции характеризовался динамикой. И если в 1990-е гг. оппозиция, прежде всего левая в лице КПРФ, создавала весьма ощутимую и вполне реальную угрозу власти, то начало 2000-х гг. ознаменовалось стремительным угасанием былой влиятельности всех оппозиционных акторов, в свете чего тезис о российской оппозиции как «вымирающего вида»[1] стал звучать вполне актуально. На современном этапе, однако, достаточно заметны элементы оживления и роста потенциала российской оппозиции. Причины данной динамики связаны с самым широким набором факторов, как экономических, так и социально-политических. В данной статье затронуты лишь часть из них, которые связаны непосредственно с самими акторами политической деятельности. В частности, рассмотрены пять основных ресурсов оппозиции: лидерские, идеологические, стратегические, медийные и организационные.

Лидерские ресурсы

Процессы либерализации политической и общественной жизни начала 1990-х гг. выдвинули на российскую политическую сцену многих видных лидеров, в том числе оппозиционных. Достаточно упомянуть таких политиков, как Г. Зюганов, В. Жириновский, Г. Явлинский и т. д. Лидерский потенциал рассматриваемого периода можно оценить как достаточно высокий. Это позволило лидеру КПРФ Г. Зюганову возглавить оппозиционное движение и сделать левые силы значимым политическим игроком российской политической сцены.

В то же время в последующем в оппозиционной среде наблюдался низкий уровень ротации лидеров. К концу 1990-х гг. все указанные политики оставались флагманами оппозиционных партий. Почти за десять лет политического развития в обществе накопилась определенная усталость от старых лиц, которая, безусловно, распространялась и на властвующую элиту. Однако к 2000 г. инкумбент смог преодолеть эту проблему, выдвинув «преемником» молодого и энергичного политика в лице В. Путина, который достаточно быстро смог нарастить общественную популярность. Так, по социологическим данным «Левада-Центра», если летом 1999 г. деятельность В. Путина одобряла только треть российских граждан, то уже в начале 2000 г. эта доля достигла 84%[2]. Одновременно с этим лидеры политической оппозиции остались неиз-

---

[1] Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. – 2004. – № 4. – С. 52–69.

[2] Многолетняя динамика индекса одобрения В. Путина // Официальный сайт «Левада-Центр» [Электронный документ]: режим доступа: http://www.levada.ru/indeksy (дата обращения: 11.03.2012).

менными, что во многом объясняло их проигрыш в электоральном цикле 1999–2000 гг.

На протяжении 2000-х гг. эти тенденции продолжали нарастать. Оппозиция сохраняла на первых ролях старые кадры, которые продолжали транслировать риторику 1990-х гг., игнорируя факт перемены социально-экономического и политического контекста. Все это не могло усилить возможности левой оппозиции.

Одновременно с этим властвующая группа достаточно эффективно использовала СМИ и другие средства PR-технологий для демонстрации лидерских качеств В. Путина, что обуславливало стремительный рост его рейтинга. На президентских выборах 2004 г. популярность В. Путина была настолько неоспоримой, что многие известные политики, в том числе левой политической ориентации (Г. Зюганов), решили воздержаться от выставления своих кандидатур на выборы и ограничились формальным соперничеством, выставив от своих партий фигуры из второго партийного эшелона.

На основе личной популярности В. Путина в 2007 г. партия «Единая Россия» укрепила свои позиции, получив конституционное большинство в Государственной Думе. Президентские выборы 2008 г. также продемонстрировали способность власти выдвигать новых лидеров и безболезненно для себя решать проблему наследования власти. Новый президент России Д. Медведев удачно эксплуатировал образ «демократичного политика», нацеленного на европейскую интеграцию и модернизацию российской экономики. Тем самым он выгодно отличался от более возрастной когорты лидеров из оппозиционного лагеря и перехватывал инновационные тезисы у политической оппозиции.

К 2010 г. в кругу властвующих элит стали наблюдаться тенденции консервации, сокращение уровня ротации и рост возрастного состава кадров[1]. Как и в конце 1990-х гг., в восприятии власти со стороны населения обозначились симптомы усталости от старых лиц. Но если уход Б. Ельцина и выдвижение его преемником В. Путина в 1999 г. смог решить для власти эту проблему, то в преддверии электорального цикла 2011–2012 гг. власть выбрала кардинально иную стратегию, объявив в сентябре 2011 г. на съезде партии «Единая Россия» о решении В. Путина вновь баллотироваться на должность президента[2].

Одновременно с этим с 2010 г. наблюдался процесс восхождения на российскую политическую сцену нового поколения оппозиционных политиков. Если в рядах «системной оппозиции» верховные партийные должности продолжали сохранять старые кадры, то на фланге «несистемной», в том числе

---

[1] Дятликович В., Чапковский Ф. Кто есть кто и почему в российской элите: «Социальная сеть» федеральных чиновников. Исследование «РР» // Русский репортер. – 2011. – № 35 (213). – С. 25.

[2] XII Съезд «Единой России» // Единая Россия: официальный сайт партии [Электронный документ]: режим удаленного доступа: http://er.ru/core/news/theme/34.html (дата обращения: 22. 09. 2012).

левой оппозиции, появились такие молодые фигуры, как С. Удальцов, А. Навальный, С. Митрохин, В. Милов и другие. Эти молодые политики стали постепенно превращаться в новых лидеров общественного мнения политизированной части российского общества. Используя более радикальную риторику и современные, боле демократические методы общения, они выгодно отличались как от бюрократических политиков от власти, так и от приобретших вид «номенклатуры» представителей «системной оппозиции».

Можно сказать, что если власть столкнулась с вызовом консервации элит, то новые оппозиционные политики стали преодолевать проблему лидерского кризиса. Вместе с тем, будет справедливо сказать, что указанные процессы только начались и пока не приобрели завершенные формы. Говорить о полном преобладании оппозиции по рассматриваемому параметру по отношению к власти пока рано.

Идеологические ресурсы

Идеологический спектр оппозиции 1990-х гг., который был достаточно широк, различные исследователи пытались систематизировать на основе самых разных классификационных подходов. Одним из наиболее общепризнанных стал подход В. Прибыловского, который предложил выделять такие идейные течения оппозиции постсоветского периода, как либерал-демократическое, коммунистическое и национал-патриотическое[1]. В самом общем смысле линия идеологического водораздела между властью и оппозицией в то время пролегала по отношению к либерально-рыночным реформам, осуществляемых властью. Наиболее сильными идеологическими ресурсами стала обладать партия КПРФ, которая смогла синтезировать классические идеи марксизма-ленинизма с элементами патриотического национализма и социал-демократии. Этот идеологический синкретизм КПРФ американский исследователь Р. Саква определил как «государственно-патриотический коммунизм»[2].

Идеология КПРФ находила отклик среди тех слоев населения, которые сохраняли ностальгию по советской системе, а также среди тех, кто оказался в проигрыше от осуществленных либерально-рыночных реформ. Как отмечают исследователи, КПРФ стала одной из немногих российских партий, электоральная база которой во многом основывалась на идеологических ресурсах, а не на харизматических свойствах партийного лидера[3]. Можно сказать, что идеологический ресурс у доминирующей оппозиционной партии рассматриваемого этапа был очень ярко выражен, что позволяло ей иметь стабильную электоральную поддержку в условиях поляризации российского общества по линии «реформы» – «антиреформы».

---

[1] Россия: партия, выборы, власть. – М.: Обозреватель, 1996. С. 35–58.

[2] Sakwa R. Left or Right? The CPRF and the Problem of Democratic Consolidation in Russia // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 1998. – V. 14. – № 1–2. – P. 139.

[3] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 268.

В то же время, этот идеологический ресурс не был всеобъемлющим, имел ограничения и его было крайне трудно конвертировать в расширение поддержки избирателей. Анализ электоральной базы КПРФ привел исследователей к выводу, что ядро идеологического электората партии не превышало 15–20%[1]. За все время 1990-х гг. доля россиян, разделяющих антиреформистские установки КПРФ, не составляло большинства и максимально консолидировалось на президентских выборах 1996, когда представитель коммунистов Г. Зюганов смог заручиться поддержкой 40% электората[2].

Американские исследователи Р. Роуз, Н. Манро и У. Мишлер на основе социологических данных пришли к выводу, что, несмотря на низкую поддержку российскими гражданами власти во главе с президентом Б. Ельциным, альтернативы действующему режиму рассматривались ими как еще менее предпочтительные (рис. 1).

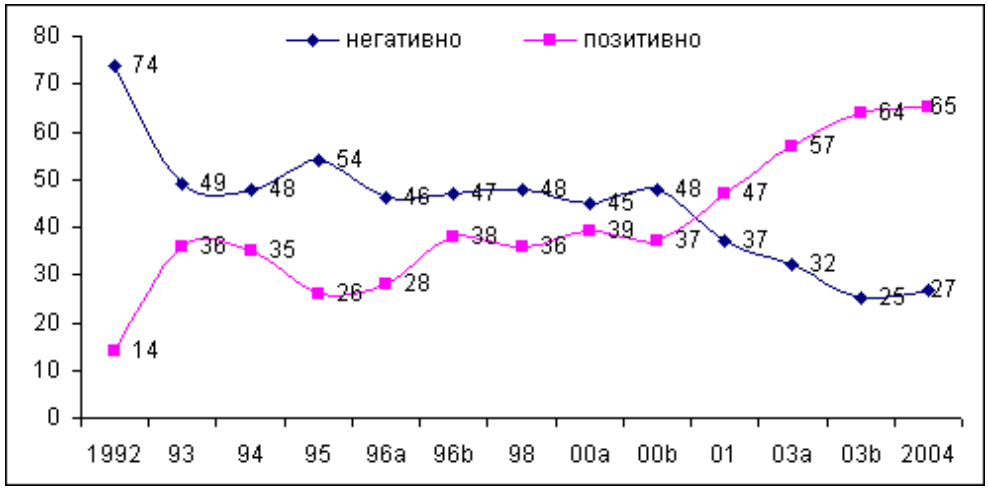

Рис. 1. Динамика одобрения политического режима россиянами в 1992–2004 гг. [3]

Как они отмечают, правление военных являлось самым неприемлемым – против него высказались 92% опрошенных. Четыре пятых отвергли диктатуру. Несмотря на то что институт выборов и созданная с его помощью Госдума не пользовались уважением, более трех четвертей респондентов не согласны с отменой выборов и роспуском Думы. Наибольшую поддержку вызывал вариант возврата к коммунистическому правлению, но и его выбирало лишь менее трети электората (рис. 2)[4].

---

[1] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 268.

[2] Ibid.

[3] Роуз Р., Манро Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения, 2005. № 2 (76). С. 36.

[4] Там же.

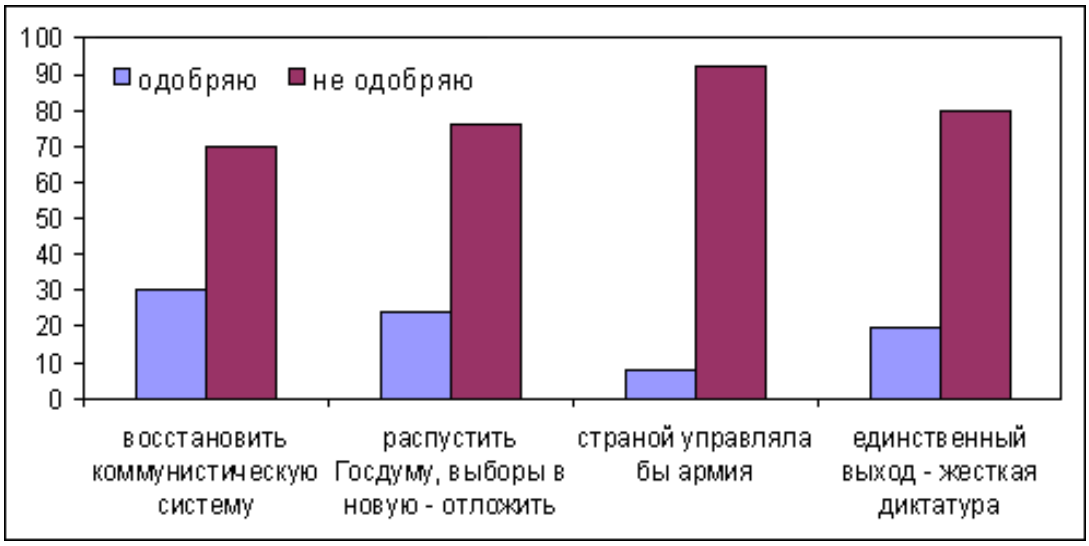

Рис. 2. Предпочтение россиян альтернативным идеологическим и политическим системам в 1990-е гг. (Было бы лучше...)[1]

Таким образом, можно заключить, что при негативной оценке существующей политической системы России в 1990-е годы со стороны большинства российского населения, основные альтернативы, в том числе коммунистическая, также не оценивались как привлекательные.

Период 2000–2010 гг. характеризовался кризисом всех оппозиционных идеологических течений. В условиях роста экономики и стабилизации социально-политической ситуации идеологии как левого, так и правого либерально-реформистского толка перестали пользоваться поддержкой большинства населения. В сложившихся обстоятельствах властвующая группа предприняла ряд мер, упрочив свое господство и ослабив оппозицию с точки зрения идеологических параметров политической борьбы.

Во-первых, В. Путин и партия «Единая Россия», в отличие от предыдущих проектов «партии власти», отказались от либерально-рыночной риторики, выступив с позиций этатизма и патриотических установок. Ярким символическим свидетельством этого стало возвращение по инициативе В. Путина в 2000 г. бывшего советского гимна на музыку Александрова[2]. Тем самым «партия власти» перехватила государственно-патриотическую риторику оппозиции, которая до сих пор являлась ярким отличительным маркером левых партий[3]. Кроме того, с выборов 2003 г. власть активно стала применять технологию

---

[1] Роуз Р., Манро Н., Мишлер У. Вынужденное принятие «неполной» демократии. Политическое равновесие в России // Вестник общественного мнения, 2005. № 2 (76). С. 42.

[2] Заявление в связи с внесением на рассмотрение Государственной Думы законопроектов о государственной символике // Путин В. В. Избранные речи и выступления. – М.: Книжный мир, 2008. С. 56.

[3] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 268.

создания спойлеров для минимизации влияния коммунистической оппозиции. Такие партийные проекты Кремля, как «Родина», а позже «Справедливая Россия», также выступали с левых национал-патриотических позиций, что объективно ослабляло КПРФ, раскалывало ее электорат и в итоге существенно сократило ее поддержку на выборах.

Во-вторых, в целом партия «Единая Россия» придерживалась позиции «медианного избирателя» по любым проблемным позициям, что означало идеологический синкретизм и деидеологизацию программных установок[1]. Как отмечали исследователи, «неидеология оставляла ЕР широкое пространство для политического маневра, которое было недоступно раздробленной оппозиции. Более того, значительные программные расхождения этих партий препятствовали формированию оппозиционной коалиции «негативного консенсуса», которая включала бы КПРФ, с одной стороны, и СПС и «Яблоко», с другой»[2].

Таким образом, идеологические достижения политической оппозиции в рассматриваемый период были более чем скромные, в то время как власть достаточно эффективно решала вопрос своей идеологической легитимации.

Новые лидеры оппозиции на современном этапе внесли значительные коррективы с точки зрения идеологических постулатов, отказавшись от радикального противопоставления разных идеологий. В отличие от оппозиционеров эпохи 1990-х, они стали более гибко подходить к идеологическому содержанию своих программных установок, синтезируя различные идеологические ценности. Например, один из самых популярных новых оппозиционных политиков – А. Навальный – стал выступать с лозунгами, вбирающими в себя ценностные постулаты либерализма, демократии и русского национализма[3]. На основах синтеза либерализма и национализма стал также строить партийную программу «Демократического выбора» лидер этой организации В. Милов. Более гибкий идеологический синтез стал использовать и лидер новой организации «Левый Фронт» С. Удальцов. Все это сильно отличало оппозиционных лидеров современного этапа от российской оппозиции 1990-х гг. Выдвижение ими эклектической идеологической платформы, способной объединить куда более массовые слои населения, создавало новые возможности для оппозиционных игроков с точки зрения расширения электоральной поддержки.

Еще одной спецификой оппозиционеров новой волны стал проблемно-ориентированный подход в выстраивании своих программных тезисов. К 2010 г. в российском обществе назрели новые проблемы, к решению которых власть

---

[1] Анохина Н., Мелешкина Е. Эволюция структуры партийного спектра в России накануне парламентских выборов 2007 г. // Политические исследования. – 2008. – № 2. – С. 105–121.

[2] Гельман В. Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 143.

[3] Видеман В. Бунт миноритариев // Перемены: толстый веб-журнал от 06.01.2012 [Электронный документ]: режим доступа: http://www.peremeny.ru/books/osminog/4771 (дата обращения: 7.12.2014).

оказалась не готова. Речь идет о росте коррупции, издержках иммиграционной политики, обострении национальных вопросов и других проблемных точках. Лидеры оппозиции стали концентрироваться в критике власти именно на этих проблемах, часто избегая идеологические споры или гибко совмещая разные ценностные постулаты[1]. Таким образом, то, что ранее было силой власти, которая также отказалась от идеологического подхода, стало «оружием» оппозиции. И это «оружие» оппозиция достаточно эффективно стала использовать в политической борьбе.

Стратегические ресурсы

Любой политической оппозиции приходится решать проблему выбора стратегии. Ключевой вопрос этого выбора, как указывал американский политолог А. Пшеворский, заключается в том, «до какой степени быть оппозиционной и какими средствами при этом пользоваться»[2]. Излишняя радикальность оппозиции несет для нее издержки в виде рисков репрессий со стороны властвующей группы. С другой стороны, минимизация принципиальности может привести к потере электоральной поддержки.

Если рассматривать динамику стратегического выбора КПРФ, то в ней в рамках рассматриваемого периода можно выделить две фазы: до 1996 года и после. Первая фаза характеризовалась принципиальной и максимально нелояльной стратегией коммунистов, которые позиционировали себя как антисистемная оппозиция, что нашло отражение в программных документах КПРФ, артикулирующих тезисы марксизма-ленинизма, возрождения СССР и разрушения буржуазно-капиталистической системы в постсоветской России[3]. Однако после электорального поражения в президентских выборах 1996 г. программные установки КПРФ стали значительно боле умеренными. Ортодоксальные коммунистические постулаты ушли в тень и были заменены доминированием национал-патриотической риторики и тезисов из арсенала социал-демократии[4].

Эта идеологическая эволюция сопровождалась переменами стратегического поведения КПРФ, которая порождала внутрипартийные дискуссии и расколы. По существу, в рамках партии сформировались два социальных слоя, придерживающихся разных стратегических подходов. Партийная верхушка, заняв депутатские кресла в Государственной Думе, все более склонялась к торгу с правящей элитной группой и постепенно отказывалась от антисистемной риторики. Это, однако, вызывало критику со стороны рядовых «низовых»

---

[1] Новикова И. Соратники Навального создают партию без идеологии // Московские новости. – 2012. – № 332. – С. 4.

[2] Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. С. 132.

[3] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 271.

[4] Ibid.

партийцев и широкого электората, которые оценивали это как идеологическую измену и требовали использовать парламентскую трибуну не для кооптации во власть, а для дискредитации «буржуазной системы» и ее радикального расшатывания. Электорат коммунистов требовал также более радикальной внепарламентской борьбы, в то время как партийная верхушка все больше делала выбор в пользу стратегии «конструктивной законодательной деятельности»[1].

До 1996 г. стратегия принципиального и «антисистемного» оппонирования власти позволила КПРФ добиться электоральных успехов. И хотя уже тогда с точки зрения ортодоксального марксизма мог возникнуть вопрос о целесообразности участия «пролетарской партии» в «буржуазном парламенте», данный диссонанс не возникал в силу незначительной доли коммунистической фракции. В Государственной Думе 1993–1995 гг. фракция коммунистов включала 48 членов, что было соизмеримо с другими оппозиционными партиями. Поэтому в тот период сам факт системного участия КПРФ в парламентском институте удавалось совмещать с образом оппозиционной партии в глазах коммунистического широкого электората. Однако, когда по итогам выборов 1995 г. КПРФ получили самую большую фракцию в парламенте (157 мест), внутрипартийные дискуссии о мерах допустимости системного сотрудничества с режимом стали возрастать. Окончательная смена стратегии с «антисистемной» на «системную» произошла после поражения Г. Зюганова в президентских выборах 1996 г.

Как отметили М. Макфол и Н. Петров, выборы 1996 г. ознаменовали собой конец «периода поляризации» и деление российского общества по линии «коммунизм – антикоммунизм» перестало быть актуальным[2]. Признание результатов выборов и своего поражения в 1996 г. стало своеобразным Рубиконом, который перешла КПРФ, сменив стратегию принципиальной борьбы на стратегию «вхождения во власть». Практическим выражением этого стал торг КПРФ в 1996–1997 гг. с исполнительной властью по поводу правительственных назначений. В августе 1996 г. А. Тулеев занял пост министра по интеграции между странами СНГ, став первым представителем от фракции коммунистов, кооптированным в исполнительную власть[3]. Уже в декабре 1996 г. КПРФ впервые поддержала предложенный правительством бюджет 1997 г., что впоследствии стало для коммунистической фракции нормой[4]. Подобная стратегия тактического сотрудничества с режимом принесла для коммунистической оппозиции некоторое наращивание кадровых ресурсов, особенно после кризиса 1998 г., когда пост председателя Правительства РФ занял близкий к КПРФ

---

[1] March L. Op. cit.

[2] McFaul M., Petrov N. Russian Electoral Politics After Transition: Regional and National Assessments // Post-Soviet Geography and Economics. – 1997. – V. – № 38. – P. 543 (P. 507–549).

[3] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 273.

[4] Ibid.

Е. Примаков[1]. Однако это сопровождалось внутрипартийным расколом и впоследствии на выборах Государственной Думы 1999 г. привело к электоральным потерям, поскольку для многих ортодоксальных сторонников коммунистической идеологии данная стратегия партии означала «потерю статуса оппозиции» и оценивалась как нарушение «моральных принципов»[2]. Хотя по итогам парламентских выборов 1999 г. КПРФ сохранила самую многочисленную фракцию (113 мест), по сравнению с прошлыми выборами она сократилась и в целом в законодательной ассамблее сложилось некоммунистическое большинство[3].

В период 2000–2010 гг. окончательно сложилась дихотомическая структура российской политической оппозиции, разделенной на «системную», т. е. признаваемую властью и легализованную, и «несистемную», действующую вне легальной регистрации[4]. В условиях наращивания административного ресурса, увеличения управляемости выборов и доминирования «партии власти» оппозиция была поставлена перед жесткой дилеммой: либо согласиться на условия «навязанного консенсуса» и принять правила игры властвующей группы, превратившись в лояльную полуоппозицию, либо выбрать стратегию принципиального оппонирования существующему режиму. Лидеры КПРФ приняли первую стратегию, что позволило им сохранить некоторые позиции в Государственной Думе, но в итоге привело к существенному сокращению электоральной поддержки. Другие партии («Республиканская партия», «Другая Россия», «Российский объединенный трудовой фронт» и т. д.) выбрали стратегию «ухода», перейдя к митинговой активности и призывая своих сторонников к бойкотированию избирательных процедур как несвободных и несправедливых.[5] Это влекло дальнейшие меры властей по маргинализации «несистемной оппозиции», которая в условиях спада протестной активности не могла добиться значимых успехов на ниве неконвенциональных методов политической борьбы. Одновременно с этим стратегия бойкота также не представляла никакой угрозы властвующей группировке. Как отмечают исследователи, в указанный период весь спектр стратегических инициатив оказался для оппозиции

---

[1] March L. For Victory? The Crises and Dilemmas of the Communist Party of the Russian Federation // Europe-Asia Studies. – 2001. – V. 53. – № 2. – P. 275.

[2] Ibid.

[3] Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. – М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 133–137.

[4] Голосов Г. Российская оппозиция накануне выборов // Полит. ру от 05. 09. 2011 [Электронный документ]: режим доступа: http://polit.ru/article/2011/09/05/strategy/ (дата обращения 25. 06. 2012).

[5] Казумова Э., Филькина Н. «Яблоки без яблони». Оппозиционные партии бойкотируют президентские выборы, чтобы остаться в политике // Версия от 17. 11. 2007 [Электронный документ]: режим доступа: http://versia.ru/articles/2007/dec/17/partiya_yabloko (дата обращения: 19. 03. 2012).

проигрышным, в то время как власть достаточно эффективно использовала принцип «разделяй и властвуй», сохраняя оппозицию раздробленной, маргинализированной и безопасной для инкумбента[1].

Современный этап характеризуется новыми стратегическими практиками, используемыми в политической борьбе оппозиционными акторами, которые также можно причислить к достижениям политической оппозиции.

Во-первых, идеологический синкретизм новых оппозиционных субъектов открыл возможности для преодоления былой раздробленности. Оппозиционные политики начали применять стратегию интеграции и объединения их на основе «негативного консенсуса» против «партии власти». В значительной степени этот процесс стал ответной реакцией оппозиционных политиков на действия властей, связанных с последовательным ограничением легального пространства оппозиционной деятельности посредством повышения входных барьеров на политический рынок. Так, например, увеличение проходного барьера для прохождения партий в Государственную Думу с 5 до 7%, а также весьма жесткие требования к численности партий для их регистрации, увеличенные с 10 до 50 тыс. человек, привели к процессу интеграции оппозиционных сил как левого, так и правого толка.

Во-вторых, оппозиция стал активнее применять неконвенциоанльные методы борьбы в виде митингов и протестных акций. Это, с одной стороны, позволяло рекрутировать в оппозиционные структуры новых активистов, особенно тех, кто был разочарован согласительной политикой «системных» партий. С другой стороны, это еще более сильно интегрировало разные оппозиционные сегменты и позволяло им вырабатывать общую стратегическую линию. Так, с 2010 года достаточно привычными стали протестные митинги, организованные совместно левыми и правыми политическими силами. Либеральная партия «Яблоко», с 2003 г. лишенная парламентского представительства, все чаще стала переходить к стратегии протестных акций, присоединяясь на митингах к КПРФ, «Левому Фронту» и другим левым организациям, что было немыслимо ранее в логике политического процесса 1990-х гг.

Наконец, в-третьих, в отличие от стратегии «ухода» и бойкота избирательных процедур, к которой прибегала российская оппозиция ранее, в ходе электорального цикла 2011–2012 гг. среди оппозиции возобладала точка зрения, получившая название «стратегия Навального»[2]. Ее суть заключалась в призыве обязательного участия в выборах и голосования за любую партию, кроме «партии власти». Выигрышность этой стратегии обуславливалась ха-

---

[1] Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. – 2004. – № 4. – С. 65.

[2] Навальный победил Немцова: оппозиционеры призывают голосовать за любую партию кроме «Единой России» // NEWSru.com от 03.10.2011 [Электронный документ]: режим доступа: http://newsru.com/russia/03oct2011/navalny.html (дата обращения: 23.05.2014).

рактером политического режима в виде электорального авторитаризма и дихотомической структурой оппозиции. В условиях, когда «системная оппозиция» допущена к выборам, призыв «несистемной оппозиции» голосовать «за любую партию», кроме «партии власти», объективно делал системные партии главными выгодоприобретателями этой стратегии и заставлял их менять свою избирательную тактику, делая ее более радикальной и принципиальной в части контроля за подсчетом голосов. В перспективе все это создавало стимулы для выхода системных партий их из под опеки Кремля, что отчасти и случилось на некоторое время с парией «Справедливая Россия» и некоторыми ее членами, которые фактически примкнули к «несистемной оппозиции»[1]. Хотя данная стратегия не давала прямых выгод в виде электоральных результатов «несистемной оппозиции», она являлась наиболее сокрушительной для сокращения политической монополии «партии власти», поскольку противопоставить ей со стороны инкумбента что-то равнозначное становилось крайне проблематично. Эмпирическим подтверждением этого стало сокращение электоральных результатов «Единой России» по итогам выборов Государственной Думы в 2011 году.

Таким образом, электоральный цикл 2011–2012 гг. продемонстрировал новые стратегические достижения политической оппозиции.

Медийные ресурсы

На протяжении 1991–1995 гг. парламентские выборы в России в целом отличались равенством медийных ресурсов между властью и оппозицией. В выборах 1993 и 1995 годов это объяснялось как административной слабостью государственного аппарата, так и общей либерализацией политического процесса. В условиях расширения свободы СМИ и появления частных медиаимперий[2], оппозиционные политики могли использовать разные формы коммуникации и доносить свои взгляды до населения. Не случайно удивительный для большинства экспертов успех партии ЛДПР на парламентских выборах 1993 и 1995 гг. многие исследователи объясняли не только харизматическими качествами В. Жириновского, но и его эффективным использованием эфирного времени телепрограмм, допуск к которым для оппозиционных политиков был сравнительно свободным[3].

На выборах Государственной Думы 1999 г. относительно равное распределение медийных ресурсов было обусловлено открытым выступлением региональных контрэлит против элиты федерального центра. Два главных общероссийских телеканала (ОРТ и РТР) откровенно поддерживали блок «Мед-

---

[1] В Госдуме началась «итальянская забастовка» // Росбалт от 05.06. 2012 [Электронный документ]: режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2012/06/05/989089.html (дата обращения: 22. 09. 2012).

[2] Мухин А. Медиа-империи России. – М.: Алгоритм, 2005. – 288 с.

[3] Sakwa R. The Russian elections of December 1993 // Europe-Asia Studies. – 1995. – Vol. 47. – № 2. – P. 206.

ведь» и вели агитацию против блока «Отечество-вся Россия». С другой стороны, контролируемый Правительством Москвы телеканал ТВЦ активно поддерживал региональную контрэлиту. Еще один общероссийский канал – НТВ – также был более лоялен московским властям, чем федеральным[1].

Иная картина наблюдалась на президентских выборах 1996 и 2000. Консолидация олигархов и медиа-магнатов вокруг фигуры Б. Ельцина в 1996 г. привела к безусловному медийному доминированию инкумбента[2]. Согласно выводам международных наблюдателей, доминирование медийных ресурсов в пользу власти наблюдалось и на президентских выборах 2000[3].

В первые годы XXI в. в условиях «рецентрализации» и фактической ренационализации основных федеральных телеканалов[4], российская оппозиция была лишена медийного ресурса и была ограничена в своей агитации рамками Интернет-пространства, возможности которой были крайне ограничены. Так, по данным Государственного комитета статистики, доля пользователей Интернет в России к 2008 г. не превышала 30%[5]. Подавляющее количество российских граждан (88%) продолжало в качестве основного источника политических новостей использовать телевидение[6]. Таким образом, доминирование медийного ресурса у власти и отсутствие его у оппозиции в рассматриваемый период представляется достаточно очевидным.

На современном этапе развитие информационных технологий стало отчасти уравновешивать распределение медийных ресурсов между властью и оппозицией и эффективное использование Интернет-пространства в политической борьбе можно расценивать как одно из ресурсных достижений оппозиции. Расширение Интернет-пользователей, которое к 2010 г. в России стало достигать 50%[7], стало одной из предпосылок этого преимущества. В то время как на ведущих российских телеканалах продолжала господствовать официальная точка зрения и сохранялось ограничение на обсуждение многих политических тем, Интернет-ресурсы и социальные медиа постепенно стали выступать альтернативной площадкой для политических дискуссий активной части общества. При этом с каждым годом социальные медиа стремительно расширяли свою аудиторию. Так, в 2010 г. самая популярная в России социальная сеть «ВКонтакте» имела почти 30 млн. пользователей. Второй по чис-

---

[1] Иванченко А. В., Любарев А. Е. Указ. соч. С. 134–135.

[2] Хоффман Д. Олигархи / пер с англ. С. Шульженко. – М.: КоЛибри, 2007. С. 174–200.

[3] Официальный сайт ОБСЕ [Электронный документ]: режим доступа: http://www.osce.org/search/apachesolr_search/russia?filters=type%3Aeom (дата обращения: 25.04. 2012).

[4] Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 90–109.

[5] Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2010. С. 55.

[6] Горяшко С. Самый надежный источник // Коммерсантъ от 08. 07. 2013 {Электронный документ]: режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2228925 (дата обращения: 10. 07.13).

[7] Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2010. С. 55.

ленности стала сеть «Одноклассники» с почти в 17 млн. зарегистрированных посетителей. Самая популярная в Мире социальная сеть «Facebook» в России занимала только третье место по числу пользователей (4,5 млн.)[1]. К 2011–2012 гг. стало возможно говорить о том, что Интернет-ресурсы в России стали оказывать вполне реальную конкуренцию телевизионным каналам. Так, согласно подсчетам аналитической кампании TNS, аудитория Интернет-портала «Яндекс» в апреле 2012 г. впервые превысила аудиторию «Первого канала»: если «Яндекс» посетило 19,1 млн. человек в день, то «Первый канал» смотрело только 18,2 млн. человек в день[2].

Однако дело не только в расширении численности Интернет-пользователей, но и в тех мобилизационных возможностях, которые открывали социальные медиа для политической оппозиции. Можно сказать, что новые оппозиционные лидеры вполне успешно использовали их для наращивания своих организационных и идейно-символических ресурсов, в то время как представители власти явно недооценили возможности виртуальной коммуникации и, сделав ставку на традиционные формы административного и манипулятивного управления, существенно ослабили свои позиции перед электоральным циклом 2011–2012 гг.

В частности, социальные медиа стали вполне эффективным механизмом артикуляции социальных проблем, доставки до широких слоев населения альтернативной информации, и, тем самым, стали мощным средством делегитимации власти. При этом важным фактором являлось многообразие возможностей различных Интернет-платформ, позволяющих транслировать информацию в разных форматах, что позволяло доносить оппозиционный контент для самых различных социальных сегментов. Как справедливо отмечает финская исследовательница российских социальных медиа М. Лонкила, «Живой журнал» служил основой для коммуникации интеллигенции и формирования аналитического блока критики власти, «YouTube», с возможностью просмотров видеороликов, служил мощным средством распространения эмоционально-художественного и экспрессивного оппозиционного контента, в то время как такие социальные медиа, как «Вконтакте», «Facebook» и «Твиттер» оказались очень удобны в плане мобилизационных и организационных средств массового протеста[3].

При этом следует учесть, что кумулятивный эффект в плане расширения оппозиционного контента оказывали внешне нейтральные в политическом плане СМИ, Интернет-странички которых часто перепечатывали содержание оппозиционных блогов или распространяли информацию о коррупционных

---

[1] Lonkila M. Russian Protest On– and Offline: The Role of Social Media in Moscow Opposition Demonstrations in December 2011 // Finnish Institute of International Affairs Briefing Papers, 2012. № 98. P. 4.

[2] Болецкая К. Обогнал телевизор // Ведомости от 25.05.2012. № 95 (3109).

[3] Lonkila M. Op. cit. P. 6.

фактах, появлявшихся на сайтах оппозиционных политиков. Так, например, исследование С. Грина, основанного на анализе базы данных сообщений пользователей «Твиттер» в период президентской избирательной кампании 2012 г., показало, что, несмотря на внешнюю политическую неангажированность такого информационного портала, как «Lenta.ru», в целом этот ресурс в большей мере был ретранслятором оппозиционных мемов, чем информации из властных кругов[1].

Можно заключить, что развитие Интернет и эффективное использование его оппозицией в определенной мере уравновесило распределение медийных ресурсов между властью и оппозицией. В то же время на современном этапе наблюдаются обратные тенденции. Власти учли ошибки электорального цикла 2011–2012 гг. и сегодня заметны усилия по ограничению пространства свободы в российском Интернет-пространстве. Власти стали осуществлять значительные инвестиции в лояльные Интернет-проекты и добились существенного понижения доминирования оппозиционной повестки в социальных сетях.

Организационные ресурсы

На начальном этапе постсоветского развития России организационные ресурсы у разных политических партий сильно отличались друг от друга, но большинство исследователей неизменно отмечают силу партийных ячеек КПРФ, которые остались у партии в виде наследства советской эпохи и представляли из себя наиболее разветвленную сеть политических организаций, которая по своему количеству и потенциалу превосходила все существовавшие в рассматриваемый период «партии власти»[2]. Однако в период 2000–2010 гг. значительные финансовые и административные инвестиции со стороны Кремля, а также институциональные новации для формирования «Единой России» как «партии власти»[3] подорвали организационный ресурс КПРФ, который до этого являлся одним из важнейших ее преимуществ. Одновременно с этим ужесточение партийного и избирательного законодательства препятствовало партийному строительству других политических сил[4].

На современном этапе, хотя, как уже указывалось выше, политическая оппозиция приступила к консолидации, что усилило ее организационные основы, данный процесс не приобрел завершенных форм. В определенной сте-

---

[1] Грин С. Твиттер и российский протест: мемы, сети и мобилизация. – М.: Центр изучения интернета и общества; Российская экономическая школа, 2012. С. 13.

[2] Черняховский С. Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. Монография. М.: МНЭПУ. 2003. –239 с.

[3] Рябов А. Пока не началось // Полит. ру от 10.02. 2006 [Электронный документ]: режим доступа: http://polit.ru/article/2006/02/10/ryabov/ (дата обращения: 01.05. 2012); Макаркин А. «Единая Россия»: партия-инструмент // Неприкосновенный запас. – 2013. – № 1(87) [Электронный документ]: режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/m5.html (дата обращения: 6.05.2013).

[4] Иванченко А. В., Любарев А. Е. Указ. соч. С. 203–219.

пени рост организационных возможностей оппозиции повысился благодаря возможностям Интернет-сетевой организации. В то же время с точки зрения партийных структур оппозиционные игроки (кроме КПРФ) оставались крайне слабы.

Обзор эволюции ресурсных факторов политической оппозиции в постсоветской России позволяет сделать следующие выводы в контексте проблем и перспектив развития левых движений.

1. В период 2000–2010 гг. наблюдалось ослабление всех оппозиционных игроков и это говорит о том, что причина неудач КПРФ связана не столько с природой левой оппозиции, сколько с общей эволюцией российского политического режима, который ограничил пространства свободной оппозиционной деятельности для политических сил всех идеологических спектров.

2. В то же время, новыми возможностями на современном этапе в большей мере воспользовались оппозиционные игроки правого спектра, что требует учета этого опыта со стороны оппозиционных политиков левой ориентации.

3. Перспективы наращивания политической субъектности левых движений сегодня связаны не только и не столько с идеологической трансформацией, сколько с расширением пространства конкурентной политики. В этом смысле идеологические противоречия с правыми оппозиционными силами не должны быть препятствием для координации и консолидации левых сил с политическими игроками других идеологических спектров. Без увеличения демократических основ политической системы невозможна реализация и левых задач, которые безусловно остаются актуальными для современной России. Сами по себе демократические задачи вполне органично вписываются в левую идеологическую платформу и должны стать ключевой повесткой левых сил на современном этапе.

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929–1933 ГГ.

А. О. Целищев

GERMAN SOCIAL DEMOCRACY AND THE WORLD ECONOMIC CRISIS OF 1929–1933

A. Tselischev

Аннотация: Статья посвящена анализу представлений германской социал-демократии о путях преодоления мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и предлагаемых антикризисных мерах.

Ключевые слова: Социал-демократическая партия Германии, угроза национал-социализма, план ВТБ, либеральная финансовая политика, инфляция, теория «организованного капитализма», Гильфердинг.

Abstract: The article is devoted to the analysis of ideas of the German Social Democracy on ways of overcoming the global economic crisis of 1929–1933 and the proposed anti-crisis measures.

Keywords: The Social Democratic Party of Germany, the threat of National Socialism, the plan VTB, liberal financial policy, inflation, the theory of «organized capitalism», Hilferding.

В конце 1920-х гг. теоретическая мысль германской социал-демократии была окрашена в цвета воззрений Рудольфа Гильфердинга. Ведущий теоретик Социал-демократической партии Германии (СДПГ), да и всего Рабочего Социалистического Интернационала активно пропагандировал разработанную им теорию «организованного капитализма», которая в завершенной форме была представлена на Кильском съезде партии[1]. Гильфердинговский концепт был фиксирован на организационных и плановых аспектах происходивших в экономике изменений и описывал наблюдаемый им структурный поворот к «организованному капитализму» как конечную стадию капитализма. При этом ведущий теоретик европейской социал-демократии исходил из вероятности длительного периода благоприятной конъюнктуры мирового хозяйства. Поэтому он отверг как несостоятельные теории краха капиталистической системы: «Оно [падение] не вытекает из внутренних законов системы, а должно быть продуктом сознательной деятельности пролетариата»[2].

Вступление капитализма в фазу «организованного» ведет к фундаментальной трансформации капиталистической системы: капиталистический принцип свободной конкуренции заменяется социалистическим принципом планомерного хозяйства. Плановое же хозяйство открывает возможности для сознательного воздействия общества на экономику, которое «не может быть ничем иным, как воздействием единственно сознательной и располагающей силой принуждения общественной организацией, т. е. государства»[3]. Именно на государство социал-демократы возлагали решающую роль в преобразовании экономической системы: «Нашему поколению поставлена задача преобразовать с помощью государства, с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое капиталистами хозяйство в хозяйство, руководимое демократическим государством. Экономическое развитие само ставит проблему социализма». Внедрение социалистических принципов трактовалось как выход за пределы социальной политики в сферу экономической политики и руководства хозяйством (тем более что капитализм

---

[1] Sozialdemokratischer Parteitag 1927 im Kiel: Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz. – Kiel, 1927. – S. 165–184 (русский перевод: Гильфердинг Р. Задачи социал-демократии в Германской республике (Доклад в Киле в 1927 г.) // Гильфердинг Р. Капитализм, социализм и социал-демократия: Сборник статей и речей Гильфердинга / Пер. Ф. Капелевича. – М. – Л.: Московский рабочий, 1928 . – С. 118–165.

[2] Гильфердинг Р. Задачи социал-демократии в Германской республике… – С. 119.

[3] Там же. – С. 121–127.

уже преодолел «анархический принцип свободной конкуренции»)[1]. Представление организованного капитализма как исключающего конкуренцию и содействующего смягчению экономических кризисов становилось результатом процесса сплочения капиталистов, отдельные представители которого подчиняются общим классовым интересам. Это делает возможным централизованное управление капиталом и научную организацию общественного хозяйства. Такие выводы носят спекулятивный характер.

Государство не воспринималось больше как инструмент капиталистического господства. Оно рассматривалось Гильфердингом с точки зрения институционального подхода: «Государство с политической очки зрения есть не что иное, как правительство, аппарат управления и граждане, составляющие государство». Борьба партий за влияние на государство должна оказывать непосредственное воздействие на экономическую политику. Из этого для СДПГ вытекла задача использования государства как средства «для руководства хозяйством в интересах целого». Защита интересов общества объявлялось принципом рабочего класса[2]. Такое понимание государства игнорировало наличие у государственного аппарата собственных интересов и необходимых властных полномочий[3].

Социал-демократы полагали, что в политической сфере все привилегии собственности уничтожены, теперь осталось лишь ликвидировать привилегии собственности в экономической области. Решить эту задачу способно демократическое государство: «Демократия означает совершенно иную технику образования государственной воли… демократия означает совершенно иное распределение власти. Она означает иные социальные последствия, означает, что государственная воля формируется совершенно иначе»[4]. Фактически борьба за структурные изменения общества сводилась к борьбе за власть в государстве, к завоеванию большинства мест в рейхстаге. Для защиты демократии и социального характера государства «мы должны сделать из государства наилучший политический инструмент». Давая самые лестные оценки демократии, Гильфердинг утверждал, что «социальная демократия есть не что иное, как социализм». Именно в государстве Гильфердинг видел пригодный инструмент для перестройки общества. Он исходил из примата политики в общественных отношениях. Гильфердинг слишком позитивно оценивал возможности государственного воздействия на экономику: «Когда пролетариат будет господствовать в государстве и социальное содержание, общественные отношения будут изменяться в духе социализма с помощью демократического государст-

---

[1] Гильфердинг Р. Задачи социал-демократии в Германской республике… – С. 132.
[2] Там же. – С. 134.
[3] Euchner W. Sozialdemikratie und die Demokratie/ Zum Demokratieverstдndniss der SPD in der Weinarer Republik / Archiv fьr Sozialgeschichte. – XXVI. – Jg. 1986. – S. 161.
[4] Гильфердинг Р. Задачи социал-демократии в Германской республике… – С. 156.

ва»[1]. Гильфердинг приравнивал государственное вмешательство к демократическому преобразованию общества без подробного анализа содержания государственной интервенционистской политики и целей социальных групп[2].

Одним из последствий воздействия государства на экономику становились т. н. «политические зарплаты» и «политические цены». Гильфердинг предлагал «вдолбить в голову каждого рабочего, что высота заработной платы обусловлена политикой, зависит от сил парламентского представительства рабочего класса, от силы его организации и от социальных отношений вне парламента»[3]. Главной же задачей государства по отношению к экономике Гильфердинг считал строительство «хозяйственной демократии», под которой понимал «подчинение хозяйственных интересов общественному интересу». Его заявление о том, что «демократия на фабрике есть возможность для каждого в зависимости от его способностей стать руководителем производства» низводило на практике хозяйственную демократию до принципа равенства возможностей, в сущности своей либерального, наполненного определенным социальным содержанием. Причем основную работу по внедрению хозяйственной демократии возлагали на профсоюзы[4]. Именно они наряду с государством становились вторым инструментов влияния рабочих на «организованный капитализм». Соответственно, они должны были политизироваться во все большей степени. Государство становится у него исполнительным органом общества, использование его властных механизмов представляется исключительно вопросом политического воспитания и просвещения избирателей.

Тезис Гильфердинга о повышении роли общественного планирования как следствие процесса концентрации не нашел своего подтверждения в практике Веймарской республики. Усилению тенденции рационализации и планирования на производственном уровне противостояло ужесточение конкурентной борьбы на общехозяйственном уровне, которая велась с применением новейших для того времени менеджериальных методов. Справедлив вывод видного немецкого историка К.-Д. Брахера о фактическом отсутствии «минимального контроля демократических инстанций над властными экономическими структурами»[5].

Теория «организованного капитализма» не представляла собой пригодной основы, на которой возможно было выработать стратегию действий в ус-

---

[1] Гильфердинг Р. Задачи социал-демократии в Германской республике… – С. 160.

[2] Leuschen-Seppel R/ Zwischen Staatsverantwortung und Klasseninteresse/ Die Wirtschafts– und Finanzpolitik der SPD zur Zeit der Weimarer Republik und besonderer Berьcksichtigung der Mittelpause 1924-1928/29. – Berlin: Verlag Neue Gesellschaft, 1981. – S. 111.

[3] Там же. – С. 130.

[4] Там же. – С. 136.

[5] Bracher K.-D. Die Aufluqsung der Weimarer Republik/ Eine Studie zur Problem des Machtverfalss in der Demokratie/ – 6. Aufl. – Kцnigstein; Dьsseldorf: Athenдum/Droste Taschenbьcher Geschichte, 1978. – S. 193.

ловиях глубокого кризиса всей веймарской системы. В последнем варианте теории отсутствовали упоминания о возможных кризисах «организованного хозяйства». Гильфердинг был убежден, что открываются возможности эволюционного развития к социализму. На этом пути решающая роль принадлежит государству с его управленческими институтами, такими как социальная политика, арбитраж, регулирование трудовых отношений. Взаимное проникновение демократического государства и капиталистически организованного хозяйства открывает шансы для реализации «хозяйственной демократии». Данный вывод игнорировал очевидные дефициты и слабости Веймарской республики, связи между экономическими и общественными элитами и консервативным государственным аппаратом, весомый антидемократический потенциал немецкого общества.

Обобществление производственного процесса, рост значения науки для методов производства, рационализация хозяйственных отношений должны последовать согласно Гильфердингу уже в рамках «организованного капитализма», преодоление капиталистического экономического строя потребует лишь обобществления центров принятия решений, что возможно в рамках трансформационной деятельности демократического государства. Если в поле экономической теории он еще оставался в рамках марксистской традиции, то в вопросе о сущности государства рассуждал в рамках либерального дискурса. Историк П. Леше справедливо указывал на Гильфердинга как на одного из предвестников теории конвергенции «организованного капитализма» и социализма[1]. Теория «организованного капитализма» предусматривала замещение требования социализации идеями планового хозяйства и хозяйственной демократии. Она обеспечивала идейное подкрепление последовательного врастания рабочего движения в различные сферы общества, хозяйства и государства. Однако этим представлениям о возможности эволюционного пути к социализму на базисе свободного от кризисов «организованного капитализма» был нанесен серьезный удар мировым экономическим кризисом 1921–1933 гг.

Его германская социал-демократия встретила во главе правительства «большой коалиции» под руководством председателя СДПГ Х. Мюллера. Важнейшей проблемой, ставшей перед кабинетом министров, являлось достижение сбалансированности бюджета рейха и, главным образом, проблема финансирования страхования по безработице, введенного в 1927 г. Разногласия между правящими партиями по вопросу размера страховых взносов оказа-

---

[1] Lцsche P. Ьber den Zusammenhang vor reformistischen Sozialismustheorien und sozialdemokratisvher Organisationspraxis in der Weimarer Republik. Einige Ьberlegungen // Reformsozialismus und Sozialdemokratie. Zur Theoriediskussionen der Demokratischer Sozialismus in der Weimarer Republik. Bericht zum wissenschaftlichen Kongress der Friedrich-Ebert-Stiftung «Beitrдge zur reformistisvhen Sozialismustheorie in der Weiamarer Republik» vom 9/ bis 12. Oktober 1980 / Hrsg. Von H. Heilmann, Th. Meyer. – Berlin; Bonn: Dietz, 1982. – S. 18, 19.

лись настолько велики, что привели к развалу правительственной коалиции. По сути за будничным вопросом о величине страхового взноса работодателей и наемных работников в систему страхования по безработице скрывалась проблема возможности активной социальной политики в эпоху кризиса. Не случайно поэтому, что СДПГ согласилась скорее пойти на разрыв коалиции, чем самой стать инициатором демонтажа социальной политики Веймарской республики.

В период кризиса оказалось, что никакой собственной программы его преодоления у партии нет. Она поддерживала дефляционный курс, ставший базисом экономической политики правительств Х. Брюнинга (1930–1932 гг.). Основной же причиной кризиса социал-демократы считали недостаточность плановых элементов в капиталистических экономических отношениях. Такая оценка причин кризиса обрекала партию на пассивность в поисках рецептов преодоления кризиса. Большинство партийных экспертов разделяло тактику выжидания, предлагая дать возможность экономике самостоятельно преодолеть кризисные явления: «В капиталистическом хозяйстве есть собственные законы развития, которые регулярно ведут к возникновению кризисов и по отношению к которым любое государственное искусство бессильно»[1]. В качестве меры борьбы с кризисом СДПГ регулярно вносила в рейхстаг предложения, которые должны были усилить плановый характер экономики. Например, в конце 1930 г. СДПГ внесла в рейхстаг «Проект закона о картелях и монополиях». Картели были бы обязаны подчинять свою политику в области ценообразования государственным директивам. Именно эти меры партия рассматривала как предпосылку для конструктивной хозяйственной политики. Всем была очевидна эфемерность и практическая неосуществимость этих мер, хотя Ф. Нафтали, один из наиболее популярных экспертов партии по экономическим вопросам, объявлял эту программу отвечающей вызовам современности[2].

Практически единственным моментом, что отличало социал-демократию от правящего консервативного кабинета Х. Брюнинга, являлось ее последовательное выступление в поддержку обеспечения покупательской способности[3]. Отчасти это объяснялось политическими соображениями: на партию в этом вопросе постоянно давили свободные профсоюзы, да и партия всегда представляла себя защитником интересов потребителей. В июне 1930 г. фракция СДПГ в рейхстаге предложила меры по сохранению покупательской способности на-

---

[1] Pemann E. Staat, Wirtschaft und wir // Das Freie Wort. – H.12 vom 22. Mдrz 1931. –S. 7.

[2] Verhandlunden des Deutschen Reichstags. Anlage 439. Bd.. 448 vom 9. Dezember 1930/ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/ Blatt2_w5_bsb00000133_00054.html (дата обращения 15.05.2015)

[3] Verhandlunden des Deutschen Reichstags. Stenographische Berichte. 12. Mдrz 1931. Bd.. 444 S. 1480-1483 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/ Blatt2_w5_bsb00000129_00432.html (дата обращения 15.05.2015).

селения: сохранение имеющегося уровня зарплат и социальных выплат. Для сбалансирования бюджета (высшая догма германской социал-демократии в период кризиса) социал-демократы предложили повысить налоги с доходов физических лиц и снизить военные расходы. В модифицированном виде СДПГ предлагали эти меры весь период кризиса[1].

Наиболее вопиющей социальной проблемой немецкого общества в период кризиса была безработица. Связь между политической радикализацией немецкого общества и ростом безработицы была очевидна. Игнорировать ее партия не могла. Социал-демократы стали вырабатывать проекты мероприятий по увеличению занятости. Эти меры предполагали сокращение сверхурочных работ, сокращение продолжительности рабочего времени, обеспечение реальной заработной платы посредством снижения цен, увеличение срока обучения в школе, ограничение практики совместительства[2]. Основным методом создания рабочих мест считалось сокращение продолжительности рабочего времени (введение восьмичасового рабочего дня и сорокачасовой рабочей недели)[3]. Единственным способом покрытия расходов на проведение политики создания рабочих мест социал-демократы видели в получении заграничных займов[4]. Едва ли объем иностранных займов мог быть достаточен для развертывания широкой программы общественных работ. Кроме того, в 1930–1931 гг. лишь Франция была в состоянии гарантировать большой заем. Париж в качестве условия предоставления кредита требовал политических уступок в репарационном вопросе. Это противоречило фундаментальной цели правительства Брюнинга: любой ценой добиться отмены репарации.

Руководство социал-демократии по мере роста влияния национал-социалистов стремилось избегать любого конфликта с правительством по внешнеполитическим вопросам. Социал-демократическая стратегия, как и в прошлые годы, исходила из примата политики над экономикой. В партийных расчетах общеполитические вопросы преобладали над собственно экономическими идеями. Образцом такого подхода являлось официальное заявление социал-демократической фракции рейхстага от 3 октября 1930 г. В нем подчеркивалось, что лишь обеспечение конституционного правления сделает возможным обеспечение необходимой занятости. Внутриполитической стабильности и восстановление доверия заграницы к внутреннему развитию Германского рейха предполагалось достичь посредством борьбы против национал-социалистов и политики примирения в репарационном вопросе. Только после этого могут появиться предпосылки для экономического восстановления[5]. Прямое вмеша-

---

[1] Vorwдrts. № 487 vom 17. Oktober 1930, Vorwдrts. № 206 vom 5. Mai 1931.
[2] Vorwдrts. № 25 vom 16. Januar 1930.
[3] Vorwдrts. № 289-290 vom 29. Juni 1930.
[4] Vorwдrts. № 15 vom 10. Januar 1930, Vorwдrts. № 35 vom 22. Februar 1930.
[5] Sender T.Wirschaftskrise und Sozialdemokratie // Das Freie Wort. H. 22-23 vom 31. Mai 1931. – S. 15.

тельство в хозяйственные циклы казалось социал-демократическим экспертам более сложным и менее эффективным[1]. Конъюнктурная экономическая политика встречала негативную реакцию и у левого крыла социал-демократии, которое отклоняло любое государственное регулирование в рамках существующей капиталистической системы. Они требовали использовать кризис для завоевания власти и перестройки общества и экономики на социалистических началах[2]. Фактически все предложения СДПГ повисли в воздухе из-за их нереалистичности. Следует учитывать и то, что до лета 1931 г. социал-демократические эксперты в сфере хозяйства верили, что скоро наступит восстановление конъюнктуры и, соответственно, проблемы выработки антикризисной программы исчезнут сами собой.

Выступивший на Лейпцигском съезде СДПГ с основным докладом Ф. Тарнов фактически отмежевался от теории «организованного хозяйства», ибо дал негативную оценку роли картелей и монополий. Основное направление его критики – отсутствие готовности концернов к адекватному кризису снижения стоимости своей продукции. Одновременно он поддержал идею развертывания программы общественных работ и переход к активной конъюнктурной политике. Оставались неясными лишь два вопроса: масштаб необходимого государственного вмешательства и объем требуемых для этого финансовых ресурсов. За красивыми словами о роли социал-демократии («Разумеется, стоим мы у ложа больного капитализма не только как диагносты, но и в качестве врачей, которые хотят заняться лечением, но и, как радостные наследники, которые ждут не дождутся конца и которым больше всего хотелось бы слегка помочь больному скончаться при помощи яда») скрывалось слишком мало действий («О преодолении кризиса. Я не в состоянии предложить новое средство, общий концепт, который мог бы решить проблему»)[3].

Лишь после того как летом 1931 г. стал всем очевиден затяжной характер кризиса, в социал-демократическом движении начались дискуссии о новых формах конъюнктурной политики. Платформой для дискуссии стала профсоюзная газета «Ди Арбайт». Профсоюзы поручили известному статистику В. Войтинскому разработать программу преодоления массовой безработицы. Его генеральная идея была направлена против дефляционной политики снижения цен как неспособной оживить экономику. Он считал, что в виду продолжительности кризиса нельзя полагаться на рыночное саморегулирование. Он указывал и на политическую необходимость выработки новой программы дейст-

---

[1] Schaefer R. SPD in der Дra Brьning. Tolerierung oder Mobilisierung? Handlungsrдume und Strategien sozialdemokratischer Politik 1930–1932. – Frankfurt a.M. – New York: Campus Verlag, 1990. – S. 372.

[2] Gerbert Walter // Das Freie Wort. H. 14 vom 10. Mai 1931. – S. 20.

[3] Sozialdemokratisvher Parteitag in Leipzig 1931 vom 31. Mai bis 5. Juni im Volkshaus. Protokoll [Электронный ресурс]. – URL: http://library.fes.de/parteitage/pdf/pt-to/pt-1931to1.pdf#page=1 (дата обращения 15.05.2015).

вий, чтобы социал-демократия осталась политически дееспособной. От роста цен Войтинский ожидал позитивного эффекта для мировой экономики: ожидания прибыли возрастут, кредиты подешевеют, капитал будет больше не накапливаться, а инвестироваться. Для финансирования программ общественных работ Войтинский рекомендовал прибегнуть к международному займу, который организуют правительства ведущих государств мира[1]. Войтинский посягнул на две «священные коровы» социал-демократических экспертов: идею дефляционного курса при одновременном снижении цен и заработной платы и сбалансированность государственного бюджета.

Не случайно, что идеи В. Войтинского вызвали отрицательную реакцию ведущих теоретиков партии. Ф. Нафтали отверг идею о необходимости повышения цен для экономического роста. Наоборот, он настаивал, что именно в отказе трестов и концернов приспособить уровень цен к подлинным рыночным отношениям кроется собственно причина кризиса. Кризис можно купировать, если удастся ликвидировать возникшую диспропорцию и снизить цены. Нафтали не верил в возможность международного займа для организации общественных работ. В качестве альтернативы идеям Войтинского Нафтали вновь предложил прежний каталог социал-демократических требований по преодолению кризиса: обеспечение социальных выплат как гарантии покупательской способности населения, сокращение рабочего времени, расширение общественного сектора в экономике, контроль над монополиями и банками, поиск иностранных кредитов для финансирования программ общественных работ. Нафтали объявил совершенно ненужной новую программу действий: «Я не придаю слишком много ценности формулированию программ, ибо готов я к борьбе, а не к профессии стратега для написания резолюций. Программа есть вопрос чистой целесообразности и должна предлагаться «практиками». Пропагандистское и мобилизационное воздействие программы активной экономической политики не играло никакой роли в калькуляциях большинства социал-демократических экспертов. Попытки указать на политические позитивные последствия для СДПГ выработки программы обеспечения занятости трактовались не иначе как «знахарство»[2]. Не отставало в критике Войтинского и ведущее партийное издание «Форвертс». На его страницах Георг Декер, известный партийный финансовый эксперт, выступил против любых экспериментов с деньгами и кредитом. Он подчеркивал неизбежность кризисного развития капиталистического хозяйства, причины которого следует искать в производственной сфере, а не в монетарном секторе. Собственных идей по преодолению кризиса Г. Декер так и не предложил[3].

---

[1] Woytinski W. Aktive Wirtschaftspolitik // Die Arbeit. – 1931. – H. 6. S. 413–440.

[2] Naphtali F. Neuer Angelpunkt der aktiven Konjunkturpolitik oder Fehlleitung von Energien // Die Arbeit. – 1931. – H. 7. – S. 485ff.

[3] Vorwдrts. № 303 vom 2. Juli 1931, № 309 vom 5. Juli 1931 .

Фактически партия предлагала единственный рецепт преодоления кризиса – усиление государственного контроля в различных секторах экономики, прежде всего, над картелями, трестами и банками[1]. Шансы на реализацию требований об усилении государственного надзора над частным сектором экономики рассматривались как имеющие шанс на осуществление[2]. После банковского кризиса июля 1931 г. эта идея становится господствующей в социал-демократии и вытесняет на периферию активную конъюнктурную политику и планы общественных работ. Все планы провалились из-за отказа Брюнинга идти на уступки в репарационном вопросе ради получения французских кредитов[3]. В итоге социал-демократия не имела сколько-нибудь внятной программы преодоления кризиса, что и сама признавала: «Внутри рабочего движения нет ясности о том, в каком вопросе приступить к решительному наступлению, в какой последовательности должна вестись борьба, чтобы достичь выполнения наших требований»[4].

Решительное сопротивление социал-демократических экспертов встретили идеи активной валютной политики (в это время Англия отказалась от золотого стандарта, что привело к существенному обесценению фунта стерлингов). Гильфердинг охарактеризовал этот путь как ошибочный, ибо любое увеличение денежного обращения ведет к росту цен. Стоимость рабочей силы обычно отстает от общего роста цен. Рост цен приведет к повышению доли прибыли и снижению реальной заработной платы. Государственные финансы окажутся в большом беспорядке. Гильфердинг видел лишь инфляционный потенциал английских мер и был убежден, что последствия однажды начатой инфляции можно остановить лишь посредством жесткой дефляционной политики[5]. Альфред Браунталь утверждал, что любое вмешательство в хозяйство должно служить лишь восстановлению разрушенного кризисом равновесия. Поэтому задачей конъюнктурной политики является «устранение искусственных препятствий, которые стоят на пути оздоровления, а не выдача пациенту искусственных средств стимуляции»[6]. Большинство социал-демократов были согласны с тем, что поскольку действовать приходится внутри капиталистической экономической системы, то можно применять лишь «правильные капиталистические методы». Все это обрекало партию на беспомощность в экономических вопросах.

В декабре 1931 г. Войтинский, Тарнов и Бааде представили план общественных работ (по имени авторов он стал называться план ВТБ и имел раз-

---

[1] Vorwдrts. № 324 vom 14. Juli 1931, № 331 vom 18. Juli 1931, № 343 vom 25. Juli 1931.
[2] H. E. Bankrott // Das Freie Wort. H. 29 vom 19. Juli 1931. – S. 1–5
[3] Vorwдrts. № 343 vom 25. Juli 1931.
[4] Vorwдrts. № 421 vom 9. September 1931.
[5] Vorwдrts. № 465 vom 4. Oktober 1931.
[6] Brauntahal A. Probleme der Wдhrungspolitik // Die Arbeit.– 1931 – H. 10. – S. 739.

личные модификации во времени). План имел национальный характер, поскольку Войтинский признал невозможность совместных действий многих правительств. Войтинский считал инфляционные риски допустимыми. Предполагалось создать 1 млн. рабочих мест, что было призвано активировать рынок труда. Для этого требовалось 2 млрд. марок, из них половина формировалась из экономии расходов на социальные выплаты и отчасти покрывалась новыми налоговыми поступлениями. 1 млрд. марок предполагалось получить от Рейхсбанка. Инфляционный эффект от увеличения денег в обращении оценивался как незначительный из-за «прогрессирующей дефляции» и мог привести только к «частичной редефляции», как Войтинский образно называл повышение уровня цен[1]. План ВТБ был официально подержан АДГБ (Всеобщим советом германских профсоюзов), но не смог получить поддержку в СДПГ. Левое крыло требовало проведения активной социалистической хозяйственной политики, ведущие партийные теоретики и эксперты опасались инфляционного эффекта[2]. В качестве уступки профсоюзам фракция согласилась внести законопроекты об ограниченном золотом займе для финансирования программ занятости, о жилищном строительстве[3]. После их внесения в рейхстаг было решено отложить хозяйственно-политические дискуссии до окончания президентских выборов и выборов в прусский ландтаг 1932 г.: «лишь тогда появятся возможности для активной конъюнктурной политики, лишь тогда можно снизить безработицу»[4].

10 мая 1932 г. фракция СДПГ в рейхстаге внесла требование о немедленной подготовке большой программы обеспечения занятости, для финансирования которой «использовать все имеющиеся финансовые источники», но «чтобы при всех обстоятельствах обеспечить стабильность валюты»[5]. Проект был отправлен в бюджетный комитет, где и был похоронен. Партия встречала и новые выборы в рейхстаг практически без внятной экономической программы.

Ответственность за ее выработку приняли на себя профсоюзы. Совместная программа АДГБ и АфА в целом склонялась к требованию планового переустройства экономики. Планово-хозяйственная модель в виду ее практической неосуществимости оказалась пригодной для большинства социал-демократических экспертов. Конъюнктурно-политическая часть программы содержала лишь общие указания на необходимость «систематического усиления покупа-

---

[1] Woytinski W. Wann kommt die aktive Wirtschaftspolitik // Die Arbeit. -1932. – H. 1– S. 28f., Woytinski W.Arbeitbeschaffung und keine Inflationsgefahr // Die Arbeit. 1932. – H. 3. S. 142–154.
[2] Vorwдrts. № 71 vom 12. Februar 1932.
[3] Vorwдrts. № 79 vom 17. Februar 1932, Vorwдrts. № 95 vom 26. Februar 1932, Vorwдrts. № 115 vom 9. Mдrz 1932.
[4] H. E. // Das Freie Wort. – H. 10. Vom 6. Mдrz 1932. – S. 16f., Vorwдrts. № 174 vom 14 .April 1932.
[5] Sozialfemokratische Parteikorrespondenz. – № 6/7. – Juni-Juli 1932. – S. 327.

тельной способности масс и регулирования образования и использования капитала, рекомендовала общественные работы «для смягчения колебаний конъюнктуры рынка труда в кризисное время»[1]. Партия была готова согласиться с достаточно радикальной моделью планового хозяйства, осуществить которую на практике не было никакой возможности, чем поддержать «план ВТБ», который был нацелен на быструю реализацию.

Немецкая социал-демократия так и не сумела сформулировать внятную программу борьбы с безработицей, поскольку неверно оценивала и длительность, и глубину экономического кризиса, поразившего страну. Лидеры партии разделяли либеральную веру в самоочищение рыночной модели, при котором государственное вмешательство казалось излишним. Время для перезапуска экономики было упущено. Пришло время национал-социалистов.

Германская социал-демократия не обладала теоретически продуманной концепцией преодоления политического и экономического кризиса Веймарской республики, к которому она не была подготовлена ни организационно, ни политически. Придавая решающее значение обладанию исполнительной властью, как важнейшего инструмента демократизации экономики, политическая стратегия СДПГ нацеливалась на оказание по возможности большего влияния на институты государственной власти, прежде всего, на сохранение контроля над правительством Пруссии. В условиях же разложения веймарской демократии, перерождения Веймарского государства в авторитарную диктатуру, опирающуюся на рейхспрезидента П. фон Гинденбурга, такие расчеты оказались беспочвенными. Примат политики СДПГ в период кризиса – недопущение к власти национал-социалистов, пока национал-социалистическое движение не развалится по причине внутренних противоречий – не только оказался безрезультатным, но и подвигал партию к постоянным компромиссам в рамках политики негласной поддержки кабинета Брюнинга за счет авторитета социал-демократов. Придерживаясь политики «меньшего зла», социал-демократия не избежала ни меньшего, ни большего зла.

[1] Vorwдrts. № 291 vom 23 .Juni 1932.

КРИЗИС КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

А. А. Коряковцев

CRISIS AS AN IDEOLOGICAL PHENOMENON

A. Koryakovtsev

Аннотация: Статья посвящена кризису левого движения в России и в остальном мире. Его причину он видит в противоречивой природе промышленного пролетариата.

Ключевые слова: левое движение, марксизм, К. Маркс, промышленный пролетариат.

Abstract: The article deals with the crisis of the left movement in Russia and the rest of the world. Its cause he sees the controversial nature of the industrial proletariat.

Keywords: left movement, Marxism, K. Marx, industrial proletariat

Практическое поражение марксизма очевидно и, как все очевидное, подобно движению Солнца вокруг Земли для земного наблюдателя, недостаточно для обобщающего вывода, тем более теперь, в условиях непрекращающегося мирового кризиса капитализма. Современная экономическая ситуация во всем мире способствует тому, чтобы *любая* критика марксизма выглядела неубедительно. Чеканные формулировки Манифеста Коммунистической партии, обрамленные рокотом пассажей «Капитала», звучат заманчиво и свежо на фоне роста безработицы, наступления господствующих классов на социальные завоевания трудящихся, среди упадка социального благополучия и массовых выступлений протеста в так называемых «постиндустриальных» странах. Не стоит удивляться поэтому, что в России (и не только) после недолгого периода забвения труды классиков марксизма переиздаются крупными (по нынешним временам) тиражами, а поток посвященных им публикаций, как отечественных, так и переводных, не иссякает.

Вроде бы левые могут праздновать триумф. В бесчисленных чатах и в конференциях, организованных левой общественностью в социальных сетях, так, по большей части, и происходит. Там марксизм чаще всего выступает в виде инструкции по изготовлению социальной бомбы. Считается, что сама бомба давно уже готова и, чтобы взорвать капитализм, нужно всего-то поджечь ее фитиль – дело только за политической волей носителей «марксистского разума», причастных к управлению сознательным пролетариатом. Создается впечатление, что глубочайший кризис левого движения середины и второй половины XX века[1] успешно преодолен. Так ли это?

Преодолеть что-либо – значит, преодолеть его причины. А коренными социальными причинами данного кризиса стали два общественно-исторических

[1] Описанный, например, в: П. Готфрид. Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009. – 249 с.

события, выявивших противоречия и недоработки в самом теоретическом фундаменте социального учения Маркса.

Событие первое: в условиях так называемого «социального государства» (welfare state) произошла массовая интеграция промышленного пролетариата в систему буржуазного потребительства. Индустриальному рабочему *последовательная* антикапиталистическая (коммунистическая) революция оказалась не нужна. В результате возникла противоречивая ситуация. *Объект* социальной критики остается тем же самым – это капитализм во всех современных («потребительских») формах своего проявления, описанных с избытком в мировой художественной, философской и научной литературе и в кинематографе. Они без всяких сомнений свидетельствуют: капитализм остается все той же дрянью, даже в своем потребительском воплощении. Но общественный *субъект* его критики представляется отсутствующим или социально размытым, не выступающим в виде социологически четко фиксируемого класса. «Интуитивно» всем ясно, что существующий социальный порядок отвратителен, но популярные теории – прямо или косвенно – неопровержимо доказывают нам, что мы живем в наилучшем из практически возможных миров. Левые оказываются сильны в критике капитализма, однако их позитивные политические и экономические программы остаются так же практически неосуществимыми, как и сто лет назад. В их головах прочно сидят все готовые схемы-лозунги про рабочее самоуправление, прямую демократию, обобществленное производство и т. д. Но при рациональной критике и, тем более, при практической попытке осуществления все это оборачивается провалом. Приходя к власти, они вынуждены копировать практику правых, становясь частью государственно-буржуазного истеблишмента, как это случилось в Бразилии, Испании, Франции.

Недостаточность категорий классического марксизма и «изношенность» марксистских схем проявились и в попытках осмыслить *второй* главный и печальный (для левых) социальный *факт* двадцатого столетия: общества «реального коммунизма/социализма» не стали альтернативой капитализму и в своем большинстве потерпели крах. В процессе становления и последующей повседневной практики они воспроизвели социальные ужасы, свойственные раннебуржуазной эпохе (знакомых каждому, кто читал «Капитал» или работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»). Игнорировать это обстоятельство не в состоянии даже самые упертые догматики. Однако и убежденные противники советского строя не в силах опровергнуть то, что он продемонстрировал социальные преимущества по сравнению с «традиционным» капитализмом, воздействуя на элиты Запада и принуждая их к модернизации в собственных странах. Общества советского типа, равно как и общества современного капитализма, в каждом узле своей истории проявляют противоречивость, и вот эта-то их внутренняя противоречивая природа часто ускользает из поля зрения левых так же, как и правых.

До сих пор практически никто (за исключением, разве что, А. Зиновьева) не попытался исследовать собственные, объективные, внутренние законы и логику развития «реального коммунизма/социализма». «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении в себе и для себя»[1], – эта исследовательская программа марксизма в отношении советского общества еще не реализована. В итоге советская история до сих пор остается нерешенной проблемой марксистов, да и общественной науки в целом.

Все достоинства и изъяны советского общества косвенно подтверждают только относительную антибуржуазность как доиндустриальных, так и индустриальных трудящихся. Если Советский Союз в самом деле был «государством рабочих и крестьян», то почему рабочие и крестьяне допустили его уничтожение и победу капитализма в самой отвратительной форме, да еще и способствовали этому? А если Советский Союз не был таковым, то почему, опять же, рабочие и крестьяне допустили рождение из горнила антикапиталистической революции того, что к этой революции никак не относится?

Игнорирование проблем – не самый лучший способ их разрешения. Вместо попытки осмыслить назревшие социально-философские проблемы и тем самым хотя бы теоретически нащупать путь выхода из кризиса антикапиталистического движения, подавляющее большинство левых упражняются в изобретении способов заболтать этот кризис. Многочисленные «левые интеллектуалы» с блестящим университетским образованием, как отечественные, так и западные, в XX веке и в начале XXI, продемонстрировали полную неспособность к критической работе мысли, которой всегда отличалась европейская культура. Они променяли ее на психоделические переживания и адреналин, полученный от очередного «прямого революционного действия».

Но остаются тревожащие вопросы: если дело не в ограниченности самого рабочего класса и его вождей, кто же мешает последним сделать диктатуру пролетариата для масс привлекательней, нежели сексуальная революция? Где взять рабочий класс, который в большинстве своем предпочтет в качестве своего кумира Че Гевару, а не Мерилин Монро? Какие реальные блага может предложить современному рабочему из Чикаго или Нижнего Тагила тот же Че Гевара, помимо красивых, но практически бесполезных лозунгов? Мэрилин Монро, пожалуй, в действительности дала бы рабочему больше. Если дело только в том, что «партийные вожди продались мировой буржуазии», то почему рабочие, если они такие революционные по самой своей природе, до сих пор не скинули их и не выдвинули из своей среды новых вождей, раз уж они не в состоянии без них обойтись? Если «продажность» «рабочей аристократии» есть аномалия, то почему рабочий класс, вместо того чтобы участвовать в ее разо-

---

[1] Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 193.

блачении, столь упрямо старается проникнуть в ее ряды? Почему он выдвигает своей программой отнюдь не диктатуру пролетариата, а восстановление и расширение «мещанского царства» welfare state? И вообще: *какой смысл* в доктрине диктатуры пролетариата, если она противоречит интересам и потребностям эмпирических пролетариев? (Заметьте: мы формулируем вопрос: «не нужна ли в этой ситуации диктатура пролетариата»? а именно «какой в ней смысл?»)

Будучи неспособным ответить на эти вопросы или вовсе игнорируя их, современное мировое левое движение всеми силами пытается воскресить революционный дух рабочего класса, совершая, уподобившись шаману, ритуальные прыжки с бубном вокруг вспышек социального протеста, число которых в связи с кризисом резко увеличилось. Но лозунги и организационные инициативы марксистов, просто повторяющих своих единомышленников столетней давности, не находят массовой поддержки. Со второй половины XX века рабочий класс развитых стран не спешит влиться в ряды традиционных, да и нетрадиционных левых партий, поддерживая на выборах либо правых, либо представителей секс-меньшинств, феминисток, защитников природы и прочей контркультуры. Причину протестной ограниченности традиционного рабочего класса понять несложно: свои потребности он удовлетворяет и в рамках уже привычной для него системы welfare state. Ему просто нет смысла идти дальше рамок господствующих в данном обществе поведенческих стереотипов, потому что ему есть что терять в политической борьбе.

Правда, этому благополучию (хоть и весьма поколебленному в развитых странах в условиях кризиса) можно противопоставить (как это делает, например, Т. Иглтон[1]) факт ужасающей нищеты в «Третьем мире». Но проблема решается не количественным увеличением рабочего класса. Количество не всегда переходит в качество, революционность рабочего класса зависит не только от его количества, и если от него и зависит, то в наименьшей степени (об этом свидетельствует исторический опыт России). Проблемой является не существование пролетариата, а его *антикапиталистическая революционность*: что способно ее мотивировать в условиях развитого welfare state как оптимального будущего всех обществ, движущихся по капиталистическому пути развития? Какова социально-экономическая альтернатива потребительскому обществу? – вот в чем состоит коренной вопрос нашей современности. И на него пока ответа не найдено.

Классовая борьба, хотя и стала сейчас действительно массовой, все же направлена *не* столько *против* капитализма самого по себе, сколько *за* восстановление *полу*разрушенной неолибералами системы перераспределения – *за* модернизированный кейнсианцами капитализм. Рано или поздно социальная стабильность вместе со сносными условиями жизни рабочих восстановится.

---

[1] Иглтон Т. Почему Маркс был прав? М.: Карьера Пресс. 2013. С. 34–36.

На данном этапе развития производительных сил издержки капиталистического развития преодолеваются самим же капитализмом, точно так же, как сам капитализм преодолевает свои собственные экономические кризисы.

Идеолог капитализма из этой констатации поспешит сделать вывод, что капитализм вечен, а левый радикал станет навязывать этот вывод нам только на том основании, что мы лишены его иллюзий о скором крахе капитализма. При этом им обоим друг другу будет нечего сказать, кроме набивших оскомину лозунгов. Но если лозунги левых будут легко опрокинуты ссылками на недавние успехи капитализма, то аргументы современных буржуазных идеологов так просто не опровергнуть; для этого мало морального негодования, описания социальных проблем и повторения доктринерских схем традиционного марксизма. В том-то все и дело, что для опровержения новейших форм идеологического обмана требуется, кроме критического анализа новейших механизмов воспроизводства капитала, переосмысление категорий марксизма, его методологии, философско-методологических предпосылок. Теория должна быть достойна своего предмета. Современная теория по определению должна соответствовать своей, а не чужой, современности. Если для осмысления общества используются подходы и категории, рожденные предыдущей эпохой, это с необходимостью влечет за собой только их крах при столкновении с новой реальностью.

Итак, кризис капитализма, начавшийся в 2008 году и углубляющийся до сих пор, хотя и вызвал грандиозный по своему размаху антикапиталистический протест, но не вывел левую теоретическую мысль и левое движение из практического коллапса и идейного ступора. Кризис левого движения и левой теории (в частности, марксизма) продолжается и теперь, только в *скрытом виде*. И его коренная причина – не в сфере идей. Этот кризис отражает противоречивую природу *промышленного* рабочего класса, который уже не способен стать субъектом социальной революции. Левое движение утратило свою специфическую социальную базу. Поэтому оно лишилось своего голоса и вынужденно примыкает то к националистическо-консервативному (в «левом» или правом варианте), то к прогрессистско-либеральному лагерю (так же в разных вариантах). Это дискредитирует его. В этой ситуации левым остается одно: играть на противоречиях своих противников, а для успеха этого им необходимо понять собственные противоречия.

ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н. А. Евдокимов

LEFT MOVEMENT IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF IDEOLOGICAL INTERPRETATION

N. Yevdokimov

Аннотация: В рамках данной статьи рассматривается проблема интерпретации левого движения в современной российской политологии. Автор обращает внимание на неоднородность и размытость российских «левых». Вычленяет как в левом, так и в правом движениях «традиционалистов» и «западников», показывает их общие и особенные черты.

Ключевые слова: левое движение, оппозиция, политический радикализм, политическая идеология.

Abstract: In this article the problem of interpretation of the left movement in modern Russian political science. The author draws attention to the heterogeneity and vagueness of Russian «Left». Isolate both the left and right movements of the «traditionalists» and «Westerners», reveals their common and specific features.

Keywords: left movement, opposition political radicalism, political ideology.

Изменения, происходящие в последние годы в российском политическом пространстве, заставляют задуматься о политической идентификации основных субъектов политического процесса. Совершенно очевидно, что традиционная дихотомия «левые-правые» в нынешних условиях либо не работает, либо функционирует с большими оговорками. Если мы выясним, что те партии и движения, которые мы традиционно считаем левыми, по сути таковыми не являются, то это значит, что значительная часть интерпретаций, построенная по этому принципу, была ошибочной. В этом случае, все наше восприятие партийных и политико-идеологических отношений в современном российском обществе можно будет считать, в лучшем случае – не совсем точным, в худшем – откровенно надуманным.

Итак, в отечественной науке и политической практике сегодня к левым принято относить две парламентские партии (КПРФ и «Справедливая Россия») и довольно большую группу непарламентских партий («Коммунисты России», Партия мира и единства, «Партия за справедливость!» и другие)[1].

При этом категории левого движения, на наш взгляд, соответствуют политические силы, для которых характерны следующие критерии:

---

[1] Любарев А. Е., Вольхина М. В. Классификация новых политических партий // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. Москва: товарищество научных изданий «КМК», 2015. – С. 73.

– в политической сфере – ориентация на расширение политических прав и свобод граждан, признание революции как возможного метода общественного переустройства, опора на республиканскую форму правления как наиболее эффективную и отвечающую чаяниям населения, отрицание ценности государства, а в радикальных своих формах настаивание на его немедленном уничтожении, антимилитаризм и активное участие в антиглобалистском движении;

– в экономической сфере – государственное участие и регулирование. Это проявляется, прежде всего, в активном присутствии государственных структур на рынке в качестве субъекта экономики, что воспринимается как средство, связанное с необходимостью решения комплекса социальных задач. А также в приоритете общественной собственности над собственностью частной, которая оценивается как первопричина неравенства и источник множества социальных бед;

– в сфере социальной политики – борьба с безработицей как одной из наиболее острых проблем, стоящих перед обществом; улучшение условий труда; возможность получения доступного образования и медицинской помощи; активное участие в профсоюзной деятельности, а также в феминистском и экологическом движениях;

– в духовной сфере – отделение церкви от государства и образования; свобода и независимость художественного творчества; лояльное отношение к изменениям традиций и норм морали.

Однако анализ программ партий и движений «левого» толка в сегодняшней России показывает, что лишь очень немногие из них укладываются в эти критерии. Что касается парламентских партий, то среди них нет, строго говоря, ни одной «левой», что наглядно демонстрирует и их консолидированное голосование по многим вопросам в последние годы (закон Димы Яковлева, Закон об оскорблении чувств верующих и другие). Многие из этих вопросов раскололи общество, но не парламент.

Понимание того, что деление на «левых» и «правых» в России имеет свои особенности и присутствует у отечественных исследователей достаточно давно. Еще в середине 1990-х политолог А. Денисов предложил дополнить традиционную классификацию общественно-политических объединений в условной «горизонтальной» системе координат «левые-правые» вторым, «вертикальным», измерением, характеризующим степень их политического радикализма. При этом в нижней части двумерной схемы на небольшом удалении от горизонтальной оси он разместил «центристов» («прагматиков»), которые готовы считаться «с неизбежным консерватизмом основной массы населения, связанным с психологической перестройкой и неспешной адаптацией к любого рода реформам», а в верхней – «нетерпеливых доктринеров, не склонных снисходить к несовершенству реформируемых масс и тяготеющих к принуждению»[1].

---

[1] Денисов А. А. Политический паноптикум // Денисов А. А. Глазами народного депутата СССР. Вып. 3. СПб., 1994. С. 105.

Промежуточное, срединное положение между «центристами» и «радикалами» было отведено «умеренным».

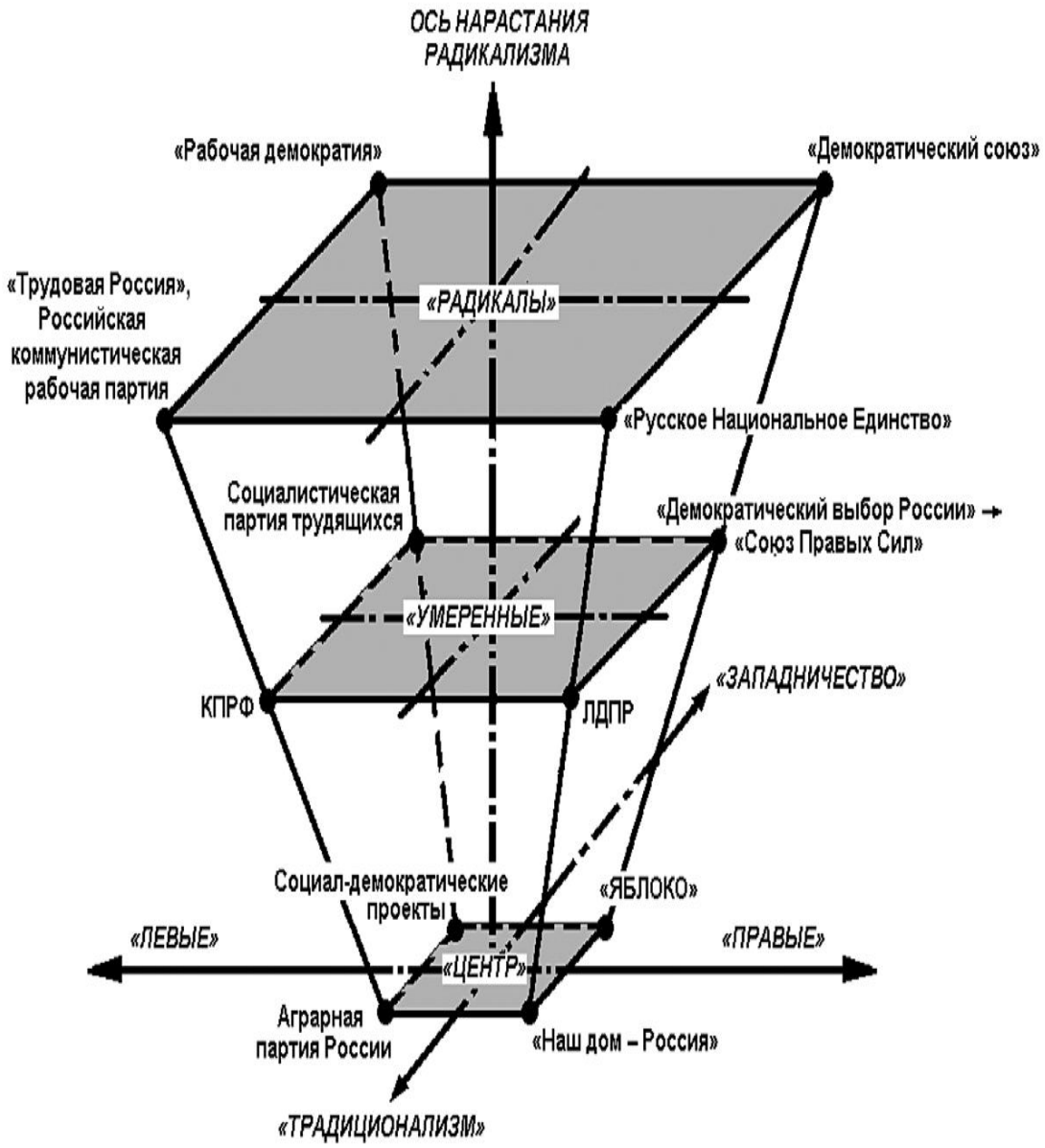
Примерно тогда же М. Грачев предложил дополнить данную схему третьим измерением, которое учитывало бы социокультурные особенности политических целей, обозначенных в программных документах партий и движений. В рамках этого измерения сторонники современного западничества (европейских, общечеловеческих ценностей) противопоставлялись приверженцам различных видов традиционализма («мягкий консерватизм», имперская идея, радикальный национализм и т. д.). В целом трехмерность российского политического пространства была отражена на схеме, предложенной М. Грачевым для анализа расстановки сил на думских выборах 1995 г.[1].

По мнению М. Грачева, данное трехмерное пространство находилось в состоянии неустойчивого равновесия, причем основное противостояние складывалось между уравновешивающими друг друга «правыми западниками» и «левыми традиционалистами» – с определенными колебаниями в направлении «правого традиционализма».

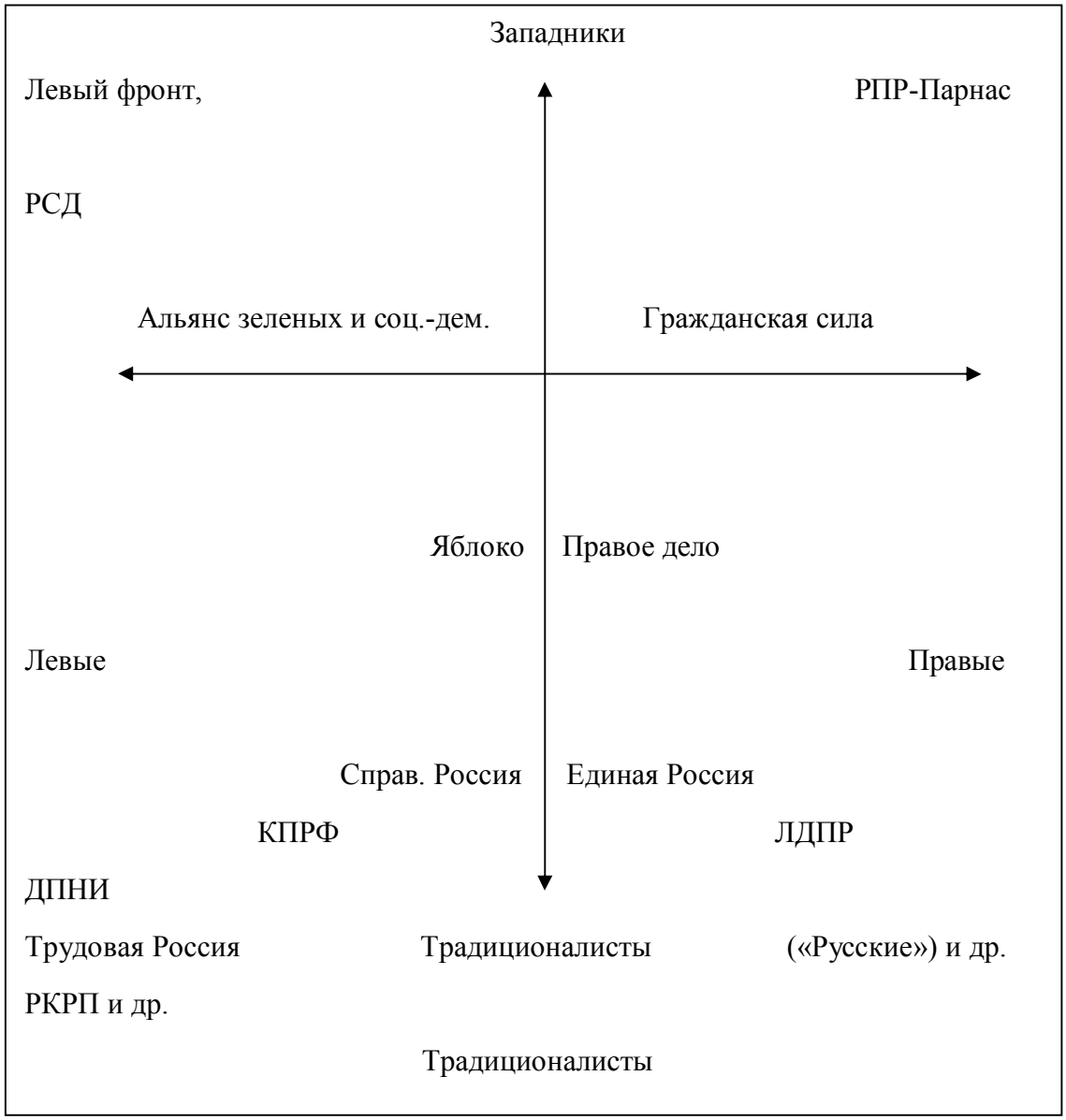
[1] Грачев М. Н. Особенности современной российской многопартийности // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию РУДН (секция «Философия, политика, культура»). М., 1995. С. 69–71.

Самое любопытное, что за 20 лет более удачной и точной схемы, показывающей сущность идеологических ориентаций участников российского политического процесса, на наш взгляд, не предложено.

Правда, во-первых, сегодня уже изменились политические обстоятельства и, соответственно, поменялись субъекты политики. Во-вторых, ось нарастания радикализма, на наш взгляд, на этой схеме лишняя, так как степень радикализма изначально заложена на оси «левые» – «правые». В-третьих, следует заметить, что трехмерность политического пространства все же является показателем его переходного состояния. В принципе, для этого пространства более органична двухмерность, обусловленная стремлением массового сознания максимально упростить политическую картину мира.

Поэтому, на наш взгляд, в нынешних условиях несколько измененная и переведенная в двухмерную плоскость схема идеологических ориентаций субъектов политического процесса будет выглядеть следующим образом:

Таким образом, налицо «проседание» такого блока, как «левые-западники». Его перспективы в рамках существующей политической системы представляются сомнительными в силу слабой востребованности идей. В целом же, противоречия по линии «запад-восток» в современной России представляются более актуальными и непримиримыми, чем противоречия по оси «левые-правые».

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА «ЛЕВЫХ» ПАРТИЙ И ДВИЖЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ТРАДИЦИИ И СПЕЦИФИКА

С. А. Севастьянов

NATIONAL AND REGIONAL POLITICAL AGENDA OF THE «LEFT» PARTIES AND MOVEMENTS IN RUSSIAN PUBLIC POLICY AMID THE CRISIS: TRADITIONS, THE GENERAL AND THE PARTICULAR

S. Sevastyanov

Аннотация: В рамках данной статьи предпринимается попытка обозначить некоторые традиции становления и развития «левых» партий и движений в российской публичной политике, а также выявить и сопоставить общие и отличительные аспекты «левой» партийной политической повестки общенационального и регионального уровней в условиях социально-политических трансформаций и кризисов.

Ключевые слова: исторический период, региональная политическая повестка, общенациональная политическая повестка, «левые» партии и движения, публичная политика, социально-политический кризис.

Abstract: In this article an attempt to identify some of the traditions of formation and development of the «left» parties and movements in Russia's public policy, as well as to identify and compare common and distinctive aspects of the «left» party political agenda of the national and regional levels in terms of social and political transformations and crises.

Keywords: historical period, the regional political agenda, a national political agenda, «left» parties and movements, public policy, social and political crisis.

В начале XX века в результате событий Первой русской революции в России возник и был легализован институт политических партий. Из всего достаточно широкого идейно-политического спектра зарождавшейся, формально по волеизъявлению российского императора, а фактически под напором революции, партийной системы, партии «левого» толка – Российская социал-демократическая рабочая партия и Партия социалистов-революционеров к этому моменту уже имели определенный политический опыт.

За последующий более чем столетний период основы государственного и общественного устройства России не раз претерпевали значительные трансформации. При этом «левая» идеология (большевизм, коммунизм, социализм, социал-демократия) и «левые» партии и движения стали неотъемлемой частью отечественного политического ландшафта.

В условиях общегосударственного кризиса, последовательно развивавшегося в России в 1905–1922 гг. (две буржуазно-демократические революции, социалистическая революция, гражданская война и последующий переход к

новой советской модели развития), «левые» партии и движения пребывали в различных политических форматах – парламентская оппозиция, внепарламентская оппозиция, вооруженная оппозиция, правящая партия. На начальном «революционно-военном» этапе «левая» идея в общественно-политической сфере стала выступать в качестве доминирующего общенационального тренда. При этом необходимо отметить, что за весь период существования партийной публичной политики в России, именно в хронологических рамках первой четверти XX века, наблюдались максимально возможные различия в общенациональной и региональной политической повестке «левых» партий и движений.

Так в частности, в Уфимской губернии после свержения самодержавия, в рядах «левых» политических сил, представленных местными ячейками меньшевиков, большевиков и социалистов-революционеров, политическая повестка могла значительно отличаться от позиции центральных партийных структур. Такое положение вещей было связано, прежде всего, с так называемым «национальным» вопросом, а также с разнообразием идеологических убеждений и установок региональных партийных лидеров «левого» движения.

Характеризующийся повышенной концентрацией исторически значимых событий на определенном отрезке времени, данный этап является, по нашему мнению, наиболее масштабной исследовательской проблемой как с точки зрения фактологии, так и с точки зрения научного анализа оценки роли и места «левой» идеи в нем.

В рамках окончательно установившейся в 1922 году в Советском Союзе однопартийной модели развития «левая» идеология стала фундаментальной составляющей государственной политики. Любые колебания или отклонения (за исключением единичных и жестко пресекавшихся фактов антипартийных или антигосударственных выступлений) от генеральной линии Коммунистической партии, как говорилось в одном из анекдотов советских времен, происходили по принципу – «колебался вместе с линией партии». Те же самые единообразие и соответствие были присущи состоянию «левой» политической повестки на общесоюзном, республиканском и областном уровнях публичной политики.

После начала перестроечных процессов политическая система Советского Союза перестает быть однопартийной, в стране бурными темпами развивается политический плюрализм. Однако при этом следует отметить, что многие постсоветские – российские политические партии и движения в тех или иных вариациях используют в своих программах элементы «левой» идеологии. В условиях сохранившейся после распада СССР федеративной формы государственного устройства России можно выделить определенные периоды резонансных колебаний «левой» идеи в общенациональной и региональной политической повестках. В институциональном отношении, по нашему мнению, это связано, прежде всего, с возрождением принципа многопартийности, а также с изменением политической роли регионов – субъектов Российской Федерации.

Современный процесс отечественной эволюции «левой» идеологии и партогенеза «левых» партий и движений можно рассматривать в рамках не-

скольких этапов, каждый из которых обусловлен изменениями, происходившими в политической, социально-экономической, нормативно-правовой и иных сферах жизнедеятельности государства и общества.

Первый этап (1985–1991 гг.). В рамках данного периода региональная повестка являлась составной частью общесоюзного политического пространства и была включена в начавшиеся общесоюзные трансформации. Однако именно в этот период, в условиях демократизации общества, региональная повестка «левых» партий и движений стала дополняться местной спецификой. В частности, в качестве примера здесь можно привести Башкирскую АССР, где областные организации КПСС, ВЛКСМ и ВЦСПС так или иначе включили в свою повестку вопросы экологии, девальвации культурно-исторических традиций коренного населения и снижения уровня материального благосостояния жителей региона.

Второй этап (1991–1999 гг.). Доминирующим фактором политических процессов во многих субъектах РСФСР – Российской Федерации – становятся местные политические элиты и нормативно-правовые акты регионального уровня. Влияние федеральной повестки, а также федеральных партийно-властных структур на политическую жизнь в регионах в этот период снижается. При этом сложилась во многом парадоксальная ситуация, когда региональные отделения наиболее крупных на тот момент «левых» политических партий и движений (Коммунистическая партия Российской Федерации, Трудовая Россия, Аграрная партия России, Федерация независимых профсоюзов России), на региональном уровне действовали строго в рамках федеральной повестки.

По нашему мнению, такое положение вещей было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, как правило, «левые» в регионах, и в том числе в Башкортостане, не располагали самостоятельными политическими и финансовыми ресурсами. Во-вторых, на данном этапе в Башкирии доминирующей политической силой выступала Администрация Президента Республики Башкортостан М. Г. Рахимова, а региональные отделения «левых» партий и движений фактически были лишены возможности рассматриваться в качестве самостоятельных акторов публичной политики. Выбирая между хорошими отношениями с региональной элитой и интересами региональной повестки или хорошими отношениями с московским партийным руководством и персональными политическими интересами в будущем, местные «левые» выбирали последний вариант.

Третий этап (2000–2011 гг.). На данном этапе происходит переформатирование системы партийно-политического представительства региона и ее встраивание в единую федеральную модель. В регионах начинается процесс закрепления практики «проектирования идейно-политического пространства». В новой конфигурации региональные отделения «левых» политических партий и движений по-прежнему не функционируют как самостоятельные субъекты, они системно встраиваются в рамки обновленной властно-управленческой вертикали на основе федеральной политической повестки.

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что, во-первых, «левая» идея и «левые» партии и движения с момента их появления в отечественной политической системе всегда являлись составной частью общенациональных трансформаций. «Левые» партии и движения в России благополучно совершили более чем столетний транзит от думской монархии через советскую партийно-государственную систему, последующую демократизацию и регионализацию, к современной общефедеральной модели, характеризующейся в отечественной политической науке такими терминами, как «вертикаль власти», «системная оппозиция», «управляемая демократия», «президентское большинство».

В качестве причин такого в чем-то циклического по своему характеру и содержанию процесса следует назвать отсутствие устойчивого опыта многопартийности и демократических электоральных процедур, а также традиционную востребованность идей социальной справедливости и равенства в российском обществе.

Специфика соотношения общенациональной и региональной политической повестки «левых» партий и движений в российской публичной политике заключается в том, что региональная повестка, как правило, находится в русле общероссийских процессов. При этом региональная практика отражения «левой» идеи в партийном представительстве иногда все же имела свои отличительные черты, обусловленные исторически сложившимися особенностями, поведением региональных политических элит, а также этнополитическим фактором.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Л. Б. Заманова

FORMATION AND DEVELOPMENT OF TRADE UNION MOVEMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

L. Zamanova

Аннотация: В статье рассматривается история формирования профсоюзного движения в Республике Башкортостан с конца XIX века по настоящее время. Анализируется историческая роль профессиональных союзов как самого массового и влиятельного общественного движения.

Ключевые слова: профсоюзные движения, членские организации, Всебашкирский съезд профсоюзов, Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, Федерация Независимых профсоюзов России.

Abstract: The article discusses the history of the formation of the trade union movement in the Republic of Bashkortostan in the late XIX century to the present. It analyzes the historical role of trade unions as the most massive and powerful social movement.

Keywords: trade union movement, affiliates, All-Bashkirian Congress of Trade Unions, Trade unions in the Soviet Union, the Federation of Independent Trade Unions of Russia.

Ушедший в историю XX век занял особое место в общественно-политическом развитии нашей страны. Уже в начале столетия в России появляются политические партии и движения, зарождается парламентаризм, а также появляются массовые профессиональные движения.

Возникновение профсоюзов в стране было вызвано ходом экономического и политического развития страны, результатом которого явилась длительная борьба российских рабочих за свои социальные и экономические права. Из малочисленных и разрозненных объединений рабочих, создаваемых, как правило, на период отдельных акций в ходе стачечного движения в конце XIX века, повсеместно вырастали массовые профессиональные союзы, целью которых была организация борьбы трудящихся за улучшение условий труда и экономического положения рабочих. Уже сам факт добровольного членства рабочих в организациях, независимых и от нанимателей, и от государства, явилось свидетельством того, что профсоюзы стали воплощением социально-политической гражданской интеграции горизонтального уровня. Они способствовали самореализации и самодеятельности граждан, их коллективному участию в принятии и осуществлении решений.

В историографии республиканского профсоюзного движения выделяют три этапа: 1905-й – первая половина 1940-х гг.; вторая половина 1940-х – конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. по настоящее время. Каждый из этих этапов характеризуется собственными чертами и особенностями развития профдвижения.

В Башкирии одним из первых профессиональный союз был образован на Белорецком металлургическом заводе в октябре 1905 года. В конце 1905 года в Уфимской губернии уже были созданы профсоюзы железнодорожников, рабочих типографий, почтово-телеграфных служащих, учительский союз, в начале 1906 года в Уфе организуются профсоюзы пищевиков, служащих торговых предприятий, союз портных. Главными задачами профсоюзов тогда были и остаются сейчас вопросы социальной защищенности, максимальной занятости и достойной заработной платы.

Особым завоеванием рабочих и служащих, их профессиональных союзов после октябрьских событий 1917 года стала разработка и принятие коллективных договоров, с помощью которых на предприятиях решались многие вопросы условий труда и быта, тарифной политики.

В республике коллективные договоры были также разработаны и утверждены общими собраниями профсоюзов металлистов (декабрь 1917 г.), деревообделочников (январь 1918 г), пищевиков, ресторанных и коммерческих служащих (февраль 1918г.).

В январе 1918 года коллективный договор утвердило правление Уфимского районного отдела Всероссийского профсоюза служащих и рабочих нефтяной промышленности. Координировал деятельность профсоюзов в республике

созданный в июне 1917 года Уфимский центральный совет профессиональных союзов.

В марте 1919 года, после гражданской войны, в Уфимской губернии и Малой Башкирии развернулась работа по восстановлению профсоюзов. В феврале 1920 года состоялся I Всебашкирский съезд профессиональных союзов.

В 1922 году произошло объединение Уфимского губернского и Всебашкирского советов профсоюзов в единый Башкирский областной совет профсоюзов. Огромную роль в организованном укреплении профсоюзов и усилении связей с массами в этот период сыграл переход от обязательного профсоюзного членства к добровольному. В целях оживления профработы проводились «Недели профкомов». В условиях новой экономической политики наряду со ставшими уже традиционными вопросами защиты наемных работников и защиты их прав и интересов была развернута работа по оказанию помощи безработным членам профсоюзов.

Профсоюзы держали под контролем работу органов, осуществляющих государственное социальное страхование и медицинское обслуживание. В республике в этот период была создана сеть профсоюзных домов отдыха.

Поворот профсоюзов в начале 30-х гг. «лицом к производству», сопровождавшийся неоднократными преобразованиями их организационной структуры, в Башкортостане совпал с районированием, когда вместо 8 кантонов и 110 волостей были образованы 48 районов. В этот период основным направлением деятельности профсоюзов стала производственно-массовая и экономическая работа. По характеру выполняемых функций они превратились в составной элемент сформировавшейся административно-командной системы управления обществом, в придаток партийно-государственного аппарата. Региональной особенностью явилась деятельность профсоюзов по увеличению представительства лиц коренной национальности в профсоюзных органах республики, среди уполномоченных ЦК профсоюзов. Профсоюзы активно участвовали в ликвидации неграмотности, но в Башкортостане эта работа была осложнена из-за перемены алфавита, перевода башкирской письменности в 1939 г. с латиницы на кириллицу, в связи с чем завершить работу по ликвидации неграмотности удалось лишь к середине 60-х гг.[1].

Важным событием в 1930 году стала организация областной школы продвижения.

Сложные 30-е годы характеризовались серьезными нарушениями профсоюзной демократии. В 1932 году был созван IX Всебашкирский съезд профсоюзов, ставший на тот период последним съездом межсоюзного территориального органа. В связи с данными обстоятельствами, в 1933–1934 годах государство передает профессиональным союзам управление государствен-

[1] Филимонов М. А. Деятельность профессиональных союзов Башкортостана в 1905–2000 гг. Автореф. дисс. 07.00.02. Уфа, 2003.

ным социальным страхованием, контроль за состоянием и охраной труда и соблюдением трудового законодательства. Профсоюзы сосредотачивают свои усилия на решении производственно-массовых задач, контроле за реализацией тарифных соглашений и коллективных договоров, значительную часть в которых занимали обязательства, направленные на развитие производства, повышение производительности труда.

В 1941 году профсоюзные органы всех отраслей и структур стали активно заниматься перебазированием предприятий и учреждений, эвакуацией населения прифронтовых районов на Восток. В Башкортостан прибыло оборудование 172 предприятий, отдельных установок и цехов. Профсоюзы активно участвовали в размещении оборудования, прибывших с ним рабочих и служащих, развивая при этом социалистическое соревнование, движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад, налаживая условия труда, жилищно-бытовые условия.

12 ноября 1948 года в Уфе в соответствии с решением XIX пленума ВЦСПС состоялась I Башкирская областная межсоюзная конференция профсоюзов. По всем структурам профсоюзов вновь был восстановлен принцип профсоюзного строительства на основе отраслевой и территориальной принадлежности.

В 1957 году VI пленум ВЦСПС определил основные направления работы профсоюзов в новых условиях – укрупнение отраслевых профсоюзов и перенесение центра тяжести оперативного руководства профорганизациями в республики и области. Облсовпрофам, областным комитетам были переданы широкие права и полномочия в решении вопросов и организации труда и производства, в руководстве социалистическим соревнованием, в осуществлении контроля за состоянием охраны труда. Дальнейшему повышению роли профсоюзов способствовало и активное развитие производственной демократии, участие профсоюзов в постоянно действующих производственных совещаниях, в мобилизации трудящихся на выполнение пятилетних планов и обязательств.

В 1973 году было принято совместное постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС И ЦК ВЛКСМ о развертывании Всесоюзного социалистического соревнования работников промышленности, строительства и транспорта и т. д. Конституция СССР 1977 года закрепила за профсоюзами право участвовать наряду с другими общественными организациями в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социальных вопросов. Такая же статья была воспроизведена в Конституции нашей республики.

В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о правах ФЗМК».

В 70-е–80-е годы прошлого века профессиональные союзы и их первичные организации продолжали активно участвовать в решении производственных и хозяйственных задач, где первостепенное место в работе профорганов всех уровней и структур занимала организация социалистического соревнова-

ния. Наряду с распределительными функциями, в том числе по реализации средств государственного страхования, значительное место в деятельности профсоюзов отводилось защитной функции.

Период со второй половины 40-х гг. до конца 1980-х явился наиболее продолжительным этапом в истории профсоюзов Башкортостана. Он характеризовался последовательным расширением функций профсоюзов, их социальной базы, превращением профессиональных союзов во всеобъемлющую организацию, объединявшую практически всех рабочих, колхозников, служащих, студентов вузов, учащихся техникумов и профтехучилищ. Оставаясь «школой управления», «школой хозяйствования», профсоюзы развивали социалистическое соревнование, руководили деятельностью производственных совещаний, организаций изобретателей и рационализаторов, осуществляли контроль за соблюдением законодательства о труде. Они заботились об улучшении медицинского, санаторно-курортного, бытового и торгового обслуживания трудящихся, большое внимание уделяли воспитательной и культурно-массовой работе[1].

Радикальные преобразования российского общества в политической, экономической и духовной жизни в конце 80-х и начале 90-х годов, в том числе смена форм собственности, системы управления государством, экономикой, отмена однопартийной системы, развитие демократии и гласности, связанные с переходом от плановой к рыночной экономике, вызвали тяжелейший кризис в работе профсоюзов не только страны, но и республики. Если раньше членство трудящихся в профсоюзах было строго обязательным, то теперь начался массовый отток рабочих, которые не видели никакой пользы числиться членами профсоюзной организации. Проявлением отсутствия взаимосвязи между профсоюзами и рабочими стали забастовки конца 1980-х, когда традиционные профсоюзы оказались не на стороне трудящихся, а на стороне представителей государства. Последние годы существования СССР характеризовались очевидным отсутствием реального влияния профсоюзов как в политической, так и в экономической сферах. Усилению кризиса способствовали и нововведения в законодательстве, ограничивающие круг деятельности профсоюзов. На многих предприятиях они были просто распущены, вновь возникшие фирмы часто целенаправленно препятствовали созданию профсоюзных ячеек.

Только к началу 1990-х деградация как российских, так и республиканских профсоюзов затормозилась. Постепенно профсоюзное движение снова стало возвращаться на арену политических и экономических событий. Этому способствовало образование Федерации Независимых профсоюзов России, членской организацией которой становится и наше территориальное объединение профсоюзов, которое в 1991 году оформляется как Федерация профсоюзов Башкирской АССР.

---

[1] Филимонов М. А. Деятельность профессиональных союзов Башкортостана в 1905–2000 гг. Автореф. дисс. 07.00.02. Уфа, 2003.

В состав ФНПР вошли профсоюзы всей России, которые раньше входили в систему ВЦСПС. ФНПР теперь состоял из 3 членских организаций: профсоюзы общероссийские, территориальные объединения профсоюзных организаций, а также межрегиональные профессиональные союзы работников разных отраслей[1].

Основной целью вновь образованной Федерации стала координация действий членских организаций по представительству и защите социально-трудовых и гражданских прав, производственных, профессиональных, экономических и социальных интересов членов профсоюзов, коллективных прав и интересов работников, а также представительства и защита общих интересов и достижений общих целей членских организаций, обеспечение правовых гарантий их деятельности как на федеральном, так и на региональном уровне[2]. Опираясь на научные силы и поддерживая их, ФНПР внесла свой весомый вклад в выбор конституционной модели государственного устройства постсоветской России, отстояв в 1993 году в Конституционном собрании положение о строительстве правового социального государства, политика которого, как гласит ст. 7 Конституции РФ, направлена на обеспечение достойной жизни и всестороннего развития людей.

Таким образом, концепция профсоюзного движения России включала в себя новое понятие «независимые профсоюзы». Они должны были выполнять свои защитные функции только будучи полностью независимыми от любых политических организаций, государственных, хозяйственных и административных органов. Их независимость и самостоятельность – в принятии и проведении в жизнь своих собственных платформ, в выдвижении альтернативных государственных программ, в избрании руководящих органов без постороннего вмешательства и опеки.

На сегодняшний день ФНПР является самым крупным профсоюзным объединением трудящихся России и объединяет 122 членские организации, в том числе 42 общероссийских, межрегиональных профсоюзов и 80 территориальных объединений организаций профсоюзов. В профсоюзах, объединяемых ФНПР, состоит более 21 миллиона членов – около 95 процентов всех членов профсоюзов в России[3].

В Республике Башкортостан Федерация профсоюзов насчитывает более 700 тысяч членов профсоюза, в том числе 6 000 первичных профсоюзных организаций на предприятиях и в организациях, 22 республиканские организации профсоюзов различных отраслей[4].

---

[1] Официальный сайт ФНПР. Режим доступа: http://www.fnpr.ru/

[2] Там же.

[3] Официальный сайт ФНПР. Режим доступа: http://www.fnpr.ru/

[4] Официальный сайт Федерации профсоюзов Республики Башкортостан. Режим доступа: http://fprb.ru/news/?ELEMENT_ID=14458.

За прошедшие годы Федерация профсоюзов республики определила свои главные стратегические задачи: зарплата, социальные гарантии, вопросы охраны труда, вопросы занятости.

Таким образом, профсоюзы Башкортостана пришли к своему вековому рубежу с богатым опытом, сохранив лучшее из прошлого и приобретя много нового, с конструктивным настроем и желанием усиливать свою защитную роль под девизом: «Зарплата – занятость – законность». Пройденный профсоюзами исторический путь позволяет сделать главный вывод: профсоюзы были, есть и будут главным общественным социально-экономическим стабилизатором развития и прогресса как республики, так и страны, выполняя при этом объективную роль государствообразующего фактора в экономической сфере, представителя и защитника интересов людей труда.

Раздел III.
КРИЗИС КАК ШАНС ДЛЯ РОССИИ: ВЫЙТИ ИЗ КОЛЕИ ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

С. Н. Лаврентьев

REACTION OF THE RUSSIAN LEFT TO THE ECONOMIC CRISIS

S. Lavrentyev

Аннотация: В статье анализируются антикризисные программы левых партий Российской Федерации, представленных в высшем законодательном органе страны – Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. На основании исследования партийных документов делается вывод о том, что российские социал-демократы и коммунисты в условиях экономического кризиса не вышли за рамки системной парламентской оппозиции. Выносимые на обсуждение антикризисные меры не затрагивают основ сложившейся постсоветской политической и экономических систем. Следовательно, они не являются фактором политического риска для правящего класса.

Ключевые слова: неомарксизм, российские левые, партийная система, партийная идеология, левая идеология.

Abstract: This article analyzes the anti-crisis program of the Russian Federation of the Left parties represented in the highest legislative body of the country – the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Based on the research party documents it concluded that the Russian Social – Democrats and the Communists during the economic crisis did not go beyond the scope of the system of parliamentary opposition. Issues for discussion of anti-crisis measures do not affect the fundamentals of the current post-Soviet political and economic systems. Consequently, they are not a factor of political risk for the ruling class.

Keywords: neo-Marxism, the Russian left-wing party system, party ideology, the ideology of the left.

2014–2015 годы стали серьезным испытанием на прочность для экономической и политической системы постсоветской России. Эту систему, сформировавшуюся к 2003 году, можно условно обозначить как «нулевой консенсус» между политической властью, классом «новых собственников» и большинством избирателей. Маркер «нулевой» выбран нами не только потому, что в общих чертах он был сформирован в нулевых годах, но и в силу того, что он фиксировал сложившееся в российском обществе статус-кво.

Если проанализировать данный неформальный политический контракт в категориях «теории обмена» Питера Блау, то его основные принципы можно свести к следующим положениям:

– подчинение административных элит единой властной вертикали в обмен на стабильность статуса политической бюрократии;

– признание итогов приватизации в обмен на равноудаленность бизнеса от власти;

– патерналистская лояльность избирателей в обмен на стабилизацию заработной платы бюджетникам и пенсионерам.

Присоединение Крыма и российская позиция в связи с вооруженным конфликтом на юго-востоке Украины серьезно ухудшили международные отношения России со странами «золотого миллиарда» и его сателлитами. Вполне предсказуемо, что данный политический поворот вызвал скрытое недовольство той части российской правящей элиты, которая не утратила надежды интегрироваться – пусть даже в статусе клиентелы – в евро-американский истеблишмент, невзирая на ущерб российским национальным интересам.

Экономические интересы российского олигархического капитала также были ущемлены введением Западом режима экономических санкций против российского бизнеса, следствием которых стал, в частности, срыв проекта «Южный поток». На наш взгляд, это является первой угрозой установившегося в период власти В. В. Путина равновесия политической системы новой России.

Третью угрозу сформировал новый виток мирового финансово-экономического кризиса, который Россия переживает с августа 2008 г. Падение мировых цен на энергоносители привели к девальвации национальной валюты более чем на 100 процентов. Вне зависимости от того, произошел ли данный нефтяной дефолт в результате естественной макроэкономической конъюнктуры или же стал результатом закулисных договоренностей между США и арабскими монархиями Персидского залива, Россия получила целый пакет негативных последствий:

1. Повышение цен на потребительские товары и продовольствие, основной объем которых обменивался на мировом рынке на энергоносители.

2. Рост безработицы.

3. Сокращение бюджетных расходов.

Все вышеперечисленные трансформации стали реальной угрозой разрушения «нулевого консенсуса», с таким трудом выстроенного кремлевскими политтехнологами, экономистами и администраторами, поскольку социальные ожидания, согласно теории Питера Блау, заканчиваются при прекращении ожидания этих вознаграждений.

Вот только некоторые примеры из недавней политической истории страны: обвальная девальвация рубля в 1992 г. стала одним из детонаторов событий октября 1993 г., девальвация 1998 г. привела к досрочному прекращению полномочий главы государства в 1999 г., 2008 г. – породила феномен «объединенной оппозиции» – союза либералов, националистов и маргинальных левых в России.

В этой связи равновесие российской политической системы на современном этапе во многом зависит от позиции, которую займут наиболее влия-

тельные левые силы в государстве. В одной из опубликованных нами работ российская политическая система была обозначена как «неопринципат». Существенной особенностью данного типа режима выступает корпоративный принцип выстраивания отношений с политическими партиями. Государство делегирует определенной партии – корпорации представлять интересы части электората. Это подразумевает согласие ее лидеров работать в режиме системной лояльности в обмен на определенные экономические и политические преференции.

В Российской Федерации такими партиями-корпорациями, представляющими в Государственной Думе интересы левого электората, являются Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) и «Справедливая Россия» (Эсеры). Из всех политических партий левого спектра лишь данные парламентские партии России являются массовыми как по количеству членов, так и по степени узнаваемости электоратом.

В этой двухпартийной левой модели КПРФ представляет интересы и осуществляет корпоративные коммуникации с электоратом, сохраняющим политическую социализацию в духе советского коммунизма.

«Справедливую Россию» с рядом натяжек и оговорок, связанных с политической историей ее формирования, можно отнести к социал-демократии.

В первом квартале 2015 года лидеры КПРФ и Эсеров обнародовали программы, в которых содержится стратегия и тактика левых сил в условиях нового витка экономического кризиса, вызванного девальвацией национальной валюты. Программа КПРФ была обозначена в ходе заседания «круглого стола» в Государственной Думе РФ 3 марта 2015 г., программа Эсеров представлена аналитическим докладом «Альтернативный антикризисный план» против правительственной программы «примирения с кризисом», подготовленным депутатами Оксаной Дмитриевой, Иваном Грачевым, Андреем Крутовым и Дмитрием Ушаковым 29 января 2015 г.

Сравнительный анализ представленных документов показывает, что политическое мировоззрение российских левых различается гораздо более существенно, чем взгляды республиканцев и демократов в США.

Российские коммунисты считают, что главной причиной сползания России в кризис является политическое решение, принятое еще правительством Гайдара о подчинении экономики России глобальным институтам, в том числе МВФ, Всемирному банку. «Что касается российского кризиса, – заявил лидер КПРФ, – то он, к сожалению, является следствием того, что нашу страну встроили в хвост американского глобализма». Соответственно, первый стратегический шаг по выходу из кризиса российские коммунисты видят в отказе играть по правилам глобального капитализма.

В программе КПРФ содержатся обвинения российских институтов власти в перекладывании тяжести девальвации с корпораций на социально незащищенные слои населения. В частности, в материалах «круглого стола» отме-

чается, что «16 стран мира в основном формируют свой бюджет из доходов от продажи нефти и газа. И только в Российской Федерации рубль был девальвирован на 101%. Во всех остальных странах девальвация нигде не превышает 12–13%».

Жесткой критике российских коммунистов подверглись либерально-монетаристские меры борьбы с инфляцией, предпринимаемые властью, в том числе – повышение ставки рефинансирования до 17% и сокращение бюджетных расходов.

Ответственность за девальвацию рубля коммунисты возлагают на Правительство, Центробанк России и 15 олигархических кланов.

Программа антикризисных действий КПРФ включает в себя три блока:

1. Кадры. По утверждению Геннадия Зюганова, «кризис носит кадровый характер», поскольку вызван непрофессионализмом команд Медведева – Набиуллиной. Выдвигается требование смены высшего управленческого звена социально-экономического, финансового и аграрного блоков Правительства.

2. Бюджетная политика. Увеличение бюджетных расходов за счет предоставления субсидий и льготных кредитов реальному сектору экономики.

3. Госплан-2. Внедрение принципов стратегического планирования в российскую промышленную политику.

Программу «Справедливой России» необходимо признать более умеренной. В докладе Депутата О. Дмитриевой содержится критика практики борьбы с кризисом путем финансовой поддержки банковского сектора (куда был направлен профицит бюджетных расходов России 2014 г.), поскольку в отличие от США кризис спровоцирован не банкротством банков, а снижением стоимости барреля нефти. Критике подвергаются также такие меры, как «налоговый маневр», внедрение торговых сборов и сокращение бюджетных расходов. При этом Эсеры не называют не только персоналии, но и институты, ответственные за принятие критикуемых решений.

Суть антикризисной стратегии российских социал-демократов:

1. Налоговая политика. Отказ от тактики «налогового маневра», предусматривающего снижение налогового бремени с экспортеров нефти за счет потребителей на внутреннем рынке и малого бизнеса.

2. Бюджетная политика. Стимулирование спроса на внутреннем рынке путем бюджетной индексации заработных плат и пенсий.

3. Финансово-кредитная политика. Снижение ставки рефинансирования до 8% годовых. Законодательное ограничение банковской маржи 3%. Финансовая поддержка предприятий малого бизнеса, а не банков.

4. Социальная политика. Мораторий на сокращение работников бюджетной сферы и военнослужащих до 2016 г. Приостановка отдельных положений федерального закона «О банкротстве физических лиц».

Поскольку проведенный нами анализ носит политологический характер, мы воздержимся от прогноза экономической эффективности антикризисного

пакета российских левых. Вместе с тем, экономические предложения левых позволяют сделать важные политические выводы. Проанализированные антикризисные манифесты являются маркером того, что российские левые выбрали стратегию соблюдения «нулевого консенсуса». Во-первых, в программных заявлениях политических партий не ставится вопрос о смене высшей власти в стране, даже в форме досрочных выборов. КПРФ выдвигает кадровые требования на уровне замены отдельных министров финансового и социально-экономического блока.

Во-вторых, даже более радикальные коммунисты не поднимают вопроса о радикальном изменении отношений собственности в обществе в форме отмены итогов приватизации. Предложения левых ограничиваются бюджетным процессом, изменением таможенных ставок и процента взимаемой с нефтегазовых корпораций природной ренты.

В-третьих, можно высказать гипотезу, что разногласия между российскими коммунистами и социал-демократами по целому ряду вопросов не только сохраняются, но и имеют тенденцию к углублению. Так, если судить по антикризисной программе, эсеры выступают скорее как лоббисты малого бизнеса, нежели защитники интересов бюджетников.

Таким образом, российское левое движение остается разделенным на два лагеря, действует в рамках обозначенного властью системного поля и не угрожает равновесию сложившейся политической системы постсоветской России.

КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ

Т. С. Касимов

CONCEPTIONS OF THE FUTURE OF THE STATE OF THE MODERN RUSSIAN LEFT

T. S. Kasimov

Аннотация: Статья посвящена концепциям будущего государства современных российских «левых», изложенным в программах политических партий, общественных организаций и трудах некоторых авторов.

Ключевые слова: концепции, будущее, государство, левые, социал-демократические, социализм, партии, общественные организации.

Abstract: The article is devoted to conceptions of the future of the state of the modern Russian left written in the programs of political parties, public organizations and the works of some authors.

Keywords: conceptions, future, state, left, social-democratic, socialism, parties, public organizations.

Современные российские левые являются в основном сторонниками социалистических концепций будущего государства, в меньшей степени – анархистских концепций.

Сравнение результатов выборов в Государственную Думу у социалистических парламентских партий в 2007 и 2011 (КПРФ – 11,57 и 19,19%; «Справедливая Россия» – 7,74 и 13,22%) показывает рост поддержки идей социализма российским народом. Об этом же говорят данные социологических опросов. Например, согласно ВЦИОМ, в 2011 году при ответе на вопрос «Как Вы считаете, какая идеология более других подходит для российского народа?» социализм набрал больше голосов поддержки, чем коммунизм, капитализм, либерализм, национальная самобытность[1]. Настроения народа являются главным показателем необходимости изучения социалистической концепции государства.

Под социалистической идеологией понимаются обычно два направления общественно-политической мысли и практики: социал-демократическое и марксистское (коммунистическое). Различие между ними, по крайней мере в современной России, прежде всего в том, что, согласно первому, переход к социализму должен осуществляться путем реформ, при сохранении частной собственности и политического плюрализма, а второй призывает к захвату власти революционным путем, постепенной ликвидации частной собственности и установлению диктатуры трудящихся. На самом популярном в настоящее время справочном ресурсе – сайте wikipedia.org – названы такие внутренние течения социализма: русский социализм, марксизм-ленинизм, демократический социализм, социал-демократия, социализм XXI века, либертарный социализм, религиозный социализм, реформизм, ведический социализм, христианский социализм, исламский социализм, буддийский социализм, африканский социализм, арабский социализм, меланезийский социализм, аграрный социализм, экосоциализм[2].

Концепции будущего государства современных российских «левых» содержатся в программах политических партий, в программах общественных организаций и групп, в том числе незарегистрированных Министерством юстиции России, а также в научных и публицистических работах различных авторов.

А. Б. Сапельников полагает, что главной экономической целью социалистических партий является полная занятость трудящихся, более высокая производительность труда, повышение жизненного уровня, социальное обеспечение и справедливое распределение доходов и собственности. Социальная демократия выражается в основных ценностях, составляющих квинтэссенцию идеологии социал-демократии. Это справедливость, социальное равенство и

---

[1] http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=723&q_id=52352&date=15.05.2011 (дата обращения – 28.05. 2015).

[2] «Социализм» http://ru.wikipedia.org (дата обращения – 28.05. 2015).

солидарность[1]. Концепции будущего государства современных российских «левых» являются характеристикой свойств государства не только в его современном состоянии, но и государства в будущем.

Партия «Справедливая Россия» описывает желаемый образ будущей Российской Федерации. «Сильное российское государство – это гарантия нашего общего будущего, сохранения нашей национальной идентичности. Мы видим свою задачу в том, чтобы не дать в процессе государственного строительства затеряться человеку с его проблемами и нуждами, и будем на деле закреплять законом социальную ответственность государственной власти по отношению к человеку». Помимо деклараций в главе «Качество власти» программы предлагаются и конкретные меры по созданию социально ответственной власти, отвечающей требованиям открытого и справедливого общества, власти, которая не может быть выше закона и должна работать на интересы граждан. В числе этих мер – ликвидация необоснованных привилегий; внедрение программы «Электронный парламент», содержащей комплекс мер по расширению коммуникаций между гражданами и представительными органами власти всех уровней; обеспечение для граждан доступности информации о расходовании средств региональных и местных бюджетов, а также информационной открытости работы всех ветвей власти в целом; введение ограничений при поступлении на муниципальную службу для близких родственников[2]. Как бы в добавление к программе партии ее лидер С. М. Миронов пишет: «Если уж говорить о будущем, то очень хочется, чтобы постепенно преодолевалось привычное восприятие государства как сугубо бюрократической машины. Чтобы последовательно утверждался имидж «государства-партнера», готового поддерживать самые различные и индивидуальные, и общественные проекты»[3].

Верность основным положениям марксизма, в том числе тезису о смене капиталистического общества социалистическим, заявлена в опубликованной на официальном сайте партии Программе КПРФ. В ней сказано: «Стратегическая цель партии – построение в России обновленного социализма, социализма XXI века. При определении своих программных целей и задач, стратегии и тактики наша партия исходит из анализа общественно-политической практики, руководствуется марксистско-ленинским учением»[4]. Коммунисты считают, что защита национально-государственных интересов России органически сливается сегодня с борьбой за социализм и советские формы народовластия.

В разделе 3 Программы КПРФ, который называется «Три этапа развития страны», содержится концепция будущего российского государства. На

---

[1] Сапельников А. Б. Социал-демократическая концепция государства: история и современность: Автореферат диссертации. – СПб.,1998 – С. 16–17.

[2] http://www.spravedlivo.ru/upload/file/programma_2010_cs2_v4.pdf (дата обращения – 28.05. 2015)

[3] Миронов С. М. Линия горизонта. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – С. 127.

[4] http://kprf.ru/party/program (дата обращения – 28.05. 2015).

третьем этапе станут доминировать общественные формы собственности на основные средства производства. По мере развития социализма закладываются и вызревают необходимые предпосылки для становления коммунизма – исторического будущего человечества[1].

Из Программы Коммунистической партии РФ видно, что она ставит цели по формированию в России государства, которое во многом соответствует советскому типу государства, существовавшему в реальности в СССР. Однако современные коммунисты из КПРФ не стремятся к полной отмене частной собственности. Более того, раздел 4 «Программа-минимум» вышеназванного документа компартии предусматривает первоочередные меры по реализации ее стратегических целей. Таким образом, классический марксизм, с его отрицанием частной собственности, по сути, отвергнут в Программе партии, в которой есть характерные положения: «национализировать природные богатства России и стратегические отрасли экономики, доходы этих отраслей использовать в интересах всех граждан» (а не всю экономику, как это сделали большевики-марксисты) и в то же время «создать условия для развития малого и среднего предпринимательства». Подобным образом представлены перспективы России при социализме и в трудах Г. Н. Зюганова: «В числе первоочередных КПРФ неизменно выдвигает задачу национализации природных богатств и стратегических отраслей экономики… Восстановление централизованных органов управления народным хозяйством и координации научно-технического прогресса упорядочит финансовые потоки, поможет в 2,5–3 раза увеличить инвестиции в передовые отрасли промышленности... Это будут реальные средства для поддержания реальной экономики. Они помогут решить и другую приоритетную задачу КПРФ – обеспечить действенную поддержку среднего и мелкого бизнеса»[2].

В отношении идеологии современной Коммунистической партии Российской Федерации точная характеристика дана А. В. Самоваровым: «С КПРФ давно все понятно – это не только соглашательская партия по духу, но еще и никакая не коммунистическая по сути. Объясните, ну как может коммунистическая партия признавать право частной собственности на средства производства, отвергать революционный путь взятия власти и вещать о том, что православие-де – это необходимый компонент духовного возрождения России?! То, что она пытается выдать за идеологию, – это смесь социал-демократических и патриотических идей[3].

Обращает на себя внимание, что в России в последние годы развиваются концепции, которые сочетают в себе либеральные подходы к политике и синтез

---

[1] http://kprf.ru/party/program (дата обращения 28.05. 2015)

[2] Зюганов Г. А. Перед рассветом / Геннадий Зюганов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – С. 296–297.

[3] Самоваров А. В. Нужно ли нам возвращаться в СССР? Русский проект / Александр Самоваров. – М.: Яуза-пресс, 2009. – С. 127.

идей либерализма (в отношении политических свобод) и социал-демократии (в отношении экономической политики государства). Это касается программ политических партий «Единая Россия», «Яблоко» и «Правое дело», а также общественных организаций и движений, таких, как «Российский народно-демократический союз» М. Касьянова, «Другая Россия» Э. Лимонова. В частности, в ходе предвыборных кампаний 2011 и 2012 годов социалистическая идея справедливости широко использовалась в агитационных материалах соответственно «Единой России» и В. В. Путина.

Организации политической направленности, провозглашающие свою приверженность ценностям социал-демократии, конечно, не ограничиваются «Справедливой Россией» и КПРФ. Партия Мира и Единства (ПМЕ) выражает готовность к поиску путей создания условий для общества будущего – общества народного социализма. В программе «Партии Возрождения России» заявлена программа-максимум – построение коммунизма. Приверженность социализму отмечена и Всероссийской социалистической народной партией «ОТЧИЗНА».

Одной из основных целей общероссийского общественного движения «Союз социал-демократов» (во главе с М. С. Горбачевым), заявленных в Уставе, является «содействие созданию в Российской Федерации социального демократического государства, основанного на принципах свободы, справедливости, солидарности, проводящего политику обеспечения условий для достойной жизни и свободного, всестороннего развития каждого человека»[1].

Сочетание социал-демократической и коммунистической идеологий характерно для общественных организаций, идейно и организационно близких в КПРФ: Содружество коммунистической молодежи и Федерация Социалистической Молодежи. Первая объединяет молодых социалистов, сторонников КПРФ. Целью создания и деятельности СКМ является содействие построению социализма (общества социальной справедливости, социального согласия и гражданского мира)[2].

Собственно марксистские позиции по будущему государства выражает ряд организаций, таких как «Трудовая Россия», Всесоюзная Коммунистическая партия Большевиков (ВКПБ), объединенная Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП–КПСС) – Революционная партия коммунистов (РПК), Российское социалистическое движение (РСД), Авангард Красной Молодежи (АКМ). В их программных документах есть общие черты концепции будущего государства: указание на революционный марксизм-ленинизм в качестве идеологической основы; установление диктатуры пролетариата в форме Советов трудящихся; подконтрольность народных депутатов своим избирателям и право их отзыва в любое время; признание трудовых коллективов ячейкой государственного строительства (в том числе на выборах); построение социализма и коммунизма.

---

[1] http://www.sdorg.ru/userfiles/file/Ustav_OOD_SSD.doc (дата обращения – 28.05. 2015).

[2] http://www.cprf.spb.ru/4248.html (дата обращения 28.05. 2015).

В новейшей истории России существовали и существуют объединения интеллектуалов, разделяющих левую идеологию. Это «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), движение «Ученые за демократию и социализм», Всероссийское общественное движение «Альтернативы», «Институт проблем глобализации» (ИПРОГ), Институт «Коллективное действие».

Помимо политических партий и общественных организаций социалистические концепции будущего государства излагаются в многочисленных книгах. В числе авторов-приверженцев социалистических взглядов на перспективы России – Борис Кагарлицкий, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО), который считает что «государство как структура, обеспечивающая демократическую координацию, остается необходимостью в любом социалистическом проекте, как бы серьезно мы ни относились к угрозе его бюрократического перерождения. Безусловно, в повестку дня встает демилитаризация, дебюрократизация и децентрализация государства»[1]. Впрочем, он предлагает отказываться и от классической социал-демократии западноевропейского образца, и от советского варианта социализма. «Однако нельзя ни вернуть старую социал-демократию, ни восстановить в первоначальном виде исчезнувший Советский Союз. Нам нужен новый проект, основанный на участии общества в конструировании собственного социального государства под меняющиеся потребности»[2].

М. Делягин предлагает восстановить прогрессивную шкалу подоходного налога, полностью освободить от него людей с доходом ниже двух прожиточных минимумов и выделяет следующие «неотъемлемые функции государства»: 1) установление норм и правил и обеспечение их соблюдения (поэтому возможна частная тюрьма, но не частный суд); 2) обеспечение безопасности общества (включая обороноспособность, поддержание устойчивости природной и технологической среды); 3) стратегическое планирование (государство – мозг и руки общества); 4) организация социальной помощи[3]. Отношение государства к бизнесу в целом, по Делягину, должно опираться на социалистические принципы. Он пишет, что государство, в случае сопротивления его политике со стороны бизнеса, может прибегнуть к мерам, в числе которых: введение монополии внешней торговли (желательно временной) на экспорт сырья и продукции первого передела или (желательно) на ее часть; распространение государственной собственности на все добываемое в России сырье при переходе частных сырьевых компаний на положение работающих с давальческим сырьем; национализация предприятий (не подвергшихся приватизации, изна-

---

[1] Кагарлицкий Б. Ю. Политология революции. – М., Алгоритм, 2007. – С. 544.

[2] Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса / Б. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2012. – С. 220.

[3] Делягин М. Г. Россия для россиян. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 84.

чально созданных как частные), в том числе безвозмездная, в том числе на основе рассмотрения с юридической точки зрения итогов приватизации[1].

Возвращение к советскому прошлому пропагандирует известный апологет СССР Сергей Кара-Мурза, который заявляет, что существует реальный образ будущего – «Новый советский проект»[2]. Известный писатель и публицист Михаил Антонов в своей книге приводит полный текст еще одного «советского проекта», названный его автором Михаилом Саяпиным «Путешествие в Страну Светлого Будущего, или Россия в 2017 году». Народное хозяйство Страны Светлого Будущего, разумеется, плановое. Однако оно не тотально плановое, ибо планировать удается лишь производство, но не индивидуальное потребление. Поэтому планирование осуществляется из конечного результата. Для государственного заказа, что достаточно очевидно, производителям и смежникам спускается жесткий и однозначный план. Для предприятий существует опосредованный выход на мировой рынок – через Госкомитет по внешней торговле (ГКВТ). Он также собирает заказы с предприятий (устраивая, в частности, выставки иностранных достижений), поставляя потом заказанные товары на свои торгово-заготовительные базы, откуда предприятия могут их выкупить – за плановые (казенные) или внеплановые (собственные) средства. Основная же задача ГКВТ – как и полагается, импорт и экспорт. В общем, народное хозяйство Страны Светлого Будущего плановое, но постольку-поскольку: его рыночная часть легально существует в тех областях, которые не охватываются плановой[3].

Классическое марксистское представление о социализме, безусловно, осталось в сознании многих авторов. Таких воззрений на социализм (коммунизм) придерживаются авторы статей в сборнике российско-вьетнамского проекта «Исторические судьбы социализма». Критика современного капиталистического общества и государства с позиций марксизма содержится в трудах В. Шапинова «Империализм от Ленина до Путина», С. Валянского «За какие идеи мы умираем?».

Оригинальные социалистические концепции государства будущего есть в трудах Ю. Петухова «На Запад! Как нам обустроить Европу и Америку», В. Милитарева «Русская колонна», В. Чабанова «Экономика XXI века, или Третий путь развития».

Юрий Петухов именует свою концепцию будущего российского государства «Народно-аристократический социализм». При этом оговаривается, что название может быть иным, но «суть в Народоуправлении и воссоздании Государства в интересах Народа, Державы и Человечества». Описывая формацию будущих государств, которые вслед за будущей Россией образуются на

---

[1] Делягин М. Реванш России. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – С. 304.

[2] Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия» / Сергей Кара-Мурза. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. – С. 213.

[3] Антонов: Цель номер один. План оккупации России / Михаил Антонов. – М., Алгоритм, 2011. – С. 614-615.

Земле, названный автор указывает: «Будут ликвидированы все виды ростовщичества, финансовых пирамид. Подлежат ликвидации и все формы спекулятивного «бизнеса». Это никоим образом не скажется на малом среднем предпринимательстве, которые будут всемерно поддерживаться народно-аристократическим Государством. Форму такого государства выберет для себя самостоятельно каждый народ, будь то монархия, республика или Джамахирия. Недра, ВПК, предприятия аэрокосмической, железнодорожной, станкостроительной индустрий и базовая собственность Державы подлежат национализации»[1].

В. Ю. Милитарев называет свою концепцию «экономической демократией». Это экономический порядок, предполагающий вовлечение трудящихся в управление производством, в участие в собственности и в прибылях. В этом смысле экономическая демократия присутствует и в частных корпорациях, где наличествуют производственные советы, в которых менеджмент, акционеры и работники урегулируют спорные вопросы, и в корпорациях, где работники являются по совместительству акционерами. Предельным идеалом экономической демократии было бы ограничение крупного капитала по двум основным направлениям – передача банков и иных финансовых институтов в собственность вкладчиков и ограничение величины акционерного капитала в корпорации пакетом акций, значительно меньшим, чем блокирующий пакет[2].

Концепция государства В. Е. Чабанова, изложенная им в монографии «Экономика XXI века, или Третий путь развития» опирается в основном на социалистический подход к государству. В области экономики Чабанов предлагает государству осуществить такие меры: 1) принять специальный закон, повышающий долю оплаты наемного труда в структуре цены предприятий; 2) норматив обязательной продажи валютной выручки ЦБ РФ увеличить до 100%; 3) принять жесткие законы против эмиграции капитала. 4) Передать всю природную ренту в бюджет государства[3].

Вопреки мнению самого автора, к социалистическим можно причислить концепцию будущего государства В. С. Нерсесянца. С одной стороны, Нерсесянц отрицает, что его концепция цивилитарного государства является социалистической, называя ее постсоциалистической. С другой стороны, он называет основой цивилизма гражданскую (цивильную, цивилитарную) собственность, которая означает гарантированный для каждого одинаковый для всех минимум собственности – а это, по сути, реализация (в сфере экономики) социалистических идей справедливости и равенства.

Социалистический характер учения В. С. Нерсесянца о цивилизме признает известный ученый-юрист В. Н. Кудрявцев, который предлагает свою

---

[1] Петухов Ю. Д. На Запад! Как нам обустроить Европу и Америку. – М., Мегагалактика, 2005. – С. 293.

[2] Милитарев В. Ю. Русская колонна / Милитарев В. Ю. – М.: Алгоритм, 2008. – С. 131–132.

[3] Чабанов В. Е. Экономика XXI века, или Третий путь развития. – СПб.: БХВ-Петербург, 2007. – С. 224.

концепцию будущего, считая, что социализму принадлежит будущее и человечество перейдет к новой стадии социализма – развитого, зрелого общества, которое завоюет мир. Но это произойдет только тогда, когда частная собственность исчерпает свои возможности, не будет необходимой для развития экономики и начнет лишь тормозить дальнейшее развитие[1].

Концепции будущего государства современных российских «левых» в отечественной науке теории государства и права в настоящее время, к сожалению, не исследуются в достаточной степени. В настоящее время в юридической литературе марксистская концепция государства, как правило, рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, в качестве одного из подходов (классового) к сущности государства. Во-вторых, говоря о формационном подходе типологии государства, пишут о социалистическом государстве советского типа. В-третьих, особой формой правления принято считать советскую республику.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ЛЕВАЯ МЫСЛЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

А. Т. Бердин

TRADITIONALISM AND THE LEFT THOUGHT (AS EXEMPLIFIED IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

A. T. Berdin

Аннотация: В статье проанализировано общее и особенное в традиционализме и левой мысли на материале Республики Башкортостан. Подтверждена относительность деления политических движений в России на «левые» и «правые» в современной отечественной социальной практике. Наиболее перспективным признается сближение традиционализма и левой мысли на основе «идеи меры», являющейся сущностной характеристикой традиционализма, и на базе признания «модернизации на основе собственной идентичности» как оптимального пути развития России.

Ключевые слова: левая мысль, традиционализм, архаика, модернизация, идентичность, социокультурная практика, статусно-ролевой подход.

Abstract: The article analyzes the general and the particular in traditionalism and thoughts left on the material of the Republic of Bashkortostan. Confirmed relativity division of political movements in Russia on the «left» and «right» in modern Russian social practice. The most promising recognizes the convergence of traditionalism and thoughts left on the basis of «ideas for proportion», which is the essential characteristic of traditionalism, and on the basis of recognition of «modernization on the basis of their identity» as the optimal way of development of Russia.

Keywords: left thought, traditionalism, antiquity, modernization, identity, sociocultural practices, status-role approach.

---

[1] Кудрявцев В. Н. Равноправие и равенство. – М.: Наука, 2007. – С. 167.

Целью данного текста является выявление общего и особенного в традиционализме и левой мысли на материале Республики Башкортостан. Относительность деления политических движений в России на левые и правые в современной отечественной социальной практике отмечена давно и многими авторами.

Именно в этом смысле можно объяснить парадокс, подмеченный, в частности, Б. Ю. Кагарлицким: «социологи, подводя итоги опросов общественного мнения, сообщают нам, что «Россия левеет». …Однако, странным образом, собственно левых партий обнаружить на политической сцене не удается. Левых в серьезной политике у нас нет, а соответствующее место вроде как занято либо дремучими националистами, либо обыкновенными чиновниками. Разумеется, журналисты привычно называют «левой» КПРФ Геннадия Зюганова, хотя сама эта партия предпочитает именовать себя «патриотической», «государственнической» и даже «державнической». Вообще репутация КПРФ как левой организации поддерживается исключительно ее противниками и соперниками. …Всякий, кто удосужится почитать документы и выступления представителей КПРФ, увидит классический набор идей и лозунгов, характерный для правых, даже для ультраправых: отрицание классового конфликта, восхваление государства, национальных ценностей и традиций, семейных ценностей, национальной самобытности и выдающейся роли Церкви. …Все это – стандартный ассортимент любой право-консервативной силы в Западной Европе, а в царской России с подобным репертуаром выступали «Союз Русского Народа» и «Союз Михаила Архангела», две черносотенные организации, ставившие своей главной целью борьбу против коммунизма, социализма и прочей «революционной заразы»[1].

Эта условность разделения на правых и левых тем более явна в Башкортостане. Проявления этого факта бывают самые курьезные. Так, в силу ряда чисто местных политических коллизий местная КПРФ в области публичного позиционирования оказалась в русле самого обычного, респектабельного татарского буржуазного национализма, – с сохранением всех сакральных атрибутов КПРФ: лозунгов, риторики и т. д. Это откровенно проявилось со сменой власти в Башкортостане, в частности, в серии скандальных, в стиле минувшей «перестройки» и полностью в рамках мемов татаризма, публикаций редактора газеты «Коммунист Башкортостана» и активиста Всемирного конгресса татар Мадриля Гафурова[2]. Впрочем, критического значения подобные ситуативные инциденты на местах для характеристики КПРФ в целом, конечно, не имеют: именно потому, что естественны для партии, которая в целом давно стала системной частью выстроенной властью РФ структуры управления.

---

[1] Кагарлицкий Б. Общество без левых // Взгляд. 23 июля 2007. URL.: http://www.vz.ru/columns/2007/7/23/95968.html

[2] Гафуров М. Я – сын трудового народа // Коммунист Башкортостана. 2012. №1 (56).

Неизменными, однако, остаются такие признаки, объединяющие всю левую мысль, как социальная справедливость, защита трудящихся, таких ценностей прогрессизма, как бесплатное образование, общедоступная медицина, высокая вертикальная и горизонтальная мобильность в обществе.

Тот же Б. Ю. Кагарлицкий признает: «С одной стороны, существовавшие у нас до 1991 года порядки вопиюще противоречили демократическим идеалам левых, но, с другой стороны, многие принципиальные требования левого движения были в СССР выполнены. Достаточно вспомнить о бесплатном образовании, медицине, об общедоступном жилье. И даже привилегии бюрократии, вызывавшие тогда возмущение, по сегодняшним меркам кажутся весьма скромными. Собственно, потому этими привилегиями и возмущались, что общество в целом было ориентировано на принципы равенства. Даже если общество, построенное в Советском Союзе, нельзя назвать полноценно социалистическим, это не отменяет того факта, что в 1917 году у нас произошла революция, направленная на создание социализма»[1].

К этим объединяющим всю левую мысль, от «Левого фронта» до системных КПРФ и СР, невзирая на всю их проектность и политтехнологичность, следует добавить антизападнизм и антиглобализм, поскольку порядок однополярного мира, предлагаемый ныне, условно говоря, США, провозглашает именно искусственную консервацию социального развития на стадии тотального господства либерализма, «конец истории». Эти ценности одновременно разделяются подавляющим большинством российского общества, именно в этом смысле социологи фиксируют его явную «левизну». В то же время эти ценности явно воспринимаются обществом как неотъемлемая часть его цивилизационной традиции.

Чтобы не наслаивать произвольные эпатирующие определения, наподобие аналогии КПРФ с «Союзом Михаила Архангела», выделим главное, на наш взгляд, объяснение описанной коллизии: все «центристские» социально-политические проекты и практики, рассчитанные на сколько-нибудь значимую электоральную поддержку: КПРФ, ЕР, СР и т. д., содержат интенции традиционализма. Объединяющим некоторые направления традиционализма и левой мысли в России является прежде всего советизм (в терминологии А. А. Зиновьева).

Ч. К. Ламажаа, исследуя феномены архаики и традиционализма, в том числе регионального, в России, называет современный традиционализм неотрадиционализмом и определяет его следующим образом: «процесс осознанного выбора отдельными социальными группами, движениями традиционных социокультурных практик для поддержки этнокультурной идентификации, развития традиционной культуры в условиях социальных изменений, модернизационного развития» и отличает от «архаизации (неосознанный стихийный

---

[1].Кагарлицкий Б. Общество без левых // Взгляд. 23 июля 2007. URL.: http://www.vz.ru/columns/2007/7/23/95968.html

социальный процесс массового обращения к архаическим социальным и культурным практикам в условиях социальной неопределенности и даже враждебности)»[1]. Автор данных строк предпочитает для обозначения того же термина прежнее название – традиционализм, но в целом солидарен с данным определением, особенно с принципиальным противопоставлением традиции и архаики[2].

В настоящее время традиционализм в России в целом и в Башкортостане в частности включает в себя весьма расходящиеся интеллектуальные интерпретации. Традиция понимается традиционалистами Башкортостана как устойчивая система норм, составляющих суть алгоритма развития и существования какого-либо исторически сложившегося сообщества (этноса, государства, цивилизации).

«Традиция, на наш взгляд, есть система целевых и нормативных антропологических (мировоззренческих и ментальных) представлений и установок, выражающая сущностное ядро человеческого существования и мотивирующая поведение людей» (З. Я. Рахматуллина)[3]. История началась тогда, когда появилась традиция, т. е. осознание человеком временного потока, попытка «остановить» и тем самым – «измерить» время. Этот «тип времени» воплощен в традиции, в своеобразном коде, и определяет алгоритм развития каждого народа. В каждой культуре он несколько различается, и попытка «перескочить» с одного из них на другой, чуждый, чревата потерей ориентации данного общества во времени вообще. Отказываясь от своих традиций, общество рискует стать «неисторическим», следовательно, перестать быть обществом, что и происходит с превращением общества в «общество разрушенное», по терминологии С. Хантингтона: состояние, на пороге которого уже 25 лет балансирует Россия.

Соответственно, традиционализм есть направление общественной мысли, суть которой – защита Традиции и развитие общества на основе Традиции. Одновременно традиционализм есть рефлексия традиционного общества. В современном мире она возможна только при понимании условности противопоставления «традиционное общество» – «современное общество». Общества, рассматриваемые как безусловно обладающие структурными элементами традиционного – СССР/Россия, Китай, Япония и т. д. – вполне современны во всех смыслах, кроме сугубо метафорического, и прошли через несколько волн модернизации, зачастую вполне успешной.

Но традиция как таковая отрицает не перемены, инновации в обществе в целом, а только те инновации, которые традиции противоречат, это противоре-

---

[1] Ламажаа Ч. К. Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации // Управление мегаполисом. 2015. № 1. С. 76–83; Бердин А. Т., Ламажаа Ч. К. Приволжский федеральный округ: архаизация и неотрадиционализм в социокультурной жизни регионов округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С.40.

[2] Бердин А. Т. В защиту традиции. Философский этюд. Уфа: РИО БашГУ, 2007.

[3] Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа: РИО БашГУ, 2000. – 304 с.

чие – сигнал опасности для обществ. Дихотомия «традиция – инновация» – это абстракция, редукционизм самого крайнего характера. Известно, что традиции без инновации не существует в принципе. В научной, а не политической дискуссии обсуждается не замещение одного из данных феноменов другим, а их оптимальное соотношение в обществе. В зависимости от этого соотношения типологизируется само данное общество (например, обзор В. Г. Федотовой)[1].

Одна из задач традиционалистов Башкортостана – именно преодоление в общественном и научном сознании антиномичности данного противопоставления. Главный тезис традиционализма: это соотношение у каждого общества свое, оптимальный вариант зависит от локальной по определению цивилизационной традиции и исторической конъюнктуры.

Эвристическая значимость современного отечественного традиционализма состоит именно в том, что с его точки зрения противоречия между модерном и премодерном в советском «традиционном обществе» были во многом сняты, это доказано на широком историческом материале. Советское традиционное общество, не теряя своей «традиционности», само являлось носителем мощных творческих интенций Модерна.

Напротив, пафос глобализма в целом и антисоветского проекта в частности был, как доказал А. С. Панарин, во многом антимодернистским, «изменой Запада проекту Просвещения»[2]. При этом антитрадиционалистская направленность глобализма в отношении России сомнения не вызывает: «Россия традиционалистская, авторитарная, националистическая будет стремиться к совершенно иным целям. Западный демократ вполне мог вести интеллектуальный спор с советским марксистом. Но это будет немыслимо с русским традиционалистом. И если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию и начнут вести себя как россияне, а не западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными»[3].

В нашем понимании традиционализм предполагает объединение на самых общих основах: общности цивилизационного выбора, сторонников идей, к примеру, А. С. Панарина[4], С. Г. Кара-Мурзы[5], Л. Н. Гумилева[6], евразийцев[7], умеренных клерикалов, социалистов и даже либеральных консерваторов[8].

---

[1] Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–34.
[2] Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. С. 236.
[3] Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 212.
[4] Указ. соч.
[5] Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Т. 1–2. М.: Научный эксперт, 2011, 2012; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо-Алгоритм, 2008.
[6] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб: Кристалл, 2001.
[7] Вахитов Р. Р. Рождение евразийства. Эволюция П. Н. Савицкого от национал-либерализма к евразийству // Панорама Евразии. 2009. № 5. С. 12–29.
[8] Бердин А. Т. Российский либеральный консерватизм и духовное возрождение России. Уфа: РИО БашГУ. 2004.

Традиционализм как идейное направление широк настолько, что в современной нам обстановке цивилизационного выбора делит все российское общество на две части – традиционалисты и нетрадиционалисты, причем традиционалисты – осознанные и неосознанные, составляют в России явное большинство.

Прежде чем перейти к рассмотрению традиционализма как широкого течения, необходимо выделить отдельно следующую группу интеллектуальных направлений: так называемый «метафизический традиционализм», связанный с именами Рене Генона, Юлиуса Эволы, его последователи в России объединялись вокруг альманаха «Волшебная гора» (Г. Бутузов, А. Медведев), «правый», консервативно-монархистский традиционализм (В. Аверьянов, И. Бражников, А. Елисеев), «неоевразийский традиционализм» А. Г. Дугина, «византизм» А. Малера, а также более известные: идеология консервативной революции в России Г. Джемаля, Е. Головина и т. д. Но ниша «элитарных», «эзотерических» видов традиционализма узка по определению.

В РФ вокруг концепции «Советской цивилизации» С. Г. Кара-Мурзы сложилось традиционалистское направление, которое условно называют «советский традиционализм»[1]. Для него характерно понимание советской цивилизации как своеобразной наследницы традиционной российской цивилизации[2]. Традиционалисты Республики Башкортостан идейно близки «советскому традиционализму», но являются самостоятельной по воззрениям группой, обладающей собственными наработками, связанными с этнонациональной и социокультурной спецификой Башкирии. Это самоорганизованное объединение на цивилизационной мировоззренческой основе, возникшее спонтанно, подобно структурам, предсказанным в Манифесте партий цивилизационного типа[3].

«Генетические» истоки традиционализма Башкортостана можно найти в оригинальном опыте синтеза традиционализма и марксизма (А. П. Андреев, А. И. Селиванов)[4]. Но антропологический традиционализм А. П. Андреева, несмотря на несомненное интеллектуальное влияние, остался несколько обособленным. В чисто социально-философских исследованиях башкирский традиционализм получил определенное развитие в работах и школе З. Я. Рахматуллиной[5].

В Интернете одним из наиболее заметных в РБ проектов традиционалистов Башкортостана (наиболее известные представители данного течения:

---

[1] Бердин А. Т., Буранчин А. М. Современные течения евразийства в политической жизни России // Панорама Евразии. 2008. № 1. С. 58–65; Самохин А. В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения. URL.: http://www.situation.ru/app/j_art_317.htm

[2] Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2011.

[3] Манифест партий цивилизационного типа. URL.: http://www.kara-murza.ru/partija/pravo/art0000.html.

[4] Андреев А., Селиванов А. Западный индивидуализм и русская традиция. URL.: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/and_zapind.php

[5] Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа: Изд-во БашГУ, 2000.

А. Т. Бердин, А. М. Буранчин, Р. Р. Вахитов, И. В. Демичев, Р. Д. Карамышев, Ю. М. Юсупов) стал независимый информационно-аналитический сайт «РБ–XXI век», созданный более узкой инициативной группой традиционалистов в 2009 году[1]. В общих чертах разделяя идеи нового советского проекта (что не означает автоматического согласия со всеми его деталями), традиционалисты Башкирии считают, что возрождение отечественной цивилизации, «модернизации на основе собственной идентичности» (термин С. Хантингтона) легче производить не из центра, который слишком модернизировался и вестернизировался, а с периферии России, точнее, из национальных республик России, таких как Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Адыгея, Дагестан и т. д., так как в них сохранился остаточный дух советской цивилизации в силу консерватизма населения и авторитаризма политических режимов.

Развернутая в последнее время федеральным центром кампания по демонтажу национальных образований на территории Российской Федерации рассматривается советскими традиционалистами Башкирии как новый виток либерализации и модернизации, затрагивающий уже провинцию, унифицирующий Россию и уничтожающий ее «цветущую сложность» (К. Н. Леонтьев). С другой стороны, данная кампания спровоцирует взрыв этнонационализмов коренных народов республик России, а поскольку этнонационализм несет с собой те же либерально-модернистские западнические интенции, то и этот фактор будет работать на дальнейшую либерализацию России и ее народов и, в конечном счете, – на ее крушение. Противопоставить этому можно программу советского традиционализма, учитывающего этническую сложность России, признающего ее в то же время единой евразийской цивилизацией, существенно отличающейся от цивилизации Запада[2].

Важной особенностью традиционалистов Башкортостана является повышенное внимание к исторической и этнополитической специфике, в частности, понимания «нации» в РФ, как определенного, достойного статуса этноса в общероссийской и мировой статусно-ролевой иерархии. Методологически недостаточными традиционалисты признают обе господствовавшие в историософии РБ 1980–2000-х гг. парадигмы: исторический материализм и попытки квазилиберальных обоснований истории, вторичные по отношению господствовавшим в российской идеологии последних 20 лет. Так, уязвимость перед критикой с точки зрения конструктивизма и инструментализма узловых моментов башкирского этногенеза объясняется тем, что и историко-материалистическая, и «национал-либеральная» парадигмы сформировались в стороне от дискуссии между концепциями примордиализма, конструктивизма и инструментализма.

---

[1] Сайт традиционалистов Башкортостана «РБ–XXI век». URL.: http://rb21vek.com/

[2] Вахитов Р. Р. Традиционализм в Башкортостане // Сайт традиционалистов Башкортостана «РБ–XXI век». URL.: http://www.rb21vek.com/94-tradicionalizm-v-bashkortostane.html

Недостаточные даже в педагогическом плане интерпретации истории как непрерывной «эксплуатации народа» «при отсутствии собственной государственности» перешли из истматовской традиции в национал-романтическую, искажая анализ истории Башкортостана[1]. В настоящее время поиски методологических альтернатив активно подкрепляются исследованиями: в частности, по ордынскому, ногайскому и московскому периодам истории Башкирии – Б. А. Азнабаева[2], Р. Г. Букановой[3], Ю. М. Юсупова[4], по советскому и постсоветскому периоду – А. М. Буранчина[5], с точки зрения социальной философии – А. Т. Бердина[6], Р. Р. Вахитова[7], школой З. Я. Рахматуллиной[8].

Укорененные ранее подходы в историософии Башкортостана на настоящий момент явно недостаточны и при анализе наследия ряда интеллектуалов прошлого. Так, с позиций традиционализма новые перспективы открывает интерпретация деятельности А.-З. Валиди, который относил себя к социалистам с национальной спецификой. Причем к социалистам, близким к эсерам, т. е. теоретически – наследникам народничества. На практике его решение земельного вопроса никак не умещается в марксистские либо либеральные представления о прогрессе[9].

Но именно оно обеспечило успех мобилизации в Башкирское войско, послужившее опорой всех его политических достижений. В отличие от самих эсеров, догматически пошедших в гражданской войне за меньшевиками и выпавших тем самым из русла народной традиции, определявшей исход гражданской войны в ситуации отсутствия государственной легитимности и выбора обществом ее новых моделей. Именно понимание ограниченности модернистской парадигмы и главного противоречия гражданской войны привело

---

[1] Бердин А. Т. К вопросу о методологии изучения истории Башкортостана // Вестник Академии наук РБ. 2007. № 2. С. 24–30. С. 27.

[2] Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005.

[3] Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010.

[4] Юсупов Ю. М. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа: Гилем, 2009.

[5] Буранчин А. М., Вахитов Р. Р., Демичев И. В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014.

[6] Бердин А. Т. В защиту традиции. Философский этюд. Уфа: РИО БашГУ, 2007; Бердин А. Т. Джихад, которого не было. Монография. Уфа: РУНМЦ МО РБ, 2009.

[7] Вахитов Р. Р. Евразийство как структуральное россиеведение. Геософия. Культурология. Литературоведение. Lambert Academic Publishing Saarbricken Germany, 2011.

[8] Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа: Изд-во БашГУ, 2000.

[9] Бердин А. Т. Евразийство и империализм // Научное наследие А. З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 5-е Валидовские чтения. Уфа: Китап, 2005. С. 110–117.

А.-З. Валидова к парадоксальному лозунгу: «Мы не большевики и не меньшевики, мы – башкиры!», ставившего башкир как нацию в один ряд с субъектами концептуального политического выбора пути развития страны.

Это соответствовало традициям башкирской политии, благодаря которым башкиры большую часть своей истории сохраняли автономию в формах, актуальных для каждого исторического периода и долгое время совмещали, уникальным для России образом, функции этноса и сословия, т. е. социально структурирующего в империи актора (конечно, в локальном масштабе, ограниченном внутри России территорией исторического Башкортостана).

Сопоставительный анализ почти синхронно возникших национальных автономий Урало-Поволжья: Забулачной республики («штат Идель-Урал») и Республики Башкурдистан, а также виртуальных проектов типа Татаро-Башкирской республики, да и в целом развития очень близких национальных движений – татарского и башкирского, сравнение движений более «классически развитой» татарской «буржуазной нации» с крестьянской башкирской нацией получается обескураживающим для модернистских концепций, как историко-материалистических, так и либеральных. По логике формационного подхода больших результатов с точки зрения функционального и статусно-ролевого подхода должны были добиться именно татарские националисты. Но получилось наоборот, и первым, прецедентным национальным образованием, ставшим автономной республикой в составе РСФСР по официальному договору с Центром, стал именно Башкортостан (в терминах того времени – Башкурдистан).

Это объясняется с точки зрения историософии традиционализма тем, что А.-З. Валиди и вся плеяда башкирских автономистов этим знанием народной традиции, в основном неявным, обладали, что и привело к политически успешным действиям – утверждению автономии Башкирии. Догматически скопированная с перестроечных и постсоветских образцов либеральная либо истматовская историософия Башкортостана была не в состоянии удовлетворительно объяснить это сопоставление. Упускался целый методологический пласт, тип мышления, сближавший, например, того же А.-З. Валиди со столь разными мыслителями, как В. И. Ленин, П. Б. Струве, и более очевидно – с политиками Востока: Махатмой Ганди, Сунь Ят-Сеном. Именно свобода от доктринерства при принципиальном сохранении собственной мировоззренческой традиции позволила Валиди в терминах того времени ставить вопросы фактически в рамках цивилизационного подхода, оставаясь при этом в рамках прогрессизма, философии модерна в целом. Этот частный пример из области историософии традиционализма показывает, что традиционализм развивается в Башкортостане как направление, предлагающее адекватные методологические альтернативы дошедшим до пределов своих эвристических возможностей историософским моделям периода советского и постсоветского периода.

В масштабе России наиболее перспективным для отечественной социальной философии и социальной практики можно признать сближение традиционализма и левой мысли на основе идеи меры, являющейся сущностной характеристикой традиционализма как социокультурного феномена, и на базе признания «модернизации на основе собственной идентичности» как оптимального пути развития России.

ОБМАН ИЛИ ПОДКУП? О ПРИЧИНАХ СТАБИЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО РОССИЙСКОГО РЕЖИМА

Р. Р. Вахитов

DECEPTION OR BRIBERY? ABOUT THE REASONS OF STABILITY OF POST-SOVIET RUSSIAN REGIME

R. Vakhitov

Аннотация: Статья посвящена причинам стабильности постсоветского режима в России. Автор не согласен с мнением левых СМИ о том, что реформаторы-либералы добились успеха благодаря манипуляции сознанием масс. Массы сами согласились на разрушение советского строя, получив взамен символы советского «буржуазного» благосостояния.

Ключевые слова: либеральные реформы, манипуляция сознанием, договор, квартира, машина, дача

Abstract: The article is devoted to reasons of the stability of the post-Soviet regime in Russia. The author does not agree with the leftist media that liberal reformers succeeded through the manipulation of consciousness of the masses. The masses themselves have agreed to the destruction of the Soviet system and received in an award the symbols of Soviet «bourgeois» welfare.

Keywords: liberal reforms, manipulation of consciousness, agreement, apartment, car, cottage.

Не приходится сомневаться в том, что большинство населения России, а именно простые люди больше потеряли, чем обрели в результате либеральных реформ. Ведь при Советской власти этому большинству были гарантированы основные базовые жизненные блага – работа с добавочным «социальным пакетом», бесплатное жилье, медицинские услуги, образование. Можно спорить о качестве советской массовой медицины, но не признавать, что само ее наличие было огромным социальным достижением (особенно на фоне современной легальной и теневой коммерциализации медицины, сопровождающейся резким падением качества услуг), по-моему, нелепо.

Почему же простые советские люди отказались от лучшего ради худшего? В среде левой оппозиции распространено убеждение, что это произошло вследствие массового обмана населения. Перевертыши из партноменклатуры

и антисоветской интеллигенции внушили массам, что они живут в патологическом ненормальном государстве и что ничего не остается, кроме как его разрушить, чтоб обрести все те блага, которые имеет «все цивилизованное человечество». При этом все достоинства советского строя замалчивались, а все его недостатки раздувались до фантасмагорических размеров, с капитализмом же поступали противоположным образом. В результате малейшее сопротивление реформам и даже попытки взглянуть на них критически были нейтрализованы и население страны Советов как загипнотизированное пошло в направлении «номенклатурного капитализма», где высокое благосостояние ждало лишь «прорабов реформ», а всех остальных – резкое понижение качества жизни.

Повторюсь, это распространенное убеждение, но я в него не верю. Мне кажется, что оно строится на ошибочной предпосылке – на вере в практически безграничные возможности манипуляции сознанием. В свою очередь эта вера базируется на теории героя и толпы, согласно которой есть субъекты исторического процесса, которые вершат историю, как им вздумается, а есть послушная, безмолвная, пассивная чернь, из которой можно слепить что угодно – хоть новый низший класс, хоть новую нацию. Но опыт, напротив, показывает, что большинство людей – и в особенности представители низших слоев общества, не обремененные идеологическими стереотипами, которые несет с собой «полуобразование», наделены житейским здравым смыслом и способны мыслить вполне критически. Если они соглашаются на что-либо, то потому что это в определенной степени соответствует их интересу – и индивидуальному, и групповому. Конечно, они не склонны говорить об этом вслух, более того, они стремятся выставить себя жертвами (потому что эта роль обеспечивает также определенные дивиденды – и материальные, и моральные), но это не совсем так.

Из этого можно заключить, что бывшие советские люди не препятствовали разрушению СССР воинствующими либералами 1980–1990-х и тем самым фактически содействовали им, *потому что они заключили с ними негласный договор, по которому они кое-что получили от них*. Но сознаваться в том, что их подкупили, они ни за что не хотят: как потому что это само по себе стыдно, так и потому что сделка в конечном итоге оказалась для них невыгодной. Поэтому им и хочется верить в то, что их просто ввели в дикий капитализм под гипнозом либеральной пропаганды, а левые идеологи и публицисты потакают им.

Подкупить же можно, посулив то, что человек считает очень ценным. А что советские люди особенно ценили? Образование, медицинское, социальное обеспечение в глазах советского человека высокой ценностью не обладали, потому что он был убежден, что наделение всем этим граждан со стороны государства – нечто само собой разумеющееся. Такова психология человека – что мы имеем, мы обычно не ценим. Высокой ценностью в глазах среднего советского человека, обывателя эпохи позднего развитого социализма обладало другое – триада: «квартира-машина-дача». Вот и ответ на наш вопрос – *сред-*

ний советский обыватель продал СССР со всеми его структурами социального государства за эти три символа благосостояния, как библейский Исав продал право первородства за чечевичную похлебку.

Начнем с первого символа – квартиры. «Квартирный вопрос» был одной из самых больных проблем советской повседневности. Советская эпоха – это эпоха превращения России из аграрной в урбанистическую страну. В 1913 году в Российской империи в городах жило лишь 15% населения, а в 1990 году горожане составляли уже 66% от общего населения СССР. При этом массовое строительство жилья в городах началось только при Хрущеве. В первые пятилетки государство делало упор на промышленном строительстве, что было вполне объяснимо: создавался индустриальный потенциал СССР. Поэтому условия жизни в эти годы у большинства горожан (не принадлежащих к партийной, хозяйственной или интеллигентской элите) были просто ужасающими. Сейчас много обидного говорится про советские «коммуналки». Однако своя комната в коммунальной квартире в 30-е г. была если не роскошью, то жизненной удачей. Многие же ютились в крохотных комнатках в рабочих общежитиях, где на 12 квадратных метрах проживало по 4 человека, в бараках, а при строительстве новых предприятий рабочие часто просто жили в землянках[1].

Как уже отмечалось, только в хрущевскую эпоху началось «великое переселение» из бараков и общежитий в отдельные квартиры. Причем «хрущевки», которые теперь ругают за их тесноту и неудобства, казались бывшим жителям бараков верхом комфорта. К 1970-м гг. практически во всех крупных городах выросли «спальные районы», где получали квартиры как жители снесенных городских слобод[2], так и новые мигранты из деревень. В период с 1956 по 1989 год в Советском Союзе было построено и сдано в эксплуатацию свыше 76 миллионов квартир.

К 1989 году свыше 83% семей в СССР жило в отдельных квартирах (оставшаяся часть – это «кооперативное жилье» и так называемый «частный сектор»). Это было по сути «социальным жильем». Иными словами, граждане пользовались государственной жилплощадью на правах пожизненной бесплатной аренды (платили они не за жилье, а только за коммунальные услуги).

Первоначально это жилье возвращалось государству после смерти человека. В 1950–1960-х годах советское государство сделало шаг в сторону превращения социального жилья в личное: разрешили передавать квартиры по наследству, если в них прописаны наследники, и разрешили их обменивать (сначала на безденежной основе, а потом и с доплатой). Но квартиры все равно оставались в собственности государства, а это означало, что государство может взять и распорядиться своей собственностью, как ему выгодно: например,

---

[1] К примеру, в Иваново-Вознесенске по данным 1929 года в землянках проживало 7, 5 тыс. семей железнодорожников.

[2] Районов, застроенных деревянными домиками, которые сохранялись в центрах городов до конца советской эпохи.

лишить квартиры, если человек перестал работать в ведомстве, уехал по распределению в другой город и получил там жилплощадь, пусть даже в общежитии. *Потаенной мечтой среднего советского обывателя эпохи перестройки было получение всех прав на квартиру, которую он имел, то есть превращение ее в частную собственность*. И эту мечту сделал явью… президент РФ Б. Н. Ельцин. 4 июля 1991 года, то есть менее чем через год после падения СССР, когда все еще можно было вернуть обратно, он подписал закон № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Термин «приватизация» в нем был скорее данью тогдашней моде. Приватизация при капитализме предполагает продажу государственного имущества на рынке. Закон же фактически *дарил* государственное социальное жилье тем, кто был в нем прописан, то есть официальным пользователям. Граждане РФ бесплатно получали в частную собственность квартиры, в которых они жили (в отличие от жителей бывших социалистических стран Восточной Европы, где жилье продавалось, пусть и по символической цене).

Граждане теперь могли делать с квартирами что угодно – продать, сдать в аренду, завещать, подарить и т. д. Их никто не имел права лишить квартиры на основании того, что они фактически там не живут, утратили прописку, уволились с предприятия. К ним никто никого не мог подселить, мотивируя это тем, что у них избыточная жилая площадь. *Естественно, эти люди объективно были заинтересованы в том, чтоб старая власть не вернулась* (хотя субъективно они могли говорить или даже думать что угодно). И поэтому на кухнях поругивая новую власть, к ее свержению они не больно-то и стремились…

Второй элемент советского «потребительского идеала» – личный автомобиль. В отличие от стран Запада и особенно от США личный автомобиль в СССР был, скорее, роскошью. Советское государство с самого начало взяло курс на развитие общественного транспорта. Многие предприятия имели ведомственные автобусы, которые возили работников этих предприятий. Ответственные работники пользовались служебными автомобилями.

До войны в свободной продаже автомобили отсутствовали. В 1947 году произошел перелом. Особым постановлением Совмин СССР разрешил продажу легковых автомобилей частным лицам. Были открыты специализированные магазины, сначала в Москве и Ленинграде, потом – в столицах республик и некоторых областей. Предпочтение при продаже отдавалось деятелям науки, культуры, инженерно-техническим работникам и передовым рабочим. В 1950 году частным лицам было продано 23 тысячи легковушек, а уже в 1956-м – 64 тысячи. В 1970-е гг. советский автопром выпускал около 1 миллиона легковушек в год, правда, часть из них шла на экспорт. Цены были сравнительно высокими: в середине 70-х годов «Волга» ГАЗ-24 стоила 9200 руб., «Жигули» ВАЗ-2103 – 7500 руб., «Москвич-412» – 4990 руб., а «Запорожец» ЗАЗ-968 – 3500 руб.

Постепенно сложилась система государственного распределения легковых автомобилей для граждан. На предприятиях создавались очереди из работников, желающих стать автолюбителями. В 1970–80-х стоять в очереди

приходилось лет 7–8 (исключение составляли «льготники», например, ветераны, инвалиды, загранработники). Затем, получив чек в специализированном магазине и оплатив его в сберкассе, счастливчик мог получить на складе личный автомобиль.

Уже в 1950-е возник стихийный «черный рынок» подержанных автомобилей и, чтобы упорядочить ситуацию с ними в начале 1960-х были созданы комиссионные магазины, через которые можно было легально купить автомобиль. Государству полагалось 7% от суммы.

Большинство советских людей было крайне недовольно такой системой распределения. Несмотря на то что производство легковых автомобилей в СССР год от года росло, желающих прибрести было гораздо больше. В 1985 году в СССР на 1000 жителей приходилось всего 45 личных автомобилей. По мировым меркам это очень низкий уровень автомобилизации, в США в том же году данная цифра оставляла 535, а например, в ГДР – 188.

Перестройка и либеральные реформы 1990-х позволили воплотиться в жизнь мечте миллионов бывших советских граждан. Все препятствия на покупку личных автомобилей исчезли. Производство легковых автомобилей на предприятиях отечественного автопрома сократилось на треть, но количество личных автомобилей растет от года к году. Улицы городов заполонили иномарки. Затем в Россию пришли западные автомобильные концерны, которые открыли здесь свои филиалы.

К концу 2012 года в России было уже около 40 миллионов единиц личного автотранспорта[1]. Это составляет примерно 293 автомобиля на 1000 жителей, то есть в 5 с лишним раз больше, чем в СССР[2].

Мечта советского «среднего класса» сбылась. В европейской части России практически каждый 10-й имеет свой личный автомобиль. За это правда, пришлось расплатиться деградацией отечественного автопрома, «пробками» и «смогами» в городах, кроме того и сам результат не очень впечатляет: Россия стала страной владельцев подержанных машин иностранного производства, по уровню автомобилизации соответствующей Египту. Но даже этим 40 миллионам наших автовладельцев (это чуть меньше трети населения страны) в целом довольны и ни за что не захотели бы возвращения в советское прошлое с очередями на автомобили и с государственным распределением авто. Они прекрасно понимают, что большая часть из них в СССР никогда бы не смогла

---

[1] Здесь и далее данные по статье «Парк легковых автомобилей РФ: структура и прогноз формирования до 2012 года. Маркетинговый отчет. Аналитическое агентство «Автостат».

[2] Тем не менее, это очень скромный показатель по мировым меркам. В США в 2012 году этот показатель составлял более 800 личных автомобилей на 1000 жителей. Россия по уровню автомобилизации находится на 46 месте в мире, опережая Египет и чуть отставая от Ирака. Это информация для тех, кто любит рассуждать, что капитализм в России привел к огромному прорыву в области «цивилизации комфорта» и что теперь мы «живем как на Западе». В отношении автомобилизации мы, скорее, живем теперь как на севере Африки.

приобрести собственный автомобиль и уж тем более автомобиль иностранного производства. И они, конечно, могут сколько угодно хвалить СССР и ругать Запад, но объективно они заинтересованы в сохранении имеющегося режима и в расширении торговли с Западом. Не случайно в 90-е, когда развернуть корабль российского государства на 180% было еще вполне реально, «очкастый частный собственник» в «Жигулях» и тем более «Аудио» встать в ряды оппозиции не спешил…

Наконец, третий элемент советского потребительского идеала – дача. В СССР слово «дача» приобрело особый смысл. В России до революции, а в Европе и по сей день дача – это загородный дом с небольшим близлежащим участком земли, место отдыха обеспеченных горожан. В советские времена подобные дачи также были, но только у представителей партийной номенклатуры, официально признанных писателей, художников, ученых и т. д. (правда, в отличие от дореволюционных дач они не были в частной собственности, а принадлежали государству). Но одновременно словом «дача» в СССР стали называть и небольшой загородный дом, как правило, из фанеры, с близлежащим участком, не превышающим 600 квадратных метров (знаменитые 6 соток). Такая «дача» была не местом отдыха, а местом интенсивного сельскохозяйственного труда всех членов семьи (и особенно представителей старшего поколения, ввиду выхода на пенсию освободившихся от обязанности трудиться на госпредприятиях).

История советских дач такова. В конце 1940-х правительство начало выделять горожанам небольшие участки под огороды, для того чтобы они элементарно могли выживать в условиях послевоенного голода. В 1950-х разрешили возводить на них немудреные деревянные строения, огороды стали именоваться садоводческими участками или собственно «дачами». Эти «дачи» выделялись предприятиями работникам и естественно не были собственностью «дачников». В советские времена административные органы то и дело пытались ограничивать дачное строительство (запрещали строить двухэтажные дома, дома больше определенной площади, заборы внутри садоводческих обществ), но постепенно жизнь брала свое, люди расширялись, преодолевая запреты, а государство соглашалось с этим.

Своего пика дачное движение достигло в эпоху перестройки и после нее. В стране практически не осталось семьи, у которой было бы «дачи». В 1990-е годы, когда экономика погрузилась в глубокий кризис заботами младореформаторов, государство по сути сняло все ограничения и стало активно раздавать землю под дачные участки всем, кто этого желал. В 1998 г. вышел даже федеральный закон «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», п. 1 ст. 13 которого гласил: «Обеспечение граждан садовыми, огородными и дачными земельными участками является обязанностью органов местного самоуправления по месту жительства граждан». Гражданам достаточно было для этого подать заявление в органы мест-

ного самоуправления и там их ставили на очередь. Существовал список льготников, которые получили землю для садоводческой деятельности без очереди.

Более того, государство озаботилось даже вопросом: как пенсионеры будут добираться до своих загородных участков, и предоставляло им льготы для проезда в пригородных автобусах и электричках. И это ельцинское либеральное государство, которое разрушило промышленную базу России и колхозно-совхозную систему, раздало самые «лакомые куски» госсобственности «олигархам» и потакало многомесячным невыплатам зарплат рабочим! Однако ничего удивительного в этом нет: государству либерал-реформаторов был выгоден «дачный бум». «Дачи» позволяли простым людям, не получавшим зарплату (которую директора их предприятий «прокручивали» в банках) выживать и значит… и дальше терпеть такое положение дел. Кроме того, благодаря наличию дач, «сердитое простонародье» все выходные и праздники, отпуска проводило на своих дачах, вдали от города, а значит, физически не могло участвовать в протестах оппозиционных партий. Какие там демонстрации и митинги – даже в день выборов потенциальные сторонники левых партий уезжали на свои огороды, тем самым повышая шансы проправительственных партий.

Наконец, в 2006 году был выпущен закон № 93-ФЗ, получивший в народе название «Дачная амнистия». По нему граждане, получившие от государства землю под дачные участки и выстроившие там «дачи», могли приватизировать их в упрощенном порядке. Тем самым постсоветское государство сделало по отношению к дачам то же, что оно сделало по отношению к квартирам в 1991 году – оно бесплатно передало их владельцам – в обмен на политическую лояльность. Подтекст молчаливой сделки был ясен всем, хотя никто не хотел прямо об этом говорить.

В левых изданиях принято постоянно обличать олигархов, которым постсоветская власть фактически раздала государственную собственность, созданную трудом многих поколений советских граждан. Это истинная правда: приватизация была таковой лишь на бумаге (не говоря уже о том, что сама необходимость приватизировать такую значительную часть индустрии СССР была сомнительной). Предприятия, буровые, трубопроводы – все, что могло приносить большую прибыль – не продавались в частные руки по рыночной цене, как это делается при приватизации на Западе (пополняя бюджет государства и позволяя ему тем самым выполнять свои социальные обязательства). Все это просто передавалось бизнесменам, приближенным к кругам элиты (выходцам из бывшей партийной, комсомольской, советской и хозяйственной номенклатуры). Цена была смехотворно низкой: только на первом этапе чубайсовской приватизации 500 крупнейших бывших советских предприятий стоимостью не менее 200 млрд. долл. (по ценам 1993 года) были проданы всего лишь… за 7,2 млрд. долл., то есть более чем в 20 раз ниже рыночной стоимости.

Но это только половина правды. Другая половина старательно замалчивается, потому что власти об этом говорить невыгодно, а широким массам –

стыдно. *Постсоветское российское государство, если называть вещи своими именами, вовлекло в это разграбление государственной собственности практически все население бывшей РСФСР.* Конечно, олигархи получили львиную долю добычи, но и простым гражданам как кость с барского стола швырнули их малую долю – квартиры, машины, дачи. А между прочим, квартиры и дачи так же как нефтевышки и алюминиевые заводы, тоже принадлежали раньше государству (и та же тотальная приватизация квартир в массовом порядке также была необоснованна, не секрет, что она породила более миллиона бездомных и огромное количество жертв «черных риэлторов» – из числа социально незащищенных граждан – пенсионеров, больных, алкоголиков и т. д.)… Все это бывшие советские люди получили за молчаливое согласие на развал державы, на разграбление ее активов, на унижение ее перед ее геополитическими врагами…

Естественно, их обманули. «Приватизированные» квартиры, полученные еще в советские времена, скоро исчерпают свой ресурс, а покупать новое жилье у большинства населения нет средств. Содержание дач тоже требует денег, которых от кризиса к кризису становится все меньше. Мечта советского человека – собственный автомобиль – ржавеет под окнами, потому что нет денег на гараж. Все случилось, как в русских сказках, где мóлодец, заключивший сделку с чертом, приносит домой полученные от лукавого драгоценные каменья, вываливает их из мешка посреди избы, а они превратились в угли…

Зато власть имущие сумели, как минимум, на 30 лет отсрочить социальный взрыв, который способен смести их вместе и с их богатствами…

ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. В. Прокофьева

MANIFESTATIONS OF POLITICAL AND LEGAL ESTRANGEMENT IN MODERN RUSSIA

D. Prokofyeva

Аннотация: Статья посвящена анализу политического и правового отчуждения граждан в современной России, феномену правового нигилизма, начиная с 90-х годов прошлого века и до наших дней.

Ключевые слова: отчуждение, политическое отчуждение, правовое отчуждение, вовлечение, правовой нигилизм.

Abstract: The article is devoted to the analysis of political and law estrangement in modern Russia and phenomenon of law nihilism from the 90-es up to our times.

Keywords: estrangement, political estrangement, law estrangement, engagement, law nihilism.

Каждого человека, живущего в обществе, так или иначе касаются происходящие политические и правовые изменения. Далеко не всегда мы можем быть довольными этими изменениями и тенденциями, и, осознавая, что именно мы хотели бы изменить в существующей системе и каким образом претворить эти изменения в жизнь, мы можем прийти к осознанию тщетности любых усилий в данном направлении. Это следствие политического отчуждения, которое, вероятно, неизбежно присутствует в обществе. Под политическим отчуждением понимается чувство отторжения власти людьми, возникающее из-за недовольства и разочарованности от действий политических сил, от самой политической системы, вследствие чего наступает отстраненность людей от политической жизни, пассивность и безразличие к происходящим вокруг политическим процессам, ощущение бесполезности любых усилий в этой сфере. Еще Э. Фромм писал: «Нами управляют законы, которые мы не контролируем и даже не хотим контролировать, и этот факт является одним из самых ярких проявлений отчуждения»[1].

Попыткой преодоления данного вида отчуждения и альтернативой ему может стать вовлечение граждан в политическую жизнь страны, а также более продуманная и направленная на преодоление политического отчуждения политика власти. Термин «вовлечение» был предложен в 30-е гг. XX века французскими персоналистами и применялся ими как раз в контексте преодоления политического отчуждения и борьбы с наступающим фашистским режимом и идеологией.

Политическое отчуждение в нашей стране имеет свою особенную историю. Если мы заглянем в недавнее прошлое, то увидим, что с начала 90-х годов было объявлено о построении в России «гражданского общества» – общества свобод человека, объявляющего личность главной своей ценностью. Оказавшись на фундаменте разрушенного советского строя, люди принялись с тем же энтузиазмом строить настоящее, но уже в другом, казавшемся более успешном, направлении. Свобода слова, открытые горизонты, огромное количество возможностей для самовыражения людей в работе и творчестве – казалось, именно это сулила смена строя, это могло как-то компенсировать развал огромной страны для ее граждан.

Однако присутствовавшее изначально чувство тревоги постепенно начало сменяться отчаянием, ощущением безнадежности, одиночества и обманутости в своих ожиданиях и предлагаемых лозунгах. Отчуждение людей достигало небывалых высот, не осталось ориентиров, маяков, на которые можно было держать курс ранее, а новых взамен предложено не было. Культ потребления, экономической выгоды, культ вещей, примат материальных ценностей над духовными – вот что сопровождало начало 90-х годов и стало побочными

---

[1] Фромм Э. Современное положение человека // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 416 с.

эффектами «дикого капитализма». Именно в это время началась другая история нашей страны с иным взглядом на жизнь, ценности, культуру и прочее. Конечно, перестроиться кардинально человеческое сознание не может, поэтому поколение людей, которое попало в эту воронку перехода из одного строя в другой, можно назвать «потерянным поколением». Многие не смогли выбросить из своего сознания то советское восприятие мира, и сейчас оно переплелось с восприятием мира на западный манер, застряло где-то на пересечении социализма и капитализма.

К власти после 90-х пришла так называемая посткоммунистическая элита, которая характеризовалась преследованием своих собственных интересов, косностью и клановостью и не имеющая никакого отношения к курсу на настоящую либерализацию страны и интересы граждан. Те же косность, клановость и популизм характеризуют и региональную власть, да и местное самоуправление, по большому счету, отсутствует. Для современной России «характерны недобросовестная конкуренция, фиктивность общественных инициатив, доминирование бюрократического централизма при принятии решений»[1].

Некоторые политологи считают, что в современной России отчуждение населения и власти усилилось по сравнению с началом 90-х годов прошлого века. У граждан нет мотивации и стимула для участия в выборах, результаты их считают заранее определенными и сами выборы, таким образом, бесполезными. Абсентеизм – отказ или воздержание от участия в выборах – логичное следствие безразличия к политическим делам, враждебности к политической структуре. Кроме того, сегодня на российской политической арене мы видим недостаток реальной оппозиции, политическим партиям довольно сложно зарегистрировать и заявить себя. Людям примелькались лица, постоянно присутствующие на политической арене и, по большей части, просто выкрикивающие лозунги. В связи с этим можно сделать вывод, что в нашей стране необходимо появление в политике новых политических партий, которые смогут составить реальную оппозицию партии власти, заинтересовать людей в своей программе и которые будут заниматься не популизмом и отмыванием денег, а реальными делами, и своими поступками доказывать небезразличие к будущему страны. Современные партии либерального толка нельзя назвать политической оппозицией из-за их постоянного дружеского взаимодействия с партией власти. Сама же партия власти, прикрываясь лозунгами и выступлениями, в которых говорится о поддержании курса на демократизацию страны, выстраивает строгую вертикаль власти, укрепляет свои позиции.

Сегодня налицо ситуация, в которой политическое отчуждение граждан перерождается в феномен политического фетишизма, подмену содержания – формой. Отдельным представителям власти, политикам приписываются ха-

---

[1] Акинин А. А., Шевелев А. А. Правящий «класс», либерализация экономики и проблема авторитарной модернизации России // Проблемы современной экономики. – 2004. – № 4(12).

ризма, уверенность и другие свойства сильной политической фигуры, которые в реальности могут быть лишь PR-ходом. Политический фетишизм приводит к восприятию отдельных политических фигур как лучших правителей и даже своего рода героев. Мы видим перенос ожиданий граждан, их надежд на образ правителя или государственного деятеля, то есть отчуждение населения порождает видение того, что наша власть сосредоточена в столице и именно там находится тот самый великий и ратующий за народ правитель. Этому способствуют громкие лозунги, отчеты об удачно проделанной работе и замалчивание невыгодных для себя сведений, нарочито строгое отношение к чиновникам, которое, однако, не влечет за собой каких-либо действий. Безусловно, большую роль здесь играют СМИ, ведущие активную пропаганду в постоянно повторяющихся новостных блоках и успешно применяющие приемы манипулирования сознанием населения с помощью пропаганды.

При этом последние несколько лет граждане не скрывают своего недовольства действиями правительства, пытаются открыто заявлять о своей позиции, агитируют за участие в выборах, участвуют в митингах и акциях протеста. Все большее количество людей, в том числе и молодых, призывают бороться с коррупционной системой власти, утверждают, что постоянные попытки «простых» граждан прорваться в эту систему, в конце концов, увенчаются успехом, и, таким образом, будет шанс ее изменить. Формируются политические группы людей, которые пытаются заявить себя в качестве новых политических партий, которые могли бы представлять реальную оппозицию. К сожалению, это пока еще трудновыполнимая задача, но уже сам факт пробуждения людей и их небезразличия к нынешней ситуации в стране говорит о постепенном вовлечении. Самое главное, чтобы попав во властные структуры, эти люди выбрали верный курс на улучшение жизни населения, на укрепление позиций России в целом, а не на собственное обогащение. В интернете идет усиленная агитация участия в выборах, дабы повлиять на ситуацию в стране, все большее количество людей приходит к осознанию того, что только активная гражданская позиция поможет что-либо изменить. Растет численность граждан, которые считают, что мнение о невозможности попасть во власть без поддержки или денег – не более чем проявление массового сознания.

Органически взаимосвязано с политическим отчуждением отчуждение правовое, выступающее в форме правового нигилизма. Общая характеристика правового нигилизма, его понятие, формы проявления и структура, а также механизмы возникновения и проблема его преодоления содержатся в трудах отечественного философа Э. Ю. Соловьева[1]. По мнению исследователя, для россиян исторически характерен дефицит правосознания. Он подчеркивает, что «высокие нравственные качества русского народа (его способность к со-

[1] См. например: Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманитарный смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990. – 446 с.

страданию, любви, прощению, терпению, самоотвержению) давно получили всемирное признание. Но было бы благодушием не видеть их неприглядной оборотной стороны, а именно давнего и острого дефицита правосознания, который в сфере самих моральных отношений выражал себя прежде всего как отсутствие уважения к индивидуальной нравственной самостоятельности (автономии) и как упорное сопротивление идее примата справедливости над состраданием»[1].

Рассматривая феномен правового нигилизма, Э. Ю. Соловьев выделяет три его проявления, как-то: явные нарушения закона (что отражает пренебрежительное отношение человека к закону и своим согражданам); «скрытые» нарушения закона как игнорирование предписаний правовых норм; и, наконец, борьба во властной структуре, которая также зачастую осуществляется при всяком игнорировании закона и права. При этом в массовом сознании отсутствует вера в возможность законного регулирования общественных отношений, участники же их воспринимаются как изначально неравные по своим возможностям из-за различий в материальном положении и статусе.

Правовому отчуждению способствует и произвол милиции и чиновников, чьи действия, в том числе и незаконные, прикрываются и оправдываются властями, факты нарушений подчас замалчиваются. Зачастую выражению политической позиции и мнения по поводу происходящего в стране мешает чувство страха. Отчасти он остался от положения дел советских времен, когда все инакомыслящие и их семьи подвергались наказанию, отчасти это страх оказаться в меньшинстве или просто не «в толпе», быть замеченным. В нашей стране это чувство страха пока главенствует над желанием получать обещанные нам права и свободы в полной мере, здесь опять же сказывается менталитет «русского мужика», который будет терпеть до крайней точки, из-за своих опасений, что может быть еще хуже.

В то же время высокие рейтинги партии власти и ее руководителей создают ощущение ненужности перемен и стабильности. Несмотря на теракты, произвол чиновников и полиции, правящая партия демонстрирует свою твердую позицию в управлении страной, принимая решения, не считаясь с мнением народа, отстраняя граждан от принятия решений. Согласно М. Веберу, политическое отчуждение в государстве воплощается в чрезмерной бюрократизации, что до сих пор налицо в нашей стране. По инерции она продолжает существовать с советского времени, когда это было нормой общества, сейчас же, когда даже предпринимаются попытки избавиться от излишней бюрократизации общества, люди с советским мышлением (в самом плохом и закостенелом его проявлении), получающие хоть незначительную власть, начинают снова выстраивать бюрократическую пирамиду. Эти бюрократические механизмы за-

---

[1] Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991. – С. 219.

частую блокируют верные решения, и перспективные пути дальнейшего развития, а «верхушка» этой системы продвигает выгодные лично им решения.

Что возможно сделать для преодоления этой ситуации? Безусловно, искать новые формы вовлечения, повышать уровень и культуру правосознания российских граждан. Повышение политической грамотности населения – процесс долгий и трудоемкий, в нем должна быть заинтересована также и власть, поскольку правовое государство возможно только в обществе грамотных и вовлеченных людей. Говоря о вовлечении, персоналисты понимали, насколько утопична сама идея общества, состоящего из одинаково вовлеченных, свободных и гармонично развитых личностей. Тем не менее, они считали необходимым действовать безотлагательно: «Нельзя ждать, пока все люди согласятся стать личностями, и только после этого строить сообщество»[1]. Важна здесь роль воспитательного и образовательного процессов, формирование умения критически мыслить и анализировать поступающую информацию. Нужно не просто «иметь свое мнение», но и уметь его обосновать, прежде всего, чтобы быть уверенным в том, что это действительно личное мнение, а не результат манипуляции.

Преодоление правового отчуждения – задача не только граждан общества, но и власти. Переформирование милиции в полицию, направленное на отсев несоответствующих кадров, например, – попытка власти показать населению свою заботу о судьбе страны. Когда люди видят, что претворяемые в жизнь законы действительно работают и все нововведения удаются – тогда и сами граждане будут и активнее вовлекаться в политический процесс, и участвовать в жизни своего государства. Поскольку доверие к власти и законам многие годы подрывалось нелегитимными действиями власть имущих, именно шаги с их стороны должны быть более активными. Таким образом, для преодоления правового отчуждения гражданам страны следует поверить власти, ее представителям, самим соблюдать законы и по мере возможности контролировать их соблюдение во всех сферах жизни, ибо даже малое нарушение повлечет за собой чувство безнаказанности и безответственности. Власти также не следует допускать нарушений законов, она должна показать, что желание перемен к лучшему – это не пустой звук, а реальная цель. По этой причине должна существовать более прозрачная система проверки чиновников и более строгие наказания за взятки, уход от налогов и прочие нарушения.

При этом люди не должны становиться сторонниками утопий и жертвовать человеческими жизнями ради воплощения идей и построения «светлого будущего» или идеального государства. Такого рода утопические проекты превращались в воплотившиеся в жизнь антиутопические романы, реализуя

---

[1] Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса; пер. с англ. А. Н. Анваера. – М: АСТ: Тразиткнига, 2005. – С. 35.

самые страшные предположения авторов. Персоналисты считали, что очень важно проводить беспристрастный анализ происходящих исторических событий, при этом «отказавшись от заранее принятых решений и соединяя познание с деятельностью»[1]. Историю нужно творить по ходу событий, в ногу со временем, освободившись от рамок и заранее заданных векторов, принимая решения путем обсуждения и дискуссий. Человек, находящийся во власти, должен иметь критическое мышление, а не быть сторонним наблюдателем, равнодушно и безответственно уклоняющимся от действий или ответственности за них.

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАННИБАЛИЗМА В РОССИИ

М. Р. Арпентьева

SOCIAL CANNIBALISM IDEOLOGY IN RUSSIA

M. R. Arpentieva

Аннотация: Статья посвящена проблемам распространения и последствий идеологии социального каннибализма в России, а также ее основ – идеологии социальной аномии, и возможностей противостояния – социальному служению.

Ключевые слова: социальный каннибализм, социальная аномия, социальное служение.

Abstract: The article is devoted to Social cannibalism Ideology in Russia, it's base in social anomy and social service as an it's antithesis. Discuss the main social development aspects and trends.

Keywords: social cannibalism, social anomy, social service.

Протестное движение в России, других странах СНГ – это движение осмысления итогов «абсолютного» экономического либерализма государственных структур, разрешивших капиталу любые прибыли и, значит, любое преступление, на которое капитал России и СНГ идет, не заботясь не только о нравственности и людях как таковых, но и о себе, последствиях своей деятельности для своих же потомков. Левое движение России пока находится в состоянии размышлений: оно все еще ищет нравственную опору собственного осуществления, опору, способную повести за собой массы так, как это случилось в начале XX века, и опору, которая, в отличие от событий начала XX века, не приведет к братоубийственной войне – и иным последствиям, связанным с выхолащиванием «левой» идеологии: принципы справедливости, равенства, братства, которые дополняются принципами любви, всеобщей заботы, терпимости и прощения. «Завоевательный» модус современного экономического гангстерства капиталистов России – остаток коммунистических идей,

[1] Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С. 31.

убравших из системы приоритетов любовь и заменивших ее справедливостью: капитал, уничтожающий ради сиюминутной выгоды людей, разбивающий судьбы невинных и виноватых лишь в том, что желания капиталиста растут быстрее осознания желаний, их последствий, всего лишь переиначил принцип справедливости. «Кто успел, тот и съел», или точнее, «кто сумел, тот и съел», включая жизнь ближнего, – стало девизом российского капитала и очень быстро почти всего общества, живущего, чтобы быть «квалифицированными потребителями», «берущими от жизни все» в силу того, что, как им объяснили, «они этого достойны» и раз «Бога нет, то все дозволено»[1]. Протестуя против этого, левое движение неминуемо возвращается к тому, чтобы принять главное, когда-то разрушившее СССР: идею нравственности как идею Бога, высшей любви и справедливости, взаимопомощи, служения, смирения, терпимости, искренности и честности, ответственной свободы и осмысленного порядка.

Ведущими вехами в становлении социального каннибализма как системы отношений саморазрушения и разрушения общества стали, несомненно, события и люди, несшие в себе идеи социального порядка ради порядка и свободы ради свободы. Эти идеи качнули историю СССР сначала в сторону тоталитаризма, а затем – «дикого либерализма», зеркально отобразившего репрессивную модель отношений советских государства и общества: идя «от противного», общество и государство попали в западню. Свобода оказалась свободой уничтожать себя и ближнего и, в этом своем предельном виде, начинает наконец осознаваться как антиобщественная, антигосударственная идеология социального каннибализма. Каннибализм отвергает ценность кого-либо или чего-либо, уважая имеющиеся ресурсы лишь постольку, поскольку они важны для его желаний и дают возможность их удовлетворить. Каннибализм, будучи построен подчас на изощреннейших манипулятивных технологиях, оказывается абсолютно бессмысленным и беззащитным перед лицом самых простых вопросов. Например, если так выгодно убивать ближнего, то почему его смерть, как показал опыт концлагерей середины XX века, оказывается самым дорогим компонентом «производства», начисто сводящим на нет все усилия «сэкономить» и «сверхсэкономить», и почему капитал продолжает уничтожать людей тысячами и миллионами, а не поменяет «мальтузианские ножницы» на с блеском продемонстрировавшую важность заботы о ближнем модель социального и человеческого капитала? Зависть как результат социального сравнения – один из объяснительных аспектов этого процесса: люди готовы видеть успех лишь в том случае, если этот успех не приведет к (большему) успеху других людей. Идеология конкуренции стирает способность понимать мир как мир людей, «ничего кроме бизнеса» и другие «постулаты»

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 23. – С. 770; Dunning T. J. Trades' Unions and strikes: Their Philosophy and Intention. L.: Dunning T. J. Published, 1860. – 52 p. – P. 35–36.

экономического гангстерства или, точнее, социального каннибализма, стирает возможности отношения людей друг к другу как к людям. Идеология взаимопомощи, в отличие от идеологии социального каннибализма, позволяет радоваться успехам сообщества, поскольку «помог ты – помогут тебе», успех других людей – твой успех. Однако путь к осознанию всеобщей взаимосвязи людей, явлений, нравственных и безнравственных поступков и «инноваций» идет медленно.

Российскому сознанию, привыкшему за последние десятилетия к идеям «кто кого» как ведущим, организующим общественные и государственные отношения, идея мальтузианских ножниц и требование уничтожения части населения Земли, связанная с этой моделью, кажется более понятной, чем идея социального служения и взаимопомощи. Еще о служении – люди могут говорить и обращаться к нему, постигая в его процессе следующую ступень: взаимность помощи, или – скатываясь на ступень ниже: сфера благотворительности – одна из наиболее криминализированных сфер. Идеология каннибализма часто не отпускает человека, начавшего делать «дела любви», но заманивает в ловушку бесконтрольного потребления еще сильнее. Знаменитая российская «халява» – яркий пример отношения людей к себе и миру: ради «халявы» и «халявой» покрываются все долги и обещания человека измениться. И при отсутствии внутреннего контроля, честности внешние репрессии всего лишь сдерживают стремление к «халяве» в определенных рамках. При наличии сильного внешнего давления «халява», бесконечно большая прибыль при бесконечно малых вложениях, будучи инструментом вовлечения субъекта в отношения каннибализма, находит институциональные лазейки, позволяющие ей реализоваться. Внутренний контроль «халявы» означает глубокое понимание законов бытия, понимание Бога в душе и мире: ничто, даже по закону справедливости, не дается «просто так», «навсегда» и не может быть отнято или изменено. Напротив, призывая искать «прежде Царства Божия», прозорливцы всех духовных течений и религий отмечали, что лишь они – отношения любви к Богу, его мирозданию – могут быть «унесены» человеком с собой и могут быть умножены даже тогда, когда человек теряет и теряет нажитое посильным и непосильным трудом («халявой»). Как пишет Ю. Хабермас, истинная роскошь – роскошь от избытка – важна для человека и важна для его окружения: человек, чтящий законы мироздания, понимает, что в его жизни есть «время разбрасывать камни и время собирать камни», место халяве и место тяжелому труду, – это место обучения любви, именно она определяет, является ли то или иное «роскошью»[1].

Пока же господствуют разные варианты мальтузианской модели, так или иначе подтверждающие якобы существующую необходимость уничтожения части населения во избежание коллапса стран и Земли в целом, необходимость мондиализации. Некоторые черты социального коллапса, намечающегося

---

[1] Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. – 410 с.

в России и других странах мира, конечно, можно объяснить ограниченностью ресурсов, нарушениями структур и популяционной динамикой: цивилизации стремятся возвратиться к менее сложным, менее централизованным социально-политическим формам и технологиям. Также типичны дестратификация (общества становятся относительно более эгалитарными), деспециализация (социальные институты, поддерживающие специализацию, разваливаются, люди приобретают общие навыки труда в повседневной жизни), децентрализация (люди начинают вести более независимый и свободный образ жизни), деструктуризация (самодостаточный образ жизни), депопуляция (уменьшение плотности населения, от восстановления демографического баланса между сообществом и истощенной окружающей средой, включая, как отмечалось, среду рабов, до полного исчезновения). Кроме того, общество может постепенно войти (быть поглощено) в более динамичную межнациональную или межрегиональную структуру. Все эти модели и варианты изменений, в том числе в процессе культурной трансмиссии, отражают взаимосвязанные обстоятельства, усиливающие друг друга. Источником же этих обстоятельств является идеология: ее трансформация под влиянием внешних и внутренних вторжений, направленных на разрушение межпоколенной трансмиссии, ее компонентов: социализации и инкультурации. Если добровольным и частным ассоциациям разрешают свободно проводить свою политику на институциональном уровне, они дополняют правительство и создают «клапан безопасности» для несогласных, поддерживая лояльность общества и обеспечивая площадки для социальных экспериментов без принуждения со стороны правительства, а также отчасти восстанавливая нарушения культурной вертикальной (межпоколенной) и горизонтальной (межгрупповой) трансмиссии[1]. Возникновение контролирующей развитие общества элиты – неизбежно, однако распад цивилизаций происходит не из-за потери контроля над окружающей или человеческой средой, общества становятся неспособными решать новые проблемы, поскольку их структуры настроены только на решение старых. Фиксация на старых методах ведет к тому, что «творческое», то есть по «железному закону олигархии» олигархическое, меньшинство деградирует из-за поклонения прошлым успехам, становится неспособным адекватно реагировать на новые. При этом, согласно другому «железному закону» – меритократии – неравенство, рожденное меритократической системой, приводит к тому, что меритократические «лифты» отказывают. Меритократия во многом противоположна как аристократии, так и демократии, она предполагает создание начальных условий для социального продвижения («лифтинга») одаренных и трудолюбивых людей, чтобы они в будущем имели шанс занять высокое общественное положение в условиях свободной конкуренции. Однако «заслуженная власть», начиная с содружества гениев, заканчивает разделение социальной общности на

[1] Де Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. –554 с.

две касты: жестокосердых «высших» и живущего в страхе «болота»[1]. Поэтому неравенство, рожденное меритократической системой, со временем подавляет механизмы вертикальной мобильности. Дело, как отмечают исследователи, в еще одном железном законе – бюрократии: в бюрократической системе работающие на благо бюрократии захватывают власть, начиная создавать правила работы организации, а те, кто выполняет задачи, ради которых бюрократия создается, делают все меньше и меньше работы, часто исчезая полностью: «Бюрократия разрастается, чтобы поспеть за потребностями разрастающейся бюрократии», – отмечал А. Азимов.

Отчуждение и самоуправление вытесняют творчество, а манкировка службой /обучением (их симулякры) со стороны «элиты», наряду с принудительным уничтожением или самопожертвованием людей, вытесняют в современности более нормальные, реальные, нефиктивные процессы. Современность, постмодерн определяются как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога»: «Мир для нас скорее еще раз сделался «бесконечным», поскольку мы не можем ему отказать в возможности заключать в себе бесконечные толкования»[2]. Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании человечества распалась, став лишь фикцией, вместе с нею и распалась иллюзия единства бытия, а затем – и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать как лишь иной вид перспективности бытия, ждущий очередной, обладающей волей к власти, интерпретации. Сосуществование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения – определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытаясь их завоевать. Даже вещь – лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления. При этом в список потребляемого и передаваемого в процессе трансмиссии включены само общество, его члены, включая человека, жизнь в целом.

Этап мондиализации и создания «всеобщего государства», пресекающего всякое политическое творчество, изменения стратификации и распределения благ и власти, к которому активно стремятся в настоящее время сзданные исключительно ради нужд «элитарного меньшинства» наднациональные организации, «союзы», «содружества», «соединения» и «объединения» разного толка, означает начало коллапса. Доминирующее меньшинство на фоне уже ничем не контролируемого стремления к большей власти и подавлению сопротивления уже в «зародыше» стремится создать всеобщее государство, к

---

[1] Гротендик А. Урожаи и посевы. – Ижевск: РиХД, 2001. – 288 с.

[2] Недорога В. А. Перспективизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / Под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001.

мондиализации. По мере распада цивилизаций формируются «внутренний пролетариат», создающий всеобщую церковь, идеологию, обслуживающий «всеобщее государство», а также «внешний пролетариат», создающий «стаю варварских военизированных банд». Автономные субъекты из числа подлежащих уничтожению «больных, преступников и оппонентов», трансцендирующие в период социального распада, в поисках новых решений, приводят к рождению новой идеологии, «Церкви», вокруг которой может организоваться последующая цивилизация. В последнее время на нее претендует идеология социального служения, которая, как отмечалось, обеспечивает, кроме прочего, социально-политическую мобильность и лояльность общества и правящей «элиты»[1]. В рамках данной идеологии развивается также идея самопомощи и взаимопомощи: активизации и фасилитации активизации ресурсов самого населения в противостоянии страхам и угрозам уничтожения со стороны государства.

Особенно страдают от провалов и коллапсов социальных систем молодежь и пожилые люди, поскольку происходит нарушение преемственности, нарушается передача не только вторичных, но и базисных элементов культуры. Преемственность обеспечивается контактами носителей разных возрастных групп культуры, выступающих в роли учителей и учеников. Для нее необходимо, чтобы в исторических перипетиях и катаклизмах (революциях, катастрофах, войнах, терактах и других конфликтах) не погибали хранители культурных ценностей. В некоторых случаях, однако, погибают целые сословия и народы. Причем их гибель является результатом целенаправленных действий: со стороны внешних или внутренних групп и организаций. Примерами являются знаменитый «План Даллеса» и многие другие «Майн Кампф», реализуемые, в том числе, под видом и под девизами социального служения, равенства, совершенствования и порядка[2]. Напомним, что целью данных планов являлось уничтожение СССР и «сражение со злом» идеологии коммунизма, в первую очередь – методами пропаганды, нацеленной на разобщение национальностей и социальных групп, потерю традиций (нарушение культурной трансмиссии) и нравственных ценностей, нравственное разложение населения: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить!»[3]. Пропагандируемый и активно осуществляемый геноцид, особенно в его детоцидном и геронтоцидном вариантах, приводит к разрывам культурных цепей, коллапсам. Примером является объявленная правительством Украины в начале 2015 года политическая и социальная «люстрация» пожилого населения страны: отказ от государственного пенсионного обеспечения и создание комиссий по оценке политической

---

[1] Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Рольф, 2007. – 592 с.

[2] Даллес А. ЦРУ против КГБ: Искусство шпионажа. М.: Центр-полиграф, 2000. С. 357, 373–375, 381, Окороков А. В. СССР против США. Психологическая война. М.: Вече, 2011. – 336 с.

[3] Иванов А. С. Вечный зов. М.: АСТ, 2007. Ч. 1. – 672 с.; Ч. 2 – 864 с.

благонадежности и социальной защищенности пожилых граждан призваны сократить пожилое население страны до минимума. Все это делается для того, чтобы предотвратить передачу опыта пожилых граждан молодым: культура социалистических отношений, при которой государственные социальные гарантии касались всех граждан, – полностью изымается. Так «возвращение из преисподней» сменилось «возвращением в преисподнюю.

Реинкарнация фашизма, как отмечает З. Милошевич, происходит в связи с потребностью крупного западного капитала захватом «восточноевропейских территорий» получить новые сырьевые ресурсы и дешевую рабочую силу[1]. США и ЕС поддерживают оживление фашистских традиций, точнее, традицию ненависти по отношению к русским со стороны соседей (Прибалтика, Румыния, Украина, Грузия и др.). Разрыв культурной цепи особенно типичен в случаях, когда неожиданно меняется образ жизни людей – носителей данной культуры: в хоте революций, переворотов, общенациональных политических и природных катастроф и т. д.. Пример – целенаправленные модификации массового сознания, направленные на разрыв взаимосвязей поколений и дискредитацию идеалов и идеологий прошлого на фоне активного, подчас насильственного внедрения иных, «более современных» идеологий. Так, правящая идеология постмодерна, с его утратой Бога и ценностей жизни, – идеология социального каннибализма, – откровенно и настойчиво пропагандируется СМИ практически всего «цивилизованного» мира. Ее внедрение стало примером «Окна Дж. Овертона». При этом сообщества и страны, наверное, должны быть благодарны Римскому и иным клубам за то, что пропагандируется всего лишь социальный, а не натуральный каннибализм, и что его пропаганда увеличивает свободы части граждан (пусть хотя бы – уничтожать других граждан – ради «свободы» – уничтожать)[2].

Сейчас людей учат социальному каннибализму: манипулировать и не поддаваться на манипуляции, «быть стервой» («мертвечиной»), «убирать с дороги конкурентов», «есть» мешающих и подчинять нужных людей, – под видом «повышения собственной конкурентоспособности». Социальный каннибализм, как и биологический, разобщает людей, делает их одинокими, находящимися в состоянии войны со всем миром, деградирующими. Он включает даже отказ от технологического прогресса: совершая выбор между рабом и роботом, представители власти однозначно выбирают раба, жизнь и судьба которого никого не интересуют: он существует только как компонент чужого счастья, комфорта. Эта мораль – допускающая сжечь в рабстве и нищете миллионы тел и судеб ради «роскоши» одной судьбы, – социальный каннибализм, быстро перетекает в биологическое людоедство. Так, рабство и торговля рабами официально «отменены» более 200 лет назад, но в современном мире даже

---

[1] Милошевич З. Америка и фашизм. – РепуМблика СрМбиja, Београд, 2011. – 147 бр.
[2] Beck Gl. The Overton Window. – N.-Y.: Threshold Editions, 2010. – 336p.

официально более 15 миллионов взрослых и детей в мире – рабы: работорговля по прибыльности занимает 3-е место после торговли наркотиками и оружием, особенно в Европе. Этому способствовал активно поддерживаемый НАТО развал стран «социалистического лагеря», экспансия в них США, привыкшего строить благополучие отдельных граждан своей страны на резервациях и иных формах порабощения граждан, а также стремление Евросоюза найти себе новые площади и источники подержания благополучия.

Как известно, во второй половине XX века процессы культурной экспансии США, названные «вестернизацией», затронули страны Западной Европы, Латинской Америки, Японию и Россию. Попытки квотирования доступа культуры США в мире, однако (вопреки распространенному мнению СМИ, чье мнение тем активнее и более преувеличенно транслируется, чем больше задевает их благополучие власть), большой пользы не принесли: введя в оборот идеи модернизации культуры и ее глобализации, а также всеобщей мондиализации, США и Великобритания, стоящие перед угрозой быстрого самоуничтожения из-за окончания ресурсов в результате неограниченного потребления, нашли в перечисленных и иных странах и регионах надежду на дальнейшее осуществление фашистских идеологий: концлагеря, с подачи НАТО и Евросоюза, активно и открыто строятся в ряде стран Востока и СНГ. Глобализация как ускорение интеграции стран и наций в мировую систему в связи с развитием современных экономических и иных связей осуществляется с помощью воздействия на людей СМИ. Цель ее – мировое господство «элиты», мондиализация. Внешне последняя способствует расширению культурных контактов между народами и миграции людей, по сути, при нынешних условиях (активной пропаганде социального каннибализма) – геноцид и вымирание наций и стран, возвращение человечества к рабовладельческому строю, превращение жаждущей свободы от «человеческого материала» «элиты» в уничтожаемое ею «быдло». Эта ситуация продолжает линию социальной аномии и фашизма, заданную в начале XX века австрийско-германской, а ранее – с XVI века и далее – британской и испанской культурами «конкистадоров» и других завоевателей, создавших резервации и концентрационные лагеря для «туземцев». Спецификой современного фашизма, однако, является то, что в лагеря попадают не столько по признаку расы и национальности, сколько по признаку идеологии и ценностей: искореняется не столько этническая культура, сколько культура человеческих отношений, человечности как таковая. Общество пришло на грань самоуничтожения, выбрав для этого самый простой способ: нарушение культурной трансмиссии и замену трансмиссии, сопутствующих ей процессов культурной аккумуляции (накопления), интеграции (объединения) и диверсификации (разветвления) и дифференциации. Культурный плюрализм возводится в идеал, осуществляется культурная, или, точнее, «псевдокультурная» экспансия (распространение) как замена ценностей, идеологии одной культуры ценностями или симулякрами ценностей – другой. В данном случае замена ценностей жизни и человечности ценностями

потребления и власти. Модификация социально-политического сознания при использовании симулякров давно не является результатом ситуативных, неплановых воздействий. Напротив, как отметил Дж. П. Овертон, абсолютно чуждые обществу идеи могут быть с легкостью подняты из «помойного бака» общественного презрения, очищены и законодательно закреплены. Он сформулировал модель изменения представления проблемы в общественном мнении – «Окно Дж. Овертона»[1]. Для каждой идеи или проблемы в обществе, как он полагал, существует «окно возможностей» или возможность создания такого «окна». Окно возможностей проще всего движется в обществе социальной аномии: именно поэтому мещанство называют колыбелью фашизма. У этого общества нет нравственных идеалов, четкого разделения добра и зла, есть «либеральная» вседозволенность, включая свободу как вседозволенность расчеловечивания, обсуждения сакральных тем, перекрывающих самоуничтожение. Само обсуждение того, что та или иная группа лиц использует принципы «сдвигающихся окон», может быть применено в дискуссии с нею, «обнародование приема», комментирование того, как фокус делается в момент, когда «фокусник» пытается «вытащить из рукава» еще один туз, помогает разрушить «очарование» разрушающей жизнь идеи.

Особенно важную роль в формировании и трансформации ориентаций граждан играют манипулятивные технологии, стимулирующие склонность доверять симулякрам и имитациям, преобразованию реальности на основе вымыслов заинтересованной в их распространении, манипулирующей сознанием других людей группы[2]. Симулякры в становлении общественно-политического сознания в современном мире связаны с распространением идеологии социальной аномии и потребления, при которых человек с его мечтой о сверхчеловеческом, оттолкнувшись и оттолкнув от себя реальность, теряет понимание «сверхчеловеческого» в бесчисленных симулякрах. Культура симулякров, созданная для сокрытия планов криптократии, позволяет СМИ и другим органам манипуляции массовым сознанием полностью игнорировать использование в разных странах отработанных еще фашистской Германией военных стратегий, включая целенаправленное химическое опыление «подлежащих освобождению» территорий. Под видом помощи в «охране границ» военные бомбардировщики США в начале XXI века сбрасывают ускоряющие вымирание населения химтрейлы на мирное население Украины, Приднестровья и Молдавии, население массово загоняют в тюрьмы и построенные концлагеря, лишая людей средств к существованию, крова, семьи и здоровья, надежд на жизнь. В тюрьмах и лагерях открыто в откровенно, не прибегая к дальнейшим симулякрам, на деньги оплатившего «судебные реформы» Евросоюза (во главе с Великобританией) и «защищающих демократию» во всем мире США и НАТО, пытают и превращают в рабов, а СМИ и ответственные за внутреннюю и

---

[1] Beck Gl. The Overton Window. – N.-Y.: Threshold Editions, 2010. – 336 p.

[2] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – Тула: Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.

внешнюю безопасность структуры этих стран, ООН и другие демократические криптократические организации активно умалчивают эти факты: до начала открытых военных действий данные «случаи» остаются «случайными» артефактами в развитии стран с «развитой демократией». Характеризуя специфику взаимоотношений в «пространстве симуляции», Ж. Бодрийяр говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует. Симулякр – это имитация несуществующего. «Симулировать – значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле», «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрываются самые тонкие механизмы постановки коммуникации. Контакт ради контакта становится родом пустого самособлазна языка, когда ему уже просто нечего сказать». Возникающий как закономерный этап развития социальной аномии социальный каннибализм, как и биологический, разобщает людей, делает их одинокими, находящимися в состоянии войны со всем миром, деградирующими: симулякр отвлекает сознание от реальности убийства, переводя его в реальность «медийно-дигитальной нравственности». Бытие человека – раба для тех, кто творит симулякры, – неудачный, лишенный ценности симулякр. Заложенное в симулякрах постмодернистской эпохи отчуждение человека не только от других людей, от себя, но и самой идеи человеческого, превращает человека в такой же неопределенный и многозначный объект, как и остальные. Этот объект, вместе с устаревшим для «кукловода» смыслом, может быть уничтожен любым – актуальным в рамках следующего нравственного симулякра способом. Примерами наиболее актуальных для современного момента развития цивилизации являются симулякры правозащиты и правоохраны, а также симулякры превосходства и бессмертия. Первые обращают внимание на необходимость тотального контроля реальности, особенно той, что противостоит симулякрам и может ее разрушить. Вторые – на необходимость уничтожения «слабых звеньев». Уничтожение «лишних» с целью улучшения определяемого нравственным симулякром качества своей жизни и превращение оставшихся, «необходимых» для поддержания симулякров и их создателей, в рабов – две основные тенденции развития цивилизации каннибалов и, одновременно, указатели линий ее разрушения, коллапса.

В социальном каннибализме, фашизме XXI века, легитимность уже не требуется: подавление и уничтожение других есть «смысл в себе», самостоятельная, антигражданская, антисоциальная идеология или, точнее, псевдоидеология. Нормализация социального каннибализма, к сожалению, – факт свершившийся. Тем не менее, извлекать уроки из него и комментировать проявления деятельности данной группы лиц, строящей на пустоте абсурд своей жизни, ломающей жизнь других, предпринимать усилия по заполнению «пустоты» фактами реальной жизни, сворачиванию спирали молчания, – существующая возможность выживания в мире, где выживание невозможно.

Итак, одно из наиболее важных измерений исследования развития общества связано с выбором между 1) социальным служением, альтруизмом,

помощью другим людям, служению обществу в целях его совершенствования и гармонизации, 2) социальной аномией и равнодушным «присутствием» в обществе как реальности, не требующей и не нуждающейся в развитии и преобразовании, 3) социальным каннибализмом, связанным с потребительской ориентацией в отношении общества и его членов, нацеленностью на получение бесконечных персональных выгод, «голодные игры» с соперниками и подавление слабых. Совершая этот выбор, человек в большей или меньшей степени осознает, что последствия данного выбора окажутся решающими для его жизни, а также жизни его семьи, рода, общества. Вместе с тем перспективы этих выборов существенно различны: социальное служение обеспечивает человеку, его семье, роду подчас трудное, но более или менее стабильное развитие, совершенствование. Выбор аномии – удовлетворение инстинкта защищенности при стратегическом «угнетении» инстинкта выживания, человек «жертвует» развитием рода и, во многом, семьи в пользу сиюминутного собственного комфорта и успеха. В случае социального каннибализма, пропагандируемого идеологией «голодных игр», под ударом в стратегической перспективе оказываются оба инстинкта – выживания и защищенности. Социальный каннибализм как социальная стратегия противостоит в трилемме модусов идеологий массового сознания социальному служению. Аномия является псевдосоциальной идеологией, истинно социальной является лишь социальное служение, еще только начинающее свое становление, в том числе в социальной трансмиссии[1]. Первоначально понятие «социальное служение» употреблялось при описании социальной деятельности конфессиональных союзов. Согласно позициям самых разных конфессий, социальное служение понимается, прежде всего, как осуществление благотворительности и милосердия в виде как непосредственной помощи малоимущим и малообеспеченным, так и в виде создания определенных условий для социальной реабилитации нуждающихся членов общества, а также – помощь обществу в целом. Людей, занимающихся социальным служением, принято называть добровольцами. В современном мире понятие «социальное служение» активно трансформируется, однако, с ним по-прежнему ассоциируются такие слова, как социальная помощь, взаимопомощь, благотворительность, милосердие, гуманизм, альтруизм. Социальное служение имеет глубокое нравственное основание – чувства нужности и долга, ответственности и сострадания к ближнему, стремление к постоянному личностному росту и помощи другим в их развитии и реализации. Служение есть идея взаимопомощи и взаимного развития, основывающаяся на принципах любви к мирозданию, к себе, ближнему, помощи и заботы, развития и уважения права на ошибки и развитие других людей. Она включает как благотворительность – общечеловеческое движение, включаю-

[1] Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности – М.: «Прогресс». 1966. – С. 299–313; Масбург Л. Удивительная мать Тереза. – М.: Триада, 2012. – 272 с.

щее совокупность гуманитарных действий отдельного человека, организации, обществ и т. д., так и принятие помощи. В основе служения – стремление проявить любовь не только к ближнему, но и к незнакомому человеку, оказать помощь нуждающимся и социально незащищенным гражданам.

Другие попытки и описания путей противостоять сложившейся системе изымаются из оборота, как в свое время исчезло «социалистическое наследие» одного из ведущих психологов – А. Адлера – его учение о «второй демократии: возможность менять жизнь сообщества, меняя своей поведение, поиск и реализация нефиктивных ценностей: постоянство, спокойствие, реалистичность, доверие себе и миру. Трансцедентирующий принцип «Делай это все равно» Матери Терезы также отражает суть второй демократии: любовь, уважение, достоинство, нравственность одного человека изменяют мир вокруг него. Согласие верить в симулякры, лишенная достоинства и безнравственная жизнь, ненависть и потребительство приводят человека и его окружение на разные ступени рабства[1]. Доминирующее меньшинство, «чтобы выжить» и выжить хорошо, на фоне ничем не контролируемого стремления ко все большей власти и подавлению самой возможности сопротивления, стремится к мондиализации. Обслуживающие его «внутренний пролетариат», создает всеобщую идеологию, «внешний пролетариат» создает военизированные банды, получая награды Героев гражданской войны. И только автономные субъекты, обычно из числа подлежащих уничтожению психически больных, преступников и иных левых или правых, но сознающих происходящее, оппонентов, трансцендирующие и вопреки страху сохраняющие нравственное отношение к себе и миру в период социального распада, приходят и приводят людей к новой идеологии, возрождению, новой цивилизации. Основами такой цивилизации помимо идеологии социального служения выступают идеи взаимопомощи и самопомощи разных слоев и страт, идеи социального партнерства и гражданского общества, общественной прозрачности деятельности государства и идеи дополнения первой демократии второй, «глубинной».

[1] Фисман Р., Мигель Э. Экономические гангстеры. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2012. – 302 с., Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.

СОВЕТСКИЕ ДИСКУССИИ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПЛАНИРОВАНИЯ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ?

Д. И. Григорьев

SOVIET DISCUSSIONS ON PROSPECTS OF PLANNING: RECOLLECTION OF THE FUTURE?

D. Grigoryev

Аннотация: В статье поднимается вопрос о целесообразности и эффективности советского опыта экономического планирования. Автор обращается к уникальному опыту работы Общегосударственной автоматизированной системы сбора (ОГАС), широко распространенной в СССР в 1960–80-е годы.

Ключевые слова: социалистическое планирование, автоматизация экономики, рыночная экономика.

Abstract: The article raises the question of the appropriateness and effectiveness of the Soviet experience of economic planning. The author refers to the unique experience of a nationwide automated collection system (OGAS), widespread in the USSR in the 1960–80 s.

Keywords: socialist planning, automation of the economy, the market economy.

Первоначально дискуссии о планировании возникли в 20-х – 30-х годах и обсуждались не только в СССР, но и во всем мире, поскольку развернувшаяся социалистическая система в это время у многих, главным образом у интеллектуалов, вызвала обоснованные сомнения, насколько она способна дальше существовать и обеспечивать сопоставимый рост и обеспечение благополучия граждан. Развивались и альтернативные концепции. Наиболее активным противником возрастающего государственного регулирования общественной жизни, не приводящими к каким-либо последствиям, были сторонники либертарианского движения. По их мнению, любое распределение, которое не использует цены, в принципе не может быть рациональным. И на основании этого они критиковали советское планирование и утверждали, что любая система, которая не использует механизм цен, может распределять ресурсы только на основании собственного убеждения.

Тем не менее, эта тема со временем сошла на нет. Планирование в СССР, несмотря на успехи в экономике, повторяло ситуацию экономики 20-х годов, после гражданской войны. В западном же мире, после мировой войны, главным образом превосходство имела идея о том, что самоорганизующийся рынок – это максимально эффективно.

Хотелось бы остановиться на ситуации 1960–70-х годов, на проектах, которые предлагали кибернетики и математики как инновационные пути развития экономики. Уникальной была система ОГАС, разработанная в 1966 году и включавшая все области планирования экономики. В решениях КПСС

ОГАС была определена как Общегосударственная автоматизированная система сбора и обработки информации для учета, планирования и управления. Помимо учета и текущего управления главной задачей вертикальных связей в ОГАС было обеспечение системы объемно-календарного территориально-отраслевого планирования во всех звеньях экономики. Смысл вертикальных связей в ОГАС в этом аспекте состоял в том, чтобы обеспечить интеграцию локальных программ по всем уровням иерархии территориального управления, вплоть до общесоюзного уровня. Предлагалось отойти от человеческого управления и заняться автоматизацией советской экономики. Конечно, реализация ОГАС так и не состоялась.

Но в итоге создания программы ОГАС в СССР все предприятия, все заводы были объединены в единую информационную сеть, управлялись единой системой Госплана и пользовались актуальными данными. Эта система работала до конца существования Советского Союза.

Идеи, казавшиеся ценными, будучи реализованными, не дали ожидаемого эффекта. Но дискуссии на ту тему планирования не теряют своей актуальности.

РЕФОРМЫ 1990-Х ГОДОВ В РОССИИ: ПРАВО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА?[1]

И. У. Зулькарнай

REFORMS OF 1990-TH IN RUSSIA: RIGHT-WING LIBERAL REVOLUTION OR MODERNIZATION OF THE SOVIET MODEL OF SOCIALIST CONCEPT OF THE STATE?

I. Zulkarnay

Аннотация: В докладе развивается парадоксальная, на первый взгляд, идея, что так называемые «либеральные реформы» в экономике и «демократические реформы» в политическом устройстве России в 1990-е гг. на самом деле были проектом модернизации левой концепции, по которой развивался Советский Союз. «Либеральные реформы», несмотря на внешнюю схожесть в риторике с парадигмой неоклассической экономической теории, на самом деле следовали не ей, а концепции этатизма в экономике, противостоящей неоклассикам. «Демократические реформы» привели к более изощренной системе институтов сокрытия авторитарного контроля власти над обществом, чем система, существовавшая в СССР, где также были формальные институты разделения властей, выборов и т. д.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 13-06-00309.

Ключевые слова: либеральные реформы, демократические реформы, неоклассическая теория, правые, левые

Abstract: I develop a paradoxical on the first glance idea that so called «liberal reforms» in economic sphere and «democratic reforms» in political sphere in 1990th in reality were a project of modernization of the left conception according which the Soviet Union had been developing by that time. «Liberal reforms» even were in its rhetoric similar to neoclassical economic theory, in reality followed the etatism in economy that contradicts neoclassic. «Democratic reforms» led to the system of authoritarian control of the society that is more efficient than one existed in the USSR where there were formal institutions of elections, separation of powers etc.

Keywords: liberal reforms, democratic reforms, neoclassical theory, right-wing, left-wing

В научной литературе, в обществе в России и за рубежом устоялось единодушное представление о реформах в России, прошедших с 1992-го года, как демократических и либеральных. Демократических – в политическом устройстве страны, и либеральных – в части экономической модели хозяйствования. Дискуссии идут только о том, были они удачными или неудачными, завершенными или же страна находится на середине пути, или даже его начале. Распространена также точка зрения, что демократические реформы, достаточно успешные в 1990-е годы, были частично свернуты с середины прошлого десятилетия, а либеральные просто не завершены.

Я в своем докладе развиваю альтернативное всем этим трактовкам прошедших исторических процессов представление, заключающееся в том, что никакие либеральные реформы в России не проводились, не проводились также демократические реформы, под этими названиями скрывалась большая работа по коренной модернизации советской системы политического устройства страны и модернизации экономической модели ведения хозяйственной деятельности. При этом я буду апеллировать в основном к классикам марксизма-ленинизма, к фактам из истории СССР.

Если вспомнить риторику, которая сопровождала реформы 1990-х гг., то создается впечатление, что в эти годы происходила право-либеральная революция. Действительно, в политической сфере говорилось о полном отказе от коммунистического (социалистического, советского) прошлого, даже были призывы запретить коммунистическую партию и пропаганду коммунистической идеологии. Было объявлено о строительстве институтов демократического управления страной по образцу ведущих развитых и демократических стран.

В экономической сфере провозглашался отказ от так называемой командно-административной системы управления народнохозяйственным комплексом страны, о масштабной приватизации, переходе к рыночным отношениям. Все это позволяет предположить, что реформы 1990-х гг. были право-либеральной революцией, если под революцией мы понимаем «радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, природы или познания, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием» [1, стр. 536]. Право-либеральной эту революцию, если она была, по-

зволяет нам назвать провозглашение отказа от советской модели государства и ориентация на западную модель, с акцентом на рыночные реформы (заметим, что в это время и в самом западном мире происходила либеральная модернизация, наиболее яркими признаками которой были Вашингтонский консенсус, развитие ВТО и усиление монетаристской политики Фридмана в ущерб длительное практиковавшейся до этого кейнсианской политике в государственных финансах).

Итак, предположим, что реформы 1990-х гг. – это революция в обществе и экономике. А, как учит нас марксизм, революции производят заинтересованные в этом классы общества, выросшие в предыдущей общественно-экономической формации и стремящиеся прийти к власти с целью измерения общественного устройства в своих интересах. Капиталистические революции XVIII века в Англии, Франции произошли в результате того, что выросший в рамках феодальной формации класс капиталистов решил взять власть в свои руки. Соответственно, социалистическая революция происходит в результате достижения рабочим классом критического количественного значения и качественного состояния (организованность) в рамках капиталистической формации. Так говорит марксистская теория, подтверждающаяся капиталистическими революциями XVIII–XIX веков в Европе.

Впрочем, силовые действия тоже происходили, если мы вспомним августовский путч 1991 года и расстрел российского парламента 1993 года.

Если теперь рассматривать реформы 1990-х гг. как капиталистическую революцию, качественно изменившую социалистическую социально-экономическую формацию советского типа на капиталистическую формацию, то мы должны найти класс, который бы произвел такую революцию, класс, который пришел бы к власти, отстранив от власти тот класс, который властвовал до этого. Если считать это капиталистической революцией, согласно марксизму, революцию должен был произвести класс капиталистов, выросший и окрепший в рамках предыдущей формации, в данном случае, социалистической формации советского типа.

Но при самом скрупулезном, под микроскопом, изучении советского общества конца 1980-х гг. такого класса найти не удается. Да, в ходе горбачевской перестройки, в рамках советского общества стало развиваться малое предпринимательство, но прошло слишком мало времени, чтобы предприниматели, начавшие свои бизнесы с нуля, выросли в предпринимателей среднего и крупного размера. Тем более этого времени не было достаточно, чтобы предприниматели сформировались в организованный класс со своими политическими партиями. И таких организаций, политических партий не было к началу реформ 1992 года. К началу этих реформ не было даже так называемых олигархов, возникших позже и которых нельзя отнести к предпринимателям в том смысле, как это понимается в классической и неоклассической экономической теориях.

Тем самым заключаем, что в начале 1990-х гг. не было класса капиталистов, которые могли осуществить капиталистическую революцию. А раз не было капиталистов, то согласно марксистской теории не было и капиталистической революции. Отсюда вытекает, что реформы 1990-х гг. мы не можем квалифицировать как капиталистическую революцию, как «радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества» (Философский словарь советского времени), состоящее в смене советских социалистических институтов на капиталистические институты.

Но такой вывод противоречит широко распространенному в России и за рубежом представлению, что Россия сейчас представляет демократическое государство с рыночной (капиталистической) экономикой. Даже самые критики современной политической системы России не отказывают ей в полном непризнании того или другого.

Тогда, может быть, марксистский анализ причин смены общественно-экономических формаций неверен, и в России в 1990-е гг. действительно произошел переход к капиталистической системе западного типа, только данную революцию осуществил не отсутствовавший на тот момент класс капиталистов, а какие-то другие силы? Ну, скажем, «переродившаяся часть» самого КПСС, в лице Ельцина, Гайдара и их сподвижников? Допустим, марксистская теория не верна, и часть функционеров КПСС, отрекшись от своей партии, от идеологии, которой следовали десятилетия, фактически предав свои идеалы, решили строить демократию западного типа и рыночную экономику либерального толка.

Взяв за основу предположение, что часть коммунистической номенклатуры, изменив своим идеалам, произвела капиталистическую революцию в России, посмотрим, насколько успешной она была в экономической и политической сферах по отдельности.

Что мы видим в экономике России? Очень узкий, немногочисленный (по сравнению даже со странами Восточной Европы) и слабый слой малых и средних предпринимателей, которых можно отнести к реальным предпринимателям, ведущих свой бизнес за счет своего предпринимательского таланта, а не за счет коррупционных связей с государством. Далее, большая доля экономики представлена крупными частными компаниями (акционерными обществами), целиком или в значительной части принадлежащие олигархам. Но олигархи, скорее, чувствуют себя назначенными государством менеджерами с широкими правами по распоряжению прибылью, чем полностью независимыми предпринимателями. Т. е. собственность олигархов весьма условно можно назвать частной собственностью, она ограничена их лояльностью к существующей власти. Если олигархи лояльны, то собственность принадлежит им, а если нет – тут же не принадлежит, как случилось с Ходорковским. Таким образом, в конце концов, собственность олигархов контролируется государством, а не олигархи, как частные лица, влияют на него. Третья часть экономики,

не по размеру, а по форме собственности – это госкомпании, что говорит само за себя.

С марксистской точки зрения такую «революцию» никак нельзя назвать капиталистической, т. к. реальные капиталисты из числа малых и средних предпринимателей не только не контролируют государство, но даже не имеют ничтожных возможностей влиять на него (нет политической партии, представляющей интересы малого предпринимательства). Крупных же капиталистов, типа Стива Джобса, Билла Гейтса, сделавших свой бизнес благодаря своему гениальному предпринимательскому дару, а не коррупционных связей с чиновниками, тоже нет в России.

Модель контролируемой государством экономики, сложившаяся в России, ближе к моделям контролируемых государством экономик социалистических стран Восточной Европы 1960–1980-х гг., чем к моделям экономики современных развитых стран, даже таких, как Германия, в которой длительное время у власти находилась социал-демократическая партия.

Что мы видим в политическом устройстве страны? Неравные условия политической конкуренции, предсказуемый исход выборов и несменяемость власти, отсутствие независимости судебной системы – собственно то, что было и при советской власти, но осуществляемое более совершенными институтами.

В этих моих рассуждениях я далек от оценок результатов реформ 1990-х гг. по шкале «хорошо» – «плохо», т. к. это уводит нас в сферу субъективных оценок, зависящих от личных представлений о желаемом настоящем и будущем страны. В этом анализе я пытаюсь дать объективную научную оценку прошедших событий и сегодняшнего положения вещей, назвать все своими именами, чтобы понимать текущую ситуацию и иметь надежную отправную точку для разработки моделей последующего развития страны.

Проведенные рассуждения позволяют мне сделать вывод, что реформы 1990-х гг. были не капиталистической революцией и вообще не были революцией. Эти реформы (а они были) следует оценивать как существенную эволюцию советской модели экономики и общества, ее модернизацию, без слома ее базовых механизмов. М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, А. Гайдар и их соратники, проводившие реформы в конце 1980-х и начале 1990-х гг., являлись последовательными марксистами, даже если кто-то из них публично отказывался от этой идеологии. Их действия не были направлены на построение демократии западного типа и рыночной экономики на конкурентных началах, т. е. эти реформы не были капиталистической и демократической революциями. Как горбачевская «перестройка», так и реформы Ельцина-Гайдара были последовательными шагами развития одной политики, направленной на модернизацию советской модели социализма, с сохранением всех ее основных институтов.

Все, что было сделано, я бы свел к двум значительным вещам. Первое – это ребрендинг советской системы управления государством и экономикой: система государственного управления в стране из социалистической демокра-

тии была переименована сначала просто в демократию с открытой декларацией, что это демократия западного типа, потом в середине прошлого десятилетия в «суверенную демократию». Задачей ребрендинга было убедить Запад, что Россия стала на путь западного пути развития и не является для него идеологическим врагом. Задача, поставленная ребрендингом, была выполнена успешно, что позволило снять барьеры на пути использования западных финансовых рынков и западных технологий.

Второе – это смягчение советской социалистической модели экономики конца 1980-х гг., которая допускала только государственную и коллективную (колхозную) собственность. Это смягчение было по существу дрейфом в направлении экономических моделей соцстран Восточной Европы, в которых всегда оставалась сфера для малого бизнеса (парикмахерские, кафе, рестораны, торговля), в виде легализации частнопредпринимательской деятельности. Допущение рыночных отношений необходимо было также для создания инструментов и каналов использования возможностей западных финансовых рынков для поддержания российской экономики, которая, как и прежде, до сих пор в основном контролируется государством.

Окончательно сформировавшаяся в настоящее время в России модернизированная модель советского социализма, с одной стороны, испытывает определенные кризисные явления в связи с падением цен на нефть и западными экономическими санкциями. С другой стороны, демонстрирует политическую устойчивость и достаточный запас экономической устойчивости. В этом плане можно сказать, что модернизация советской социалистической модели общества и экономики, я бы сказал, «левая модернизация» российской экономики, была проведена успешно.

Такая модель даже без дополнительной модернизации может просуществовать десятилетия и прерваться капиталистической революцией (построением демократических институтов западного типа и рыночной экономики либерального толка), когда и если вырастет достаточно мощный класс реальных предпринимателей (капиталистов), что само по себе является еще вопросом.

ПРОФСОЮЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ИХ РОЛЬ

М. С. Искалиева

TRADE UNIONS AS AN ELEMENT OF POLITICAL ORGANIZATION OF SOCIETY AND THEIR ROLES

M. Iskaliyeva

Аннотация: Статья посвящена профсоюзам как общественным организациям, в которых материализуются и институционализируются отношения и процессы гражданского общества, что подтверждает историко-политологический анализ становления и развития российского профсоюзного движения. С другой стороны, профсоюзы являются частью институциональной подсистемы политической системы, поскольку обладают нормативно-правовыми, утилитарными, организационными, идеологическими и иными ресурсами, определяющими их субъектность в политике, то есть позволяющими им выступать в качестве самостоятельных участников политического процесса, способных действовать самостоятельно и непосредственно влиять своими действиями на политическую жизнь.

Ключевые слова: профсоюзы, политические и экономические события, трудовые споры.

Abstract: The article is devoted to trade unions as social organizations, which are materialized and institutionalized relations and processes of civil society, which confirms the historical-political analysis of the formation and development of the Russian trade union movement. On the other hand, trade unions are part of the institutional subsystem of the political system, as have regulatory, utilitarian, institutional, ideological and other resources, determine their subjectivity in politics, that is, allowing them to act as independent political actors capable of acting independently and directly influence their actions on political life.

Keywords: trade unions, political and economic events, labor disputes.

Профсоюз – самая массовая общественная организация. Главная правовая особенность профсоюза – их право на представительство и защиту социально-трудовых прав и интересов работников. Они занимаются вопросами занятости, ведения коллективных переговоров, заключения соглашений, коллективных договоров и контроля их выполнения, урегулирования коллективных трудовых споров.

В последнее десятилетие наша страна переживает период сложных и противоречивых преобразований, которые радикально затронули все стороны общественной жизни. В политической сфере произошел переход от однопартийной государственной системы социалистического типа к президентской республике с парламентом, избранным на многопартийной основе. В социально-экономической области централизованная плановая экономика преобразуется во многоукладное, рыночное хозяйство.

Теоретическая интерпретация процессов такой глубины и масштабности является одной из наиболее сложных и дискуссионных областей современной политической науки. Существует целый ряд подходов и моделей научного анализа указанных процессов. Один из этих подходов состоит в анализе опре-

деленных субъектов политического процесса. Через исследования внутренней эволюции статуса, политических и идеологических ориентаций, форм и способов политического участия и т. д. этих субъектов, которые неизбежно происходят в ходе радикальных общественных перемен, можно лучше и точнее определить механизм и тенденции развития общества на данном этапе его истории[1].

К числу таких важнейших субъектов современной политической истории РФ следует, безусловно, отнести профессиональные союзы. Выбор именно этого субъекта политического процесса в качестве объекта исследования представляется особенно актуальным и научно значимым в силу ряда обстоятельств. Во-первых, профсоюзы среди других субъектов политического процесса (политические партии, общественные движения и т. д.) были и остаются наиболее массовыми организациями. По своим общественным функциям и задачам профсоюзы находят опору во всех слоях населения, во всех регионах, а в своих организационных структурах доходят до самых низовых ячеек общества, хозяйственной системы. Во-вторых, политико-идеологическая база профсоюзов обуславливается прежде всего повседневными нуждами и интересами людей, совокупностью требований по обеспечению и улучшению условий труда, быта и отдыха работников, т. е. совокупностью таких социально-бытовых условий, которые определяют повседневную жизнь максимального большинства людей. В-третьих, профсоюзы в настоящее время стали общественным инструментом, наиболее чувствительно реагирующим на частые и резкие повороты политического процесса. Изучение этих реакций может пролить свет на скрытые пружины политических изменений, тенденции политического развития. В-четвертых, в деятельности современных профсоюзов обнаруживается серьезное противоречие, заключающееся в реализации по преимуществу традиционной функции защиты экономических и социально-трудовых интересов работников, с одной стороны, и необходимостью активного политического участия в общественной жизни переходного общества в качестве непосредственных защитников наиболее насущных интересов трудящихся, с другой.

К основным правовым актам, определяющим статус профсоюза в РФ, на сегодня относятся: Конституция РФ, Международный пакт «О гражданских и политических правах» (1966). Положительное влияние профсоюзов на производительность частично объясняется тем, что профсоюзы выполняют функцию коллективного голоса, выступая от имени своих членов при разрешении трудовых споров, обсуждении улучшения условий работы и т. д. Это значит, что, если группа рабочих не удовлетворена условиями найма, у нее есть два возможных средства для выражения своего несогласия: «механизм добровольного увольнения» и «механизм устных контактов».

Механизм добровольного увольнения предполагает использование рынка рабочей силы – уход с настоящего места работы в поисках лучшего – в ка-

---

[1] Эренберг Р. Дж., Смит Р. С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. Гл. 13. М., Изд-во МГУ, 2000.

честве средства против «плохих» нанимателей и «плохих» условий работы. В отличие от этого метода механизм устных контактов включает в себя переговоры рабочих с нанимателями по поводу улучшения условий труда и разрешения трудовых споров[1].

Точнее говоря, профсоюзы могут способствовать уменьшению текучести рабочей силы двумя путями. Во-первых, профсоюзы используют механизм устных контактов вместо механизма добровольного увольнения с работы. Они эффективно регулируют производственные конфликты, которые в противном случае «разрешались» бы рабочим путем добровольного увольнения и изменения места работы.

Во-вторых, преимущество в зарплате членов профсоюза удерживает их от перехода на другую работу. Более высокая зарплата превращает фирмы, охваченные профсоюзом, в более заманчивое место работы. Сокращение текучести рабочей силы разными путями ведет к повышению эффективности.

Во-первых, в результате этого сокращения растет опыт рабочих, а следовательно, их производительность. Во-вторых, уменьшаются расходы фирмы на набор новых рабочих, на предоставляемый им испытательный срок и наем рабочей силы в целом. Наконец, сокращение текучести побуждает нанимателей более охотно вкладывать капитал в обучение (а следовательно, и в производительность) своих работников. Если, например, рабочий уходит с работы после года обучения, наниматель не получит никакой прибыли от повышения производительности его труда в результате обучения. Сокращение текучести увеличивает возможность того, что наниматели будут получать прибыли от любого вида обучения, которое они предоставят, и поэтому они более охотно повышают квалификацию своих рабочих.

Предшественниками профсоюзов в России принято считать стачечные комитеты, которые возникали в 1890-е. Профсоюзы в собственном смысле слова появились в нашей стране только во время революции 1905–1907. Именно в этот период сложились профсоюзные комитеты на крупных питерских заводах – Путиловском, Обуховском. 30 апреля 1906 в российской столице состоялось первое общегородское собрание рабочих – металлистов и электриков. Эту дату принято считать точкой отсчета истории профсоюзов нашей страны.

После 1917 характеристики советских профсоюзов стали резко отличаться от аналогичного института за рубежом. Не зря в ленинской концепции профсоюзы называли «школой коммунизма».

Важной отличительной чертой советских профсоюзов стала ориентация на проведение в массы трудящихся идеологии правящей партии. Профсоюзы являлись частью государственного аппарата – единой системой с четкой вертикальной иерархией.

---

[1] История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., 2000.

Хотя профсоюзы были неотъемлемой частью любого советского предприятия, они уделяли мало внимания своим классическим функциям – защите и представительству рабочих. Защитная функция сводилась к тому, что без официального (и, как правило, формального) согласия профсоюза администрация предприятия не могла уволить сотрудника или изменить условия труда.

Профсоюзы занимались проведением субботников, демонстраций, организацией социалистического соревнования, распределяли дефицитные материальные блага (путевки, квартиры, купоны на покупку товаров и т. д.), поддерживали дисциплину, проводили агитацию, занимались пропагандой и внедрением достижений передовиков труда, клубно-кружковой работой, развитием художественной самодеятельности в трудовых коллективах и т. п. В результате советские профсоюзы превратились по существу в социально-бытовые отделы предприятий.

Крах советской экономики вызвал тяжелейший кризис отечественных профсоюзов. Если раньше членство трудящихся в профсоюзах было строго обязательным, то теперь начался массовый отток рабочих, которые не видели никакой пользы числиться членами этой бюрократической организации. Проявлением отсутствия взаимосвязи между профсоюзами и рабочими стали забастовки конца 1980-х, когда традиционные профсоюзы оказались не на стороне трудящихся, а на стороне представителей государства.

Уже в последние годы существования СССР стало очевидным отсутствие реального влияния профсоюзов как в политической, так и в экономической сферах.

Усилению кризиса способствовали и нововведения в законодательстве, ограничивающие круг деятельности профсоюзов. На многих предприятиях они были просто распущены, вновь возникшие фирмы часто целенаправленно препятствовали созданию профсоюзных ячеек.

Только к середине 1990-х деградация российских профсоюзов затормозилась. Постепенно профсоюзное движение снова стало возвращаться на арену политических и экономический событий. Тем не менее, профсоюзы России так и не решили две насущные проблемы – какие функции им считать приоритетными и какой должна быть их автономность.

Развитие российских профсоюзов пошло двумя путями. Профсоюзы нового типа (возникшие в последние годы существования СССР альтернативные профсоюзы) ориентируются на выполнение классических функций, как в индустриальную эпоху на Западе. Традиционные профсоюзы (наследники советских) продолжают, как и ранее, помогать работодателям поддерживать контакты с работниками, приближаясь тем самым к профсоюзам японского типа[1].

---

[1] Галлин Д. Переосмыслить политику профсоюзного движения. – Трудовая демократия. Вып. 30. М., Институт перспектив и проблем страны, 2000.

Главное отличие альтернативных профсоюзов от прежних профсоюзов советского типа – это их негосударственный характер, независимость от руководителей предприятий. Состав этих профсоюзов уникален тем, что в их состав, как правило, не входят руководители. Освободившись от советского наследия, альтернативные профсоюзы столкнулись с новыми проблемами.

Таким образом, хотя современные российские профсоюзы объединяют очень большую долю работников наемного труда, их влияние на экономическую жизнь остается довольно слабым. Эта ситуация отражает как общемировой кризис профсоюзного движения, так и специфические особенности постсоветской России как страны с переходной экономикой.

На протяжении всей истории профсоюзного движения его экономическая роль была достаточно велика. Профсоюзы могут оказывать как положительное (например, увеличение заработной платы трудящихся), так и отрицательное (например, забастовки) воздействие на экономику.

До 60–70-х годов роль профсоюзов в обществе развитых стран неуклонно возрастала, следствием чего явилось существенное увеличение уровня жизни в этих странах (например, Швеция), после чего в ряде развитых стран (Великобритания) роль профсоюзов стала уменьшаться.

Несмотря на это профсоюзы остаются сильными как в развитых странах (особенно в континентальных странах, таких как Франция, Германия, Швеция), так и в новых индустриальных странах (Южная Корея). Имеются большие перспективы развития профсоюзов в развивающихся странах.

В Советском Союзе экономическая роль профсоюзов была невелика, они выполняли, в основном, роль социально-бытовых разделов. Профсоюзное движение современной России находится в глубоком кризисе и не выполняет полностью ни одну из основных функций профсоюза: защитную и представительскую.

Таким образов, влияние профсоюзов на экономику неоспоримо, поэтому изучение экономической роли профсоюзов остается актуальным и в наше время. Несмотря на то, что мировой тенденцией является сокращение роли профсоюзов, профсоюзное движение является большой силой на рынке труда и оказывает сильное влияние на экономику большинства развитых и развивающихся стран. Поэтому на сегодняшний день изучение экономической роли профсоюзов остается актуальным.

ОСОБЕННОСТИ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ[1]

Р. Р. Яппарова

FEATURES OF RURAL POVERTY IN CONDITIONS OF CRISIS IN THE ECONOMY

R. Yapparova

Аннотация: В статье на основе анализа статистических данных и результатов опросов раскрываются особенности бедности сельского населения, приведены результаты социологического исследования, позволяющего раскрыть глубину влияния кризисных явлений на социально-экономическое самочувствие сельчан.

Ключевые слова: бедность, уровень жизни, сельское население, прожиточный минимум, доходы, расходы, социальное самочувствие

Abstract: On the basis of statistical data analysis and the results of public opinion polls reveal features of rural poverty, the results of sociological research can reveal the depth of the impact of the crisis on the social and economic well-being of the villagers.

Keywords: poverty, standards of living, the rural population, the cost of living, income, expenses, social well-being

Сельские территории, на которых проживают около трети населения, по площади занимают $^{2}/_{3}$ территории Российской Федерации. Среди стран «большой восьмерки» Россия лидирует по доле жителей села в общей численности населения, а также по удельному весу занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике.

Одной из особенностей сельских территорий является то, что здесь хронологически кризис не совпадает с общероссийскими тенденциями. Можно сказать, что здесь уже на протяжении последних двадцати пяти лет идет бесконечный процесс кризиса. Указанное состояние вызвано, с одной стороны, развалом колхозов и совхозов, советского агропромышленного комплекса, с другой стороны, отсутствием адекватной комплексной политики по развитию сельских территорий.

Экономические условия жизни негативно влияют на материальное положение сельского населения. Несмотря на постепенный рост уровня жизни населения страны большинство сельского населения живет на грани бедности. Более того, само по себе проживание в сельской местности увеличивает риски попадания в группу бедных. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. 38,9% малоимущего населения страны проживало в

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-12-02018.

сельской местности. Причем 10% малоимущих проживают в сельских поселениях с численностью населения свыше 5 тыс., 17,7% – проживают в населенных пунктах с численностью населения от 1 тыс. до 5 тыс., 10,7% – в поселениях от 200 до 1 тыс. человек и 0,5% – менее 200 человек[1]. При этом доля сельского населения на 1 января 2015 г. по данным текущего учета в целом по Российской Федерации составила чуть более одной четверти населения – 26%. Расчет индекса риска бедности, определяемый как соотношение уровня бедности по конкретной демографической или социально-экономической группе населения к уровню бедности населения в целом, показывает, что чем меньше численность населения в населенном пункте, тем выше значение индекса риска бедности[2]. Для городских населенных пунктов свыше 1 млн. человек значение индекса риска бедности составляет 0,43, для малых городов с численностью населения менее ста тысяч и сельских населенных пунктов значение индекса уже составляет выше 1 (табл. 1).

Таблица 1

Индекс риска бедности по населенным пунктам с различной численностью населения в 2014 г.

Городские населенные пункты с численностью населения:	Значение индекса
свыше 1 млн. человек	0,43
от 500 тыс. до 1 млн. человек	0,53
от 250 тыс. до 500 тыс. человек	0,56
от 100 тыс. до 250 тыс. человек	0,97
от 50 до 100 тыс. человек	1,15
менее 50 тыс. человек	1,21
Сельские населенные пункты с численностью населения:	
свыше 5 тыс. человек	1,42
от 1 тыс. до 5 тыс. человек	1,52
от 200 до 1 тыс. человек	1,54
менее 200 человек	2,53

Располагаемые ресурсы и доходы сельских домашних хозяйств в 2014 г. составили чуть более 60% от ресурсов и денежных доходов городских домохо-

[1] Социально-экономические индикаторы бедности в 2011–2014 гг. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm.

[2] Чем выше значение индекса, тем больше данная группа представлена в бедном (малоимущем) населении. Значение индекса риска бедности выше 1 показывает, во сколько раз риск бедности для населения, группированного по месту проживания, превышает риск бедности для населения в целом.

зяйств[1]. Количество малообеспеченных сельчан постоянно в среднем на 10% выше, чем горожан. Почти четверть сельчан имеют доходы, не превышающие уровень прожиточного минимума. Более половины сельчан получают доходы ниже восстановительного уровня потребления, равного двум прожиточным минимумам.

Еще одной особенностью бедности на селе является специфика социальной дифференциации. В стране складывается все более углубляющаяся дифференциация в доходах населения. Сельское население, так же как и все российское, глубоко дифференцировано. Однако это неравенство относительно благополучных социальных групп и глубоко бедных. В городе в большей степени это дифференциация между очень богатыми слоями населения и относительно бедными.

Одними из основных причин низкого уровня жизни сельчан являются высокий уровень безработицы и низкая оплата их труда. Сельское население преимущественно занято в тех отраслях экономики, которые в целом традиционно являются наиболее низкооплачиваемыми: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства на протяжении ряда лет не достигала и 40% средней заработной платы по стране. В последние годы она составляет чуть более половины среднероссийского уровня оплаты труда.

Принято считать, что разница в доходах компенсируется наличием доходов от ведения личного подсобного хозяйства. Однако здесь ситуация неоднозначная. В районных центрах, крупных сельских населенных пунктах идет процесс сокращения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и объемов производства в них. Число домохозяйств, в которых личные подсобные хозяйства являются не только подспорьем в пополнении семейного бюджета, но и одним из основных источников доходов, постепенно сокращается. В большинстве сельских домохозяйств продукция ЛПХ используется только для потребления в семье и не является значимой частью ресурсов.

По результатам опроса сельских жителей, проведенного в 2012 г. автором статьи, лишь каждый одиннадцатый опрошенный указал, что большая часть его (его семьи) доходов формируется за счет реализации продукции лич-

---

[1] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm.

ного подсобного хозяйства. Регулярно продают продукцию ЛПХ лишь небольшая доля респондентов – 1,5–2%. Неразвитость системы продажи продукции личных подсобных хозяйств связана со многими факторами, среди которых основными являются отсутствие финансовых ресурсов для развития ЛПХ; низкие цены на сельскохозяйственную продукцию; низкая рентабельность, а порой и убыточность деятельности; трудности реализации небольших объемов продукции; отсутствие возможностей и дороговизна поездки на рынок, в город для реализации продуктов тяжелого труда.

Результатом низкого уровня жизни является также высокая доля безработицы среди сельского населения. Различные опросы показывают особую актуальность данной проблемы именно для сельчан. В условиях высокой безработицы сельские жители более ограничены в своем выборе профессии и работы. По результатам социологического исследования, проведенного в 2013 г. среди сельской молодежи, ради устройства на работу с высокой оплатой труда более одной трети респондентов согласны работать не по специальности, далеко от места проживания. Каждый четвертый готов на ограничение свободного времени, каждый пятый – на непрестижную, неинтересную работу.

Для характеристики бедности населения используются также показатели потребления. Стоит отметить, что, несмотря на повышение уровня жизни населения в динамике, структура использования доходов за последние два десятилетия не претерпела значительных изменений. Существенная часть доходов населения расходуется на текущее потребление: на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров. Лишь небольшая часть доходов расходуется на оплату таких услуг, которые могут оцениваться как вложение в человеческий капитал: на образование, рекреационные и оздоровительные услуги.

Структура потребительских расходов сельских семей показывает, что население в основном проедает свои доходы. По мнению известных американских экономистов Самуэльсона и Нордхаус, нищета начинается там, где на питание семья тратит уже более одной трети своих денежных доходов. Таким образом, потребительские расходы населения свидетельствуют о низком уровне жизни большинства жителей страны, особенно сельского населения.

Доля расходов на питание у горожан и сельчан составляет примерно треть от всех расходов. Доля расходов на питание выше у сельских жителей (в 2014 г. – 42,0%).

Горожане, в свою очередь, больше расходуют на непродовольственные товары (39,1%). В структуре расходов на услуги у сельчан, как и у горожан, преобладают расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг.

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в структуре расходов городского и сельского населений есть существенные различия: сельские жители намного меньше горожан расходуют на услуги в системе образования, услуги учреждений культуры, медицинские услуги.

Таблица 2

Располагаемые расходы на конечное потребление домашних хозяйств[1]

	Все домашние хозяйства		Домашние хозяйства, проживающие			
	2013 г.	2014 г.	в городской местности		в сельской местности	
			2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.
Располагаемые ресурсы – всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
из них:						
расходы на питание	33,2	33,9	31,3	**32,1**	41,8	**42,0**
расходы на непродовольственные товары	39,6	38,8	39,8	**39,1**	38,4	37,4
расходы на алкогольные напитки	1,6	1,7	1,7	1,7	1,6	1,7
расходы на оплату услуг	25,5	25,5	27,1	27,0	18,1	18,9
стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1

Причем если проследить расходы на образование, то сельское население из года в год сокращало свои расходы на эти виды услуг. Инвестиции в образование, здоровье являются основными формами вложений в развитие человеческого потенциала. Результаты социологических опросов также показывают, что сельчане часто отказываются от медицинских, оздоровительных и образовательных услуг по причине тяжелого материального положения. Это свидетельствует об ограниченных возможностях сельского населения, особенно молодежи, инвестировать в свое развитие. Таким образом, формируется порочный круг бедности сельского населения.

Низкие доходы не позволяют сельским жителям накапливать деньги на крупные покупки или услуги. Многие сельчане живут в долг. По данным Федеральной службы государственной статистики, удельный вес домохозяйств, имеющих долг по кредиту, ссуде или иным долговым обязательствам, в городской местности в 2014 г. составила 29,1%, в сельской

[1] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm

местности – 36,1%[1]. По результатам исследования, проведенного среди сельской молодежи в 2013 г. 40% респондентов брали денежные займы для улучшения жилищных условий, 15,1% для развития личного подсобного хозяйства, 12,4% для покупки автомобиля, 8,7% для оплаты образовательных услуг кого-либо из членов семьи, 7,2% для покупки лекарств, лечения, восстановления здоровья. Также среди отмеченных респондентами вариантов ответа были такие, как «для воспитания и обучения детей», «для организации и проведения свадьбы», «для ремонта», «для покупки зимней верхней одежды».

Подобная «долговая» стратегия в условиях неоправданно высоких процентных ставок на заемные средства не способствует развитию потенциала сельской молодежи. В молодом возрасте, характеризуемом более низким уровнем собственных доходов и активным потребительским поведением, вынужденное осуществление высоких затрат по выплате кредитов, ссуд и других долговых обязательств влияет на отсутствие дополнительных средств для развития человеческого потенциала.

Уровень необходимых домохозяйствам денежных средств, чтобы жить очень хорошо, хорошо или удовлетворительно, различается в зависимости от места проживания респондентов. Так, в 2014 г. для того, чтобы жить очень хорошо, сельским жителям оказалось достаточно 66780 рублей в месяц в среднем на члена домохозяйства, в то время как для горожан – 106040 рубля. Таблица 3 показывает, насколько различны представления горожан и сельчан об уровне необходимых денежных средств для жизни, свидетельствует о заниженных притязаниях сельских жителей.

Таблица 3

Уровень необходимых домохозяйствам денежных средств, чтобы жить очень хорошо, хорошо или удовлетворительно[2] (в среднем на члена домохозяйства в месяц)

	Все домашние хозяйства		Домашние хозяйства, проживающие			
			в городской местности		в сельской местности	
	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.

[1] Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2014 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm.

[2] Социально-экономические индикаторы бедности в 2011–2014 гг. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_102/Main.htm.

Окончание табл. 3

Уровень денежных средств, необходимый для того, чтобы жить:						
очень хорошо	88428	95890	96630	106040	64984	66780
хорошо	51974	58007	56815	64022	38148	40772
удовлетворительно	29369	33484	32027	36936	21803	23550
располагаемые ресурсы	21198	22890	23645	25347	14192	15802

В условиях современного кризиса негативные тенденции, наблюдаемые на селе, особенно углубляются. Для того чтобы выявить влияние кризисных процессов на материальное положение сельского населения, отделом социально-экономических исследований Научно-исследовательского центра проблем управления и государственной службы БАГСУ в рамках работы над грантом РГНФ в апреле 2015 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, в ходе которого было опрошено 640 сельских жителей из пятнадцати муниципальных районов республики.

По результатам опроса более половины сельчан отметили, что их нынешнее материальное положение стало хуже, чем оно было год назад, причем 24,2% указали на значительные ухудшения. При этом почти треть респондентов ответили, что их материальное положение не изменилось.

Среди наиболее волнующих проблем более всего сельчан закономерно беспокоил рост цен (80,7%). Почти половину опрошенных тревожит безработица (45%), четверть респондентов – возможные военные конфликты (24,8%), еще 20,1% – качество работы больниц и поликлиник (табл. 4).

Таблица 4

Наиболее волнующие сельчан проблемы

Варианты ответов	Абсолютное значение	% к ответам
рост цен	**486**	**80,7%**
безработица	**271**	**45,0%**
падение курса рубля	108	17,9%
приток мигрантов с Украины	70	11,6%
качество работы больниц и поликлиник	**121**	**20,1%**
возможные военные конфликты	**149**	**24,8%**
коррупция	61	10,1%
состояние экологии	45	7,5%
ситуация в сфере ЖКХ	63	10,5%
хамство, неуважение и агрессия людей друг к другу	98	16,3%
беззаконие и произвол правоохранительных органов	39	6,5%
международная изоляция России	29	4,8%

Окончание табл. 4

алкоголизм	89	14,8%
наркомания	86	14,3%
другое	8	1,3%
все беспокоит	3	0,5%
всего	1726	286,7%

Из негативных последствий кризиса респондентов более всего волнует проблема снижения доходов (43%). Почти треть опрошенных боятся потерять работу, переживают о возможных вынужденных отпусках, возможном сокращении рабочего дня. Почти четверть респондентов беспокоятся о том, что кризисные явления в экономике вызовут чувство тревоги и депрессии у людей. Примерно столько (23,3%) волнуются по поводу трудностей с выплатой взятых кредитов, а 16,1% испытывают дискомфорт из-за задержек заработных плат, пенсий, стипендий, пособий и других выплат. В то же время возможный дефицит товаров (продуктов, лекарств и т. д.) или митинги, волнения, демонстрации населения беспокоят население в меньшей степени (чуть более 5% на каждый вариант ответа).

Тревоги сельских жителей по поводу негативных изменений на рабочих местах не случайны. С момента начала кризиса у каждого пятого респондента снизилась заработная плата, 8,7% отметили, что потеряли работу. Заработную плату задерживали 4,6% респондентам. Еще 3,7% опрошенных стали напряженнее работать, так как работодатель повысил нагрузку, удлинил рабочий день в основном за счет сокращения кого-то из сотрудников. Более четверти опрошенных (26,3%) отметили, что кризис не отразился на их трудовой деятельности. Некоторые респонденты впервые слышали про кризис из уст анкетеров.

По результатам социологического опроса, 65% респондентов расходовали на питание свыше 50% своих доходов. Из них почти 20% опрошенных тратили на питание две трети всех расходов. Подобная структура расходов значительно ограничивает возможности сельского населения, так как большая часть доходов расходуется на питание и обязательные платежи.

Одним из важнейших показателей уровня и качества жизни является структура питания населения. По ответам респондентов оказалось, что 41,8% опрошенных в связи с повышением цен отказались или существенно ограничили потребление фруктов, более четверти опрошенных ограничили потребление мяса и рыбы, 15,7% – потребление молочных продуктов (сыров, творога, сливочного масла). Таким образом, налицо снижение покупательской способности и изменение потребительского поведения сельских домохозяйств, что говорит о существенном и резком понижении уровня жизни населения.

Несмотря на негативные процессы в экономике на момент опроса не наблюдалось резких изменений в социальном самочувствии населения, а именно в уровне удовлетворенности людей своей жизнью в целом. Половина сельчан

(49,2%) своей жизнью в целом удовлетворена, при этом 19,4% удовлетворена своей жизнью в полной мере. Более трети опрошенных 35,3% отметили вариант ответа «как удовлетворен(а), так и не удовлетворен(а)» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос
«В какой мере Вы удовлетворены своей жизнью в целом?»

Варианты ответов	Частота	Процент
удовлетворен в полной мере	124	19,4
в большей мере удовлетворен	191	29,8
как удовлетворен, так и не удовлетворен	211	33,0
в большей мере неудовлетворен	44	6,9
не удовлетворен	28	4,4
затрудняясь ответить	42	6,6
итого	640	100,0

Таким образом, кризисное состояние села в условиях новых вызовов усугубилось и наблюдается тенденция дальнейшего ухудшения жизни на селе. Для того чтобы решить проблему, необходимо разработать адекватную государственную комплексную социальную программу развития сельских территорий. Данная программа должна учитывать сложившийся веками иждивенческий менталитет сельчан и уже сформировавшуюся здесь у большинства населения субкультуру бедности.

ДУХОВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНЕ

Я. А. Скрябина

SPIRITUAL MALAISE OF THE RUSSIAN POPULATION AS ONE OF THE CAUSE OF THE DEMOGRAPHIC CRISIS IN COUNTRY

Y. Skryabina

Аннотация: В статье рассматривается духовное неблагополучие россиян как одна из причин демографического кризиса в стране. Изменение духовных и культурных норм отразилось на демографических процессах – рождаемости, смертности, брачности, разводимости. Предлагается формировать в обществе нравственные установки.

Ключевые слова: демографический кризис, рождаемость, смертность, семейные отношения, ценности.

Abstract. The article discusses the spiritual malaise of Russian as one of the causes of the demographic crisis in the country. Changing religious and cultural norms impact on the demographic processes – birth, death, marriage, divorce. It is proposed to form the social moral system.
Keywords: demographic crisis, birth rate, mortality, family relationships, values

Минувшее столетие стало для России временем демографических преобразований или демографического перехода, в результате чего в стране установился новый тип воспроизводства населения, преобладающий во всех промышленно развитых странах – суженное воспроизводство, когда поколение детей не заменяет поколение родителей. В начале 1990-х гг. Россия вступила в период длительной депопуляции. Депопуляционные процессы наблюдаются практически во всех развитых странах мира. Только в отличие от стран Западной Европы в России низкая рождаемость сопровождается высокой смертностью. Если сохранится такой уровень рождаемости и смертности, то наша страна уже очень скоро столкнется с проблемой вырождения россиян.

Демографические перемены, происходившие в течение XX в., возможно, были не столь явными, как экономические или политические, но они незаметно затрагивали многие стороны человеческого существования, коренным образом меняли поведение людей в самых интимных областях их существования, меняли отношение к рождаемости, смертности, брачности, разводимости через индивидуальное и общественное изменение духовных и культурных норм. Пересмотр жизненных ценностей, нравственных устоев, всего мировосприятия отрицательно сказался на сексуальном, семейном, жизнеохранительном, миграционном поведении россиян. Возник новый тип личности человека с его новым интеллектуальным и духовным миром.

Что мы имеем сегодня? Последние 25 лет нам усиленно навязывается такой образ жизни, который отрицательно влияет на демографическую ситуацию. Средства массовой информации на нас давят, обрушивая поток негативной информации, особенно на детей и подростков. Происходит подмена традиционных российских культурных ценностей. Сегодня все сводится к зарабатыванию денег, а человеческая жизнь обесценивается.

Неслучайно некоторые российские ученые предполагают, что одной из основных причин демографического кризиса в России является «духовное неблагополучие населения»[1].

Рассмотрим, как разрушение привычной для российского населения духовно-интеллектуальной и культурной сферы проецировалось на демографические процессы.

Анализ изменений в сфере семейно-брачных отношений, в репродуктивном поведении, происходивших в России на протяжении XX в., показал,

---

[1] Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2007. С. 37.

что «Россия все время следовала по общему с западными странами пути»[1]. Отличие России состоит в том, что развитие ее экономики отставало от наиболее развитых в промышленном отношении капиталистических стран на 50-100 лет. Именно этим можно объяснить, что и демографические перемены коснулись России почти на 100 лет позже, чем стран Западной Европы. Но мы не просто шли по проложенной дороге, повторяя демографический путь других стран. Демографическая модернизация России имеет свои отличительные черты, связанные с множеством конкретных исторических событий, с политической обстановкой, с традициями, с темпами индустриализации, урбанизации и т. д. Социальные, политические и идеологические особенности советского периода, резкие изменения законодательства в области семейно-брачных отношений накладывали отпечаток на формирование семьи, создавая своеобразную российско-советскую модель, но в целом имеющую общие черты с другими странами.

Разрушение прежних социальных норм брачно-семейного поведения отчетливо проявилось в 90-е гг. прошлого века. Российское общество оказалось весьма восприимчиво не только к западным ценностям, но и к нормам демографического поведения, т. е. ко всем действиям, связанным с воспроизводством населения и миграцией населения, а также с социальной мобильностью.

В этот период произошла не только трансформация матримониального поведения россиян, выразившаяся в стремительном сокращении числа регистрируемых брачных союзов при одновременном росте так называемых гражданских или незарегистрированных браков, увеличении разводов, внебрачных рождений, но и изменилось отношение к добрачным и внебрачным связям, к рождению детей вне брака. Если «в начале XX в. главной и почти единственной причиной прекращения брака в России была смерть одного из супругов», а сам развод считался тягчайшим грехом[2], то сегодня общество спокойно относится к расторжению брака.

Социально-экономические особенности переходного периода привели к тому, что стремительно возросло разнообразие объектов, способных удовлетворять человеческие потребности. В новых условиях была утрачена основа привычного существования, сменились жизненные ориентиры, что привело к «девальвации» семейных ценностей.

Повышение среднего возраста вступления в первый брак свидетельствует о формировании новой модели брачности, отличной от существовавшей в России практически на протяжении всего XX века. Молодые россияне берут пример со стран Европы и США, где подавляющее число первых браков за-

---

[1] Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 137.

[2] Там же. С. 96–127.

ключается либо ближе к 30 годам, либо после 30 лет. Причина постарения брачности кроется в увеличении длительности получения профессионального образования, предпочтительности карьерного роста, распространении неформальных союзов в молодом возрасте, потеснивших традиционный брак в качестве единственной формы начала семейной жизни.

Одним из проявлений трансформации прежних жизненных ориентиров выступает рост числа разводов. Уровень разводимости определяется многими обстоятельствами, среди которых ведущую роль играют социально-культурные нормы, свойственные данному этапу общественного развития той или иной страны, господствующие формы брака, положение женщины в обществе, образ жизни семьи. Большое значение имеет существующее в стране законодательство о расторжении брака, отражающее социально-культурные нормы и религиозные установки.

К середине 1990-х гг. коэффициент разводимости в России по сравнению с 1960 г. вырос почти в 5,3 раза, в 1990 г. на 1000 браков приходилось 420 разводов, в 1995 г. – 610, в 2014 г. – 566[1]. Как видим, регистрируемое ежегодно число разводов последние 25 лет в России неизменно находится на достаточно высоком уровне.

Причину непрочности, недолговечности современных брачных союзов, на наш взгляд, можно объяснить тем, что наше государство крайне ослабило духовную ориентированность российского общества, утрачены национальные культурные ценности, материальное потребление главенствует над идейно-духовными ценностями, практически отсутствует целостная система воспитания детей, подростков и молодежи, не прививаются семенные ценности, в обществе не формируется положительный образ семьи, состоящей в зарегистрированном браке и имеющей несколько детей. В современной России широкое распространение получила новая модель близких отношений между мужчиной и женщиной – незарегистрированные интимные союзы.

Негативные изменения, происходящие в матримониальном поведении, в брачности и брачной структуре населения оказывают непосредственное влияние на уровень рождаемости. Исследователями, учеными-демографами установлено, что большинство детей рождается в официально зарегистрированных браках[2] или в брачных союзах, регламентированных обществом, частота рождения детей у женщин, состоящих в браке, намного выше, чем у женщин, не состоящих в браке[3], т. е. воспроизводство поколений осуществляется в основ-

---

[1] *Рассчитано по*: Демографический ежегодник России: стат. сб. М., 1996. С. 132; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.

[2] Волков А. Г. Семья – объект демографии М., 1986. С. 100; Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосибирск, 2001. С. 12; Дарский Л. Е. Плодовитость браков в СССР // Факторы рождаемости / под ред. А. Г. Волкова. М., 1971. С. 5.

[3] Курс демографии / под ред. А. Я. Боярского. М., 1967. С. 197.

ном через брак[1]. В последние 25 лет в структуре потребностей россиян перевешивают внесемейные ценности, престиж материального благополучия, потребность в самореализации и т. д., поэтому рождение не то что второго, но и даже первого ребенка оказывается помехой на пути к реализации этих потребностей.

Еще один момент, который явно свидетельствует о духовном неблагополучии российского населения, – это аборты, число которых в последние годы значительно сократилось, но, тем не менее, их уровень остается высоким. Число совершаемых ежегодно абортов является ярким показателем репродуктивной деградации[2]. Большинство женщин, которые искусственно прерывают беременность, находятся в самом активном репродуктивном возрасте – 18–25 лет. Это результат недостаточного сексуального воспитания молодежи, рекламы медицинских услуг по проведению абортов как легкого способа решения проблемы нежелательной беременности и в целом отсутствия стратегии контрацептивного поведения. Таким образом, причина, почему беременность заканчивается абортом, кроется не в том, что у ребенка должен быть обязательно отец или матери-одиночке трудно будет в материальном отношении вырастить ребенка, или она не сможет одна воспитать должным образом и т. п., а в том, что существенным образом изменилась система ценностей, прежде всего семейных, а вслед за этим изменилась и структура потребностей, повлияв на отношение к деторождению и репродуктивное поведение.

Своеобразным индикатором духовно-психологической устойчивости общественных систем выступает число самоубийств[3].

Особую тревогу вызывают случаи суицида у детей и подростков. В целом по данным Роспотребнадзора, Российская Федерация занимает первое место в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков. Во многих случаях суициды подростка – это привлечение к себе внимания и крик о помощи. Взрослые чаще всего недооценивают те проблемы, с которыми сталкиваются подростки, воспринимая подростковый период за самое беззаботное время. Ситуация с детскими и подростковыми суицидами является крайне неблагополучной и требует создания системы профилактики суицидального поведения у детей и подростков, в т. ч. в дневных общеобразовательных учреждениях необходимо ввести в штат не просто психолога, а специалиста по кризисным ситуациям, который профессионально проконсультирует детей, подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, поможет и поддержит ребенка, поймет глубину его переживаний и эмоций.

---

[1] Волков А. Г. Указ. соч. С. 107.

[2] Анализ демографической ситуации: тенденции и последствия [Электронный ресурс]. Дата публикации:13.03.2006. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=322.

[3] Государственная политика вывода России из демографического кризиса / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2007. С. 352–354.

В связи с остротой проблемы хотелось бы отметить, что в настоящее время на детей и подростков обрушивается масса негативной информации, распространяемая с использованием СМИ, сетей Интернет, рекламы продукции и услуг, компьютерных игр, аудио- и видеоматериалов, которая оказывает психотравмирующее и развращающее влияние, побуждает несовершеннолетних к агрессивному, жестокому, рискованному, антиобщественному поведению[1]. Для защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, Статья 14.1 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ[2] предоставляет всем субъектам возможность самостоятельно регулировать правоотношения в сфере информационной безопасности детей[3], а органы местного самоуправления на своем уровне также могут принимать соответствующие акты. Таким образом, дети и подростки должны быть защищены от информации, побуждающей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и/или здоровью, в т. ч. подталкивающих к суициду.

Выделяя духовное неблагополучие российского населения как одну из причин демографического кризиса в стране, на наш взгляд, для формирования в обществе нравственных, в том числе семейных ценностей, установок на создание полной, состоящей в законном браке, семьи с тремя детьми, здорового образа жизни необходимо пересмотреть, во-первых, государственную политику в сфере СМИ, роль которых в современном информационно насыщенном обществе крайне велика; во-вторых, государственную политику в области образования; в-третьих, скорректировать молодежную политику.

Российское законодательство, гарантируя свободу деятельности СМИ и запрещая их цензуру, не защищает наше общество от потока информации, пропагандирующей культ жестокости, насилия, порнографии. Возникает неосознанное желание подражать такому поведению, которое приводит к моральной деградации личности. Возможно, осознавая всю серьезность опасности сверхнизкой рождаемости, массовой малодетности, сверхсмертности в трудоспособном возрасте для будущего России, есть смысл создать действенный контрольный орган за деятельностью СМИ. Такие органы с эффективным

---

[1] Туманин С. С. Обеспечение правовой защиты несовершеннолетних от воздействия информации, наносящей вред их здоровью и нравственному развитию // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 4 (38), С. 70–74.

[2] Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Закон Республики Башкортостан от 04.03.2014 № 62-з «О внесении изменений в Закон Республики Башкортостан «Об основных гарантиях прав ребенка в Республике Башкортостан» (принят Государственным Собранием – Курултаем РБ 27.02.2014) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

опытом работы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью СМИ, имеются во многих странах. Например, во Франции это Высший совет по аудио- и аудиовизуальным СМИ, одна из функций которого заключается в защите интересов детей.

Дошкольные и школьные образовательные программы должны сосредоточить внимание на духовном воспитании, на формировании у подрастающего поколения представлений о крепкой семье с несколькими детьми, на приоритетности здорового образа жизни, на обучении основам семейной жизни. По мнению митрополита Калужского и Боровского Климента, школа призвана в первую очередь воспитывать в ребенке носителя духовных и культурных ценностей своего народа, глубоко знающего и трепетно относящегося к своей истории, вере и культуре[1]. Здесь же хотелось бы отметить, что традиционные религии в России, поддерживая и повышая уровень духовности в обществе, защищая традиционные духовные ценности российского народа, способны оказать воздействие на желание иметь детей.

Изменения в общественно-политическом устройстве и социально-экономическом развитии страны отразились на молодом поколении, привели к межпоколенческим конфликтам, повлияли на содержание внутрисемейных отношений, на социальные нормы, регулирующие ценностные ориентации, на жизненные планы, в целом на поведение молодых людей. Именно молодежь легко воспринимает все происходящие в обществе перемены и быстро приспосабливается к ним. Таким образом, учитывая тот фактор, что современная российская молодежь может нести в себе не только потенциал позитивных перемен, но и возможный фактор социальной нестабильности, следует с помощью продуманной молодежной политики повлиять на образ мысли и жизни молодых людей. Молодежная политика обязательно должна быть частью стратегии социально-экономического развития страны, ее регионов и построена так, чтобы молодежь осознавала, что от нее зависит будущее России.

В целом в России должна быть сформирована государственная идеология, ориентированная на духовное развитие личности, на обеспечение защиты нравственности, культуры, здоровья, уравновешенного психологического состояния граждан.

---

[1] Климент, митрополит Калужский и Боровский. Роль православия в формировании системы духовно-нравственных ценностей современного общества. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/295822.html

КРИЗИС 2014 ГОДА В РОССИИ: ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Д. В. Ширяков

THE CRISIS OF 2014 IN RUSSIA: POSSIBLE FUTURE TRANSITION TO SOCIAL AND POLITICAL INSTABILITY

D. Shirjakov

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению влияния экономического, финансового и внешнеполитического кризиса на состояние политической системы РФ, а также перспективам развития внутриполитического кризиса в России и переходу к социально-политической нестабильности.

Ключевые слова: кризис, нестабильность, политическая система, Россия, внутренняя политика.

Abstract: The article considers the impact of economic, financial and foreign policy crisis on the political system of the Russian Federation, as well as prospects for the development of the political crisis in Russia and the transition to a socio-political instability.

Keywords: crisis, the instability, political system, Russia, domestic politics.

События 2014 года стали переломными для истории новой России, создав внутри страны тенденции для роста социальной напряженности и формирования социально-политической нестабильности.

Понятие политической стабильности подразумевает сохранение обществом, государством, политической системой существующих институтов и их функций, ценностей, норм, ролей в постоянно меняющихся условиях. Социально-политической нестабильностью является утрата политической системой равновесия и прекращение ее функционирования, что выливается в мятежи и восстания, стачки, общественные и реформаторские движения, государственные перевороты (элитарный переворот). Апофеозом нестабильности является революция – попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая мобилизацией масс и неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть[1].

Любой революции предшествует революционная ситуация (или неустойчивое равновесие) – совокупность объективных условий, выражающих кризис данного общественного строя и определяющих возможность революции[2].

---

[1] Голдстоун Д.А. К теории революции четвертого поколения [Текст] / пер. с. англ. Н. Эдельмана // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58–103; Голдстоун Д. А. Революции. Очень краткое введение [Текст] / пер. с. англ. А. Яковлев. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

[2] Ленин В. И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Изд-во политической литературы, 1969. – С. 209–265.

Условиями неустойчивого равновесия являются[1]: 1) экономические и фискальные проблемы; 2) отчуждение и сопротивление элит; 3) революционная мобилизация, опирающаяся на народное возмущение несправедливостью; 4) разделяемый всеми нарратив сопротивления (идеология); 5) благоприятная международная обстановка.

Однако для складывания неустойчивого равновесия еще нужны следующие структурные причины[2]: 1) демографические сдвиги; 2) изменения в системе международных отношений; 3) неравномерное экономическое развитие; 4) новые способы вытеснения или дискриминация в отношении отдельных групп; 5) эволюция персоналистских режимов.

Кризис международных отношений России и Запада, а также экономический и финансовый кризисы способствовали складыванию причин и условий социально-политической нестабильности. Однако на данный момент не все причины и условия проявляются или вообще возможны. Так, причина «демографический сдвиг» как количественное увеличение населения в РФ, на данный момент, не играет важной роли, поскольку страна переживает демографический кризис. Тем не менее, рассматривая эту проблему с точки зрения качества, необходимо отметить, что вследствие миграционных процессов произошла деформация этнонационального состава населения. Особенно в городах – территориях высокой концентрации людей, что ведет за собой возникновение ряда проблем и конфликтов, проявляющихся на бытовом уровне[3].

Вторая структурная причина – изменение системы международных отношений, которая проявилась больше остальных в виде охлаждения отношений между Россией и странами Запада, в борьбе санкций и эмбарго, а также информационной войне.

Третья структурная причина – «неравномерное экономическое развитие» – тесно связана с условием неустойчивого равновесия, а именно с «экономическими и фискальными проблемами». Также учитывая, что в 2014 году в РФ начался экономический кризис, то это условие и причину необходимо рассматривать в качестве совокупности – «экономические проблемы». Анализируя динамику ключевых показателей экономики РФ, можно согласиться с рядом экспертов, которые утверждали, что Россия входила в кризис с 2012 года (ежегодный прирост ВВП сокращался: 4% роста в 2012 году, 1,3% – в 2013-м и 0,6% – в 2014-м). Кризис же в международных отношениях 2014 года только усилил падение экономики. Режим санкций отрезал российские компании от ряда современных технологий, в том числе и сырьевых, а также от зарубежно-

---

[1] Голдстоун Д. А. Революции. Очень краткое введение [Текст] / пер. с. англ. А. Яковлев. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

[2] Там же.

[3] Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «ПЕРСПЕКТИВЫ». – 28.04.2013. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/demo/perepis_2010_etnicheskij_srez_2013-04-28.htm

го кредитования и реструктуризации долгов. Вдобавок произошло падение национальной валюты в 2 раза, обрушение цен на нефть (ключевой доход бюджета РФ), повышение ключевой ставки ЦБ, а вместе с тем ставок по кредитам и ипотекам. Результатом кризиса для широких масс населения стали: уменьшение роста доходов населения, рост инфляции до 11%, снижение зарплат на 9% и задержка ее выплаты, рост просроченных кредитов на 41% (12,7 млн. чел.), рост безработицы (пик роста на 12% в первом квартале 2015 года), рост цен на продукты питания на 20–25%, а также бегство капитала увеличилось в 2,5 раза ($151,5 млрд. (2014) / $61 млрд. (2013))[1].

Четвертая структурная причина – вытеснение и дискриминация отдельных групп – на данный момент проявлена особенно остро. Эта проблема, зародившаяся в период украинского кризиса и предшествовавших ему цветных революций и арабской весны, приобрела традиционную для российского общества борьбу славянофилов-государственников с западниками. Так, государственники на разных уровнях прямо говорят, что в РФ сформирована пятая колонна (западники), которая готовит цветную революцию с целью подчинить Россию странам Запада. Таким образом, на данный момент ярко выраженной группой, подвергающейся открытой дискриминации и вытеснению, являются западники, которые преимущественно сконцентрированы вокруг «болотной» оппозиции. Остальные же группы, подвергающиеся вытеснению, либо не осознали себя как группу, либо малы и не могут широко заявить о своей позиции, либо вынуждены входить в состав уже вытесняемых групп[2].

Пятая структурная причина – эволюция персоналистских режимов подразумевает собой консервацию и качественную деградацию политической надстройки. Если рассматривать структуру политической надстройки РФ, то она за последнее десятилетие качественно не изменилась. Однако нынешний режим претерпел формальные и идеологические изменения, выразившиеся в усилении консервативного и евразийского векторов, направленности на «суверенную демократию», а также усилении популярности национального лидера. В последние несколько лет добавился нарратив борьбы с Западом[3].

---

[1] Кондратьев В. Б. Кризис 2014 года в России как итог пороков экономической политики [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «ПЕРСПЕКТИВЫ». – 04.02.2015. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/krizis_2014_goda_v_rossii_kak_itog_porokov_ekonomicheskoj_politiki_2015-02-04.htm

[2] Кобяков А., Черемных К., Восканян М. Линии раскола в российском обществе [Электронный ресурс] // Изборский клуб – Институт динамического консерватизма. – Режим доступа: http://www.dynacon.ru/content/articles/3263/

[3] Лауринавичюс М, Кащюнас Л, Кяршанскас В. Пирамида путинской власти: кто на самом деле управляет Россией? [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – 05.08.2014. – Режим доступа: http://inosmi.ru/russia/20140805/222160424.html; Марголина С. Путинская идеология «Великой России» в Евразии: белые победили // Сетевое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – 03.12.2014. – Режим доступа: http://inosmi.ru/world/20141203/224669217.html

Логической ступенью анализа является рассмотрение условий неустойчивого равновесия. На данный момент явно сложилось 2 условия – экономические проблемы (экономический и финансовый кризис) и международная обстановка (противостояние с Западом).

Третье условие – отчуждение и сопротивление элит, на данный момент, неявно, поскольку истеблишмент на всех уровнях выказывает поддержку нынешнему курсу государства и консолидированно выступает за продолжение внешней политики, обозначенной в 2013–2014 годах. Однако в отношении внутреннего развития страны существует борьба элитарных групп, которая выражается в форме коррупционных скандалов, борьбы вокруг антикризисного плана, конструирования будущей модели экономики и распределения ресурсов[1].

Четвертое условие – мобилизация широких масс, опирающиеся на народное возмущение, также не проявлено. За 2014–2015 год не было масштабных массовых выступлений на социальной почве, только на политической – антивоенные марши, вызванные украинским кризисом. Однако ухудшающаяся социально-экономическая обстановка спровоцировала рост локальных социальных протестов, выразившихся в забастовках и пикетах независимых профсоюзов, рабочих, врачей и учителей, водителей, маршах пустых карманов. Всего за 2014 год произошло 293 социальных протеста, 24,2 в среднем за месяц (максимальные значения за период 2008–2014 гг.)[2].

Пятое условие – разделяемый всеми нарратив сопротивления, также является спорным. Поскольку в общественном дискурсе фигурирует несколько нарративов: борьба с персоналистским режимом и системой в принципе (идеология либеральной оппозиции), борьба с деятельностью либерального правительства и за реформирование существующей системы, также существует нарратив этнонационального противостояния внутри страны и славянского единства[3].

Таким образом, анализ структурных причин и условий крайней стадии нестабильности показали, что на данный момент не все причины и условия окончательно сложились. Некоторые же из уже присутствующих не отвечают общественному запросу. Также необходимо отметить ряд факторов, сдерживающих рост нестабильности:

---

[1] О чем не пишут в России: крупнейшая с 1930-х годов война элит в России [Электронный ресурс] // Forbes. – 13.11.2012. – Режим доступа: http://www.forbes.ru/news/205703-o-chem-ne-pishut-v-rossii-kak-sumoist-iz-mongolii-stal-odnim-iz-bogateishih-lyudei-stran

[2] Бизюков П. В. Мониторинг ЦСТП «Трудовые протесты в России», январь 2015 г. [Электронный ресурс] // Центр социальных трудовых прав (ЦСТП): официальный сайт. – Режим доступа: http://trudprava.ru/monitoring/1377

[3] В центре Москвы завершилась акция КПРФ против политики правительства [Электронный ресурс] // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». – 01.03.2015. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54f306bb9a794730bab96337; «Русский марш» против «Русской весны»? [Электронный ресурс] // Правда.Ру. – 10.10.2014. – Режим доступа: http://www.pravda.ru/politics/parties/other/10-10-2014/1230494-rusmarsh-0/

– рост патриотических чувств;
– деятельность СМИ и пропаганды;
– устойчивость политической культуры;
– начало нового электорального цикла;
– отсутствие реального оппозиционного субъекта;
– сохранение консолидации элит и сильного аппарата принуждения.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на наличие ряда структурных причин и условий крайней формы нестабильности, политическая система современной России остается устойчивой. Так, не выполняется условие «сопротивление элит» (сохраняется их консолидация), которое является вторым ключевым условием после «экономических проблем» (уже существующих). Весомый вклад в поддержание стабильности системы вносит официальная пропаганда, а также политическая культура и международная обстановка, которые консолидируют и сплачивают большую часть общества, играют на ряде общественных стереотипов, создавая тем самым идеологическую базу поддержки режима. Также устойчивость политической системы обусловлена отсутствием оппозиционного субъекта в среде народных масс, а уже существующие либо дискредитированы, либо не обладают необходимой силой и ресурсами.

Однако, несмотря на сохраняющиеся устойчивость, кризис в экономическом базисе может привести к усилению протестной активности (уже существующей), переходу от локальных к межрегиональным и федеральным протестам, а также от трудовых, экономических и социальных к политическим. В таком случае, при сохранении существующей международной обстановки и нарратива противостояния с Западом, возможна победа нарратива «смены либерального правительства», а также победы ряда оппозиционных сил в рамках очередного электорального цикла на разных уровнях. Тем не менее, подобный сценарий не подразумевает структурных и качественных изменений в политической надстройке. Следовательно, существующий тренд не несет крайней формы социально-политической нестабильности, но предполагает выход социальной энергии в форме протестов и возможные формальные изменения политической системы России.

ФЕНОМЕН МНОГООБРАЗИЯ ТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА НА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БЫВШЕГО СССР

А. М. Шаяхметов

THE PHENOMENON OF DIVERSITY OF TYPES OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE POST-SOCIALIST AREA OF THE FORMER USSR

A. Shayakhmetov

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению многообразных систем политического лидерства, сложившихся за 25 лет постсоветских трансформаций. Сложный и противоречивый процесс национально-государственного строительства, с которым впервые в истории столкнулись многие республики, находился под значительным влиянием идей социализма и советских традиций политического менеджмента. Часть стран поставили перед собой задачу преодоления советского опыта, некоторые из них взяли его на вооружение. Тем не менее, трансформационный процесс продолжается и сейчас наступает ключевой момент институционального оформления специфического стиля политического лидерства в каждой из стран.

Ключевые слова: политическое лидерство, социализм, вождизм, авторитаризм, демократия, СССР, постсоветское пространство

Abstract: The article considers the diverse systems of political leadership, developed over 25 years of post-Soviet transformation. The complicated and contradictory process of political development, which the most of the republic have faced for the first time in history, was strongly influenced by the ideas of socialism and the Soviet traditions of political management. Some countries have set themselves the task of overcoming the Soviet experience, some of them took it on board. However, the transformation process continues, and now is the key moment of the institutional forming of a specific style of political leadership in each country.

Keywords: political leadership, socialism, authoritarianism, democracy, Soviet Union, post-soviet area

XX век в мировой истории ознаменовался рядом уникальных драматических событий, не имевших аналогов никогда прежде. Особое место среди них занимает первая попытка реализации идеи социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик – принципиально новой общественно-политической формации. Дезинтеграционные процессы, начавшиеся в СССР на стыке 80–90-х гг., привели к появлению многообразного общественно-политического пространства, включающего в себя 15 суверенных стран, абсолютное большинство которых впервые столкнулись с необходимостью выстраивания собственной государственности. Каждое из них имело общее или схожее прошлое, отличное друг от друга настоящее и нетривиальное

будущее. Политическая культура, устоявшиеся традиции и вызовы времени сформировали в каждой из стран специфические типы политического лидерства, несмотря на продолжительное по времени существование в единой политико-правовой системе. В период трансформации на постсоветском пространстве сформировалась целая палитра различных стилей политического лидерства: в отдельных странах мы видим евроорентированную либерально-демократическую традицию, в других – гибридные режимы переходного периода, противоборство старых и новых элит, в некоторых – реставрацию советских традиций и популистских социалистических идей, режимы, тяготеющие к султанизму. Таким образом, многообразие и противоречивость постсоветского опыта, а также его влияние на трансформацию политического лидерства в каждой из стран определяет актуальность данной статьи.

Постсоциалистическое пространство современного мира насчитывает 30 стран, образовавшихся после распада социалистического блока, и ровно половина из них приходится на территорию бывшего СССР. Минувшие 25 лет национально-государственного строительства – значительный срок для формирования идентичности, при этом феномен постсоциалистического государства остается до сих пор весьма малоизученным.

Идеи социализма, равенства и справедливости не случайно имеют высокую популярность именно на просторах бывшего СССР. Сложный вековой процесс построения крупного многонационального государства в условиях империализма имел неизбежным следствием частые угнетения и притеснения основной массы населения ради завоевания эфемерных для общества высших целей, всякий раз разных. В конце XIX – начале XX века это вылилось в череду народных и революционных выступлений, основной целью которых стало требование проведения социально-демократических реформ. С учетом традиционно высокого для России уровня патернализма и преклонения перед высшей бюрократической властью, ненависти к помещичьему и крупнопромышленному классу, основную роль по построению государства социальной справедливости общественное сознание отводило именно государственной власти. Имманентное патриархальное ощущение о царе-заступнике широко было распространенно на территории всей Российской империи и активно поддерживалось в общественном сознании. Однако кризис самодержавия, как формы государственного менеджмента, стал одной из краеугольных проблем для реформирования и дальнейшего развития страны. Сильный общественный запрос на демократизацию политической системы, расширение прав и свобод, ликвидацию значительной классовой дифференциации, перераспределение собственности и финансов в пользу наиболее малообеспеченных и слабозащищенных основных участников рынка труда то и дело сталкивался с ожесточенным сопротивлением монархии на пути к любым качественным изменениям. Консервативная социальная политика государства в условиях зарождающегося капитализма делала социалистические идеи весьма притягательными, а мечта о коммунистической утопии одурманивала своим мифическим очарованием. Вместе с тем, она подра-

зумевала поиск нового стиля политического лидерства. Волна подобных настроений путем ряда интриг и переворотов привела к власти большевиков.

Однако политическая культура общества, сформированная в условиях абсолютного единовластия, на коротком хронологическом отрезке и в условиях социально-политической нестабильности и смены формаций не способна к радикальным переменам, а, наоборот, усиливает консервативные тенденции. Укоренившееся в массовом сознании представление о том, что у власти должен находиться сильный лидер, концентрирующий в своих руках всю полноту власти для быстрого и эффективного преодоления кризиса, способствовало формированию нового типа лидерства – вождизма. В большинстве своем он базировался на прежних традиционных монархических устоях, но, вместе с тем, приобрел новые специфические черты. Среди них – опора на харизму вождя как базовый элемент политико-властной конструкции, сосредоточение исключительных полномочий, мифологизированное представление о неприкосновенности и непогрешимости, низкая конкуренция элит, однопартийная система, единообразие и тотальное единоначалие, репрессивный и силовой аппарат, монополию власти на общественное мнение и любую сферу социальной жизни. Подобный мобилизационный стиль лидерства, достигнув своего апогея в виде олицетворения всей государственной системы с личностью И. В. Сталина во второй половине 40-х гг., неминуемо столкнулся с системным кризисом. Во-первых, вождизм зиждется на харизме лидера и питается силовым удержанием власти, потому является излишне персонифицированным. Уход лидера с политической сцены неминуемо сопровождается и сменой властного влияния, а потому вождизм не может последовательно и равноценно воспроизводиться с каждым новым наследником. Во-вторых, репрессивные методы руководства страной оставляют после себя выжженное общественно-политическое пространство, в среде которого выявление сравнимого по уровню харизмы и влияния преемника оказывается практически невозможным.

Вместе с тем, в попытке предания советскому политическому лидерству большей рациональности, решительный удар по вождизму нанес Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС в 1953 году. Выступив с докладом «О культе личности и его последствиях», Хрущев подорвал основы вождизма и принцип святости вождя, но не предложил равноправной концептуальной замены сложившемуся стилю лидерства, чем в значительной мере пошатнул собственный авторитет. В дальнейшем предпринимались активные попытки возвращения к вождизму, «героизации» Л. И. Брежнева путем описания его достижений на фронтах Великой Отечественной войны, усилий по развитию аграрной системы в республиках Советского Союза, а также посредством присвоения многочисленных наград и званий, активной пропаганды в государственных СМИ. Однако слабое состояние здоровья Генерального секретаря и некая «либерализация» режима не давали должного эффекта. Постепенно надвигавшийся системный кризис советского государства в политической сфере не в последнюю очередь был связан с деградирующей системой лидерства. Формальное отражение это

получило в геронтократии в высшем партийном аппарате КПСС, что, в свою очередь, вылилось в последовательную смерть трех генсеков в промежутке с 1982 по 1985 гг.

Провозглашенный М. С. Горбачевым курс на реформацию советской системы, несмотря на свою необходимость и значительную ожидаемость, не ставил своей задачей отказ от основополагающих принципов социализма. По сути, «Перестройка» являлась социально-демократической революцией «сверху», заявляя своей целью отход от тоталитарно-репрессивных методов государственного строительства, авторитарных и вождистских элементов руководства страны. Несмотря на демократические преобразования, переход к капиталистической системе на повестке дня не значился. Идеи возвращения к «чистому» социализму были все так же сильны и в обществе, и в высших партийных кругах. Таким образом, «Перестройка» была нацелена, в первую очередь, против тоталитарной системы и извращенного трактования социалистических принципов равенства, социальной справедливости и общественных свобод[1].

Вместе с тем, изменения, начатые Горбачевым, вынесли на поверхность всю контрадикторную внутреннюю сущность советского государства. Декларируемая «дружба народов» и политика интернационализации, направленная на размывание этнотерриториальной специфики и создание монолитного «советского общества», на деле показала свою несостоятельность. Одновременно с перестроечными процессами, в республиках начались процессы, направленные на осознание и развитие национальной идентичности. Очевидным стали значительные, порой неразрешимые и непримиримые различия между народами, республиками, общественно-политическими системами. Неминуемым следствием этого стали процессы дезинтеграции и создание 15 независимых государств с собственными, отличными друг от друга политическими системами.

События начала 90-х годов стали во многом уникальными для мировой истории. В первую очередь, единовременный распад самого крупного государства в мире на такое количество суверенных стран в значительной мере сказывается на всей мировой политической системе координат. Второе важное обстоятельство заключается в том, что в 1991–1992 годах мы впервые наблюдали распад социалистического государства (пусть и в очень далекой форме от понимаемых под социализмом принципов) и образование постсоциалистического пространства. Подавляющее большинство новообразованных государств впервые начали долгий и трудный путь по выстраиванию собственной политико-правовой системы, основываясь на советском опыте или отдаляясь от него. Третье – многообразное общественно-политическое поле, сформировавшееся в каждой из постсоветских стран. Удивительным оказалось то, что, несмотря на многолетнее сосуществование в рамках единого государства и единой политической системы, политическая культура и самосознание граждан

---

[1] Чиркин В. Е. Феномен постсоциалитического государства // Российский юридический журнал. 2008. № 4. С. 38–49.

сохраняли свои специфические черты и исторические традиции, адаптируясь под конъюнктурную государственную политику, но сохраняя при этом глубоко заложенную идентичность. С распадом СССР бывшие союзные республики, хором провозгласив общий курс на дальнейшую демократизацию и либерализацию политической системы, продолжили движение абсолютно различным путями. Подобный феномен объясняется принципиальным различием политического самосознания, ценностных установок и культурно-исторического прошлого каждой из стран.

Политическое лидерство всегда является «лицом» действующей государственной системы. Именно оно отражает, с одной стороны, политический запрос общества «снизу», а с другой, интересы элит «сверху». Так, первыми от советской системы отмежевались страны Балтии – Латвия, Литва, Эстония. Будучи традиционно евроцентричными странами, прибалты моментально взяли курс на сближение и интеграцию с Европой, безболезненно переняв и укрепив базовые западные ценности и ориентиры. Не случайно, что политические системы Латвии и Эстонии приобрели вид парламентских республик, а Литвы – парламентско-президентской республики. Высокий уровень сменяемости элит и опора на демократическую правовую систему позволила сформировать в этих странах, используя классификацию М. Вебера, стиль политического лидерства, весьма приближенный к рационально-легальному[1]. Социалистические ценности в этом регионе окончательно утратили свою актуальность, уступив место либеральным и капиталистическим принципам, равно как и наследуемый от советской системы тоталитарно-вождистский тип лидерства безболезненно отошел на второй план, сменившись на демократический стиль управления.

Сложный путь трансформации политической системы прошли Россия, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Молдавия. Во всех них, кроме Молдовы (избрана система парламентской республики), было принято решение по реализации президентской республики. Поскольку перечисленные страны долгое время представляли собой одну государственно-территориальную общность, то в них успели сформироваться некоторые объединяющие черты политической культуры: патернализм, патриархальность, запрос на сильную централизованную власть, склонность к идеям социализма. Вместе с тем, общественное мнение в этих странах нельзя назвать однородным. Каждая из них прошла или проходит в данный момент тяжелый общественный и внутриэлитный раскол, находится на перепутье дальнейшего развития. В России де-факто уже первый же Президент Б. Н. Ельцин вернулся к модели харизматического лидера, поскольку общество не воспринимало мягкую политику демократически-ориентированного руководителя. Ельцин стал первым по-настоящему харизматическим лидером страны после И. В. Сталина, однако его эпоха не имеет ничего общего со сталинской. Его преемник В. В. Путин, придя к власти на

---

[1] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 646–650.

волне общественного спроса на сильного жесткого лидера, пытаясь в первые годы правления частично следовать принципам демократического управления, к своему третьему сроку окончательно оформился как авторитарный харизматический лидер консервативного толка в формально демократической политической плоскости. Схожие тенденции наблюдаются и в политической жизни Армении. В Белоруссии, до 1994 года развивающейся по модели близкой к парламентской республике, к власти в итоге пришла команда коммунистически ориентированного президента А. Г. Лукашенко – авторитарного харизматичного лидера, активно спекулирующего социалистическими принципами равенства и всеобщего благоденствия.

Сложная внутриэлитная ситуация складывается в Украине, Грузии и Молдавии. В 90-е годы в этих странах на первых ролях оставались еще советские высшие политические функционеры, не идущие на активную политику десоветизации и достаточно лояльные российскому руководству. Формально они выстраивали демократический стиль лидерства бюрократического типа (по Веберу). Однако уже в 2000-е годы внутри общества и элит случается значительный раскол на предмет путей дальнейшего развития. В Молдавии началась ожесточенная борьба коммунистов и демократов как друг с другом, так и внутри собственных блоков. Несмотря на череду парламентских кризисов, на рубеже веков Президенту Молдавии не удалось превратить страну из республики парламентского типа в президентскую. Вместе с тем, молдавские лидеры склонны к явно популистской риторике, ярким примером чего являются заявления лидера Партии коммунистов Республики Молдова, победившей на выборах 2005 года, о взятии курса на вступление в Евросоюз, что, в свою очередь, несовместимо с нахождением коммунистов у власти и тесным партнерством с Россией. Протестная активность 2009 года после очередной победы ПКРМ на выборах в Парламент наглядно продемонстрировала уровень расхождения между популистскими заявлениями коммунистов и текущими реалиями.

Важную роль уличная протестная активность сыграла также в Грузии и Украине. В Грузии с момента образования государственности к власти пришел экс-министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе. Изначально он занимал пост Главы Грузии, а в 1995 году учредил и был всенародно избран на пост Президента Грузии. В период своего правления им был установлен мягкий авторитарный режим с явной ориентацией на сотрудничество с Западом. Несмотря на широкую поддержку масс, Э. А. Шеварднадзе пережил несколько покушений и попытку военного переворота. Апогеем стала «Революция роз» – протестное движение оппозиции, недовольной фальсификациями на парламентских выборах 2003 года. Как итог – отставка Шеварднадзе и приход к власти Михаила Саакашвилли, создавшего себе имидж демократа-реформатора с ярко выраженной прозападной ориентацией. Ему удалось очень успешно провести несколько важных реформ (значительная дебюрократизация государственных органов власти, реформа ГАИ, экономическая реформа в духе либертарианства), но в значительной мере ему не удалось решить этно-террито-

риальные конфликты в самой Грузии. Под руководством М. Н. Саакашвилли запущенна реформа по изменению конституционного строя страны и превращения ее в парламентскую республику. Действующий президент Г. Т. Маргвелашвилли придерживается похожего стиля управления, укрепляя сложившийся демократическо-реформаторский тип лидерства.

Украинское политическое лидерство вобрало в себя еще большее количество противоречий. Столь сложно этно-территориальное образование представляет собой котел непримиримых точек зрения и интересов, что накладывает дополнительную ответственность на лидера. 1990-е годы ознаменовались установлением компромиссной формы лидерства. Леонид Кравчук и Леонид Кучма были достаточно лояльными к России, что удовлетворяло интересы лишь части общества с востока Украины. В период институциональных трансформаций политическое лидерство Украины характеризуется мягкими авторитарными чертами. Примеры подобного гибридного типа лидерства в тот период можно наблюдать, к примеру, в Грузии, России. Ситуация значительно переменилась в 2004 году, когда на выборах нового президента победил «пророссийский» кандидат В. Ф. Янукович. Следствием этого, вкупе с сомнениями в правильности результатов выборов, стала «Оранжевая революция» – серия протестных выступлений различной формы с требованиями отмены результатов выборов, демократических реформ, европейской ориентации в политике, преодоления коррупции. По итогам нового голосования победу одержал Виктор Ющенко. В своей политике Ющенко следовал радикально западному курсу, что теперь, в свою очередь, вызывало недовольство жителей восточной части страны. Однако В. А. Ющенко не удалось претворить в жизнь заявленные цели и вывести страну из институционального кризиса, вследствие чего он утратил поддержку со стороны избирателей, уступив на следующих выборах Виктору Януковичу. Очередной виток маятника привел к власти авторитарного управленца, который в своей политике опирался на сеть коррумпированных кланов, при этом пытаясь балансировать между интересами и западной, и восточной части Украины. Непоследовательность данной политики и углубление кризиса привели к повторному восстанию украинского общества против Януковича и досрочному отстранению его от власти зимой 2014 года. Пришедшая на смену администрация Петра Порошенко, в условиях политической конфронтации с Россией, радикально сместила вектор политики в сторону Запада и запустила серию реформ по выводу страны из глубокого институционального кризиса.

Интересный опыт формирования лидерства сложился в Азербайджане. Находясь на стыке европейских и азиатских культурно-политических традиций, здесь, с одной стороны, возобладал азиатский тип лидерства, но, с другой, были переняты некие формальные демократические черты. Так, президент Азербайджана избирается на всенародном голосовании, однако в реальности система сталкивается с продолжительной несменяемостью власти. Более того, как и в других четырех центральноазиатских республиках бывшего СССР, и

Гейдар Алиев, и Ильхам Алиев, пользуясь неограниченной полнотой власти, часто обвиняются в коррумпированности, политических преследованиях, преступлениях против общественных свобод и личности, подавление и преследовании оппозиции. Режим, сложившийся в Азербайджане, интересен тем, что здесь впервые на постсоветском пространстве преемником умершего отца стал его сын. Несмотря на формально проведенные выборы, власть фактически была передана по наследству.

В постсоветских странах Центральной Азии сложилось полное доминирование классического азиатского авторитаризма. Республиканскую модель государственного устройства с преобладающей ролью президентской власти в этих странах можно смело назвать наследницей советской политической системы[1]. К тому же, во всех центрально-азиатских государствах, кроме Таджикистана, первыми лицами остались номенклатурные руководители, возглавлявшие еще ЦК коммунистических партий своих республик. Так, Сапармурат Ниязов находился у власти в Туркменистане в течение ровно 21 года до самой своей смерти (с 1985 по 2006 год), Ислам Каримов и Нурсултан Назарбаев уже более 25 лет (с 1989 года по настоящее время) возглавляют Узбекистан и Казахстан соответственно, Аскар Акаев был лидером Киргизии почти 15 лет (с 1990 по 2005 год). И лишь Президент Таджикистана Эмомали Рахмон пришел к власти в 1992 году (сначала в качестве исполняющего обязанности главы государства) уже после провозглашения республикой своей независимости, но, тем не менее, продолжает бессменно руководить страной. Президентские республики в Центральной Азии характеризуются высоким уровнем персонализации власти. Широко используются такие политические ходы, как продление президентских полномочий без проведения выборов (Каримов, Назарбаев), увеличение количества возможных президентских сроков либо полная отмена их ограничения (Рахмон, Ниязов, Назарбаев), наделение дополнительными властными полномочиями, выходящими за пределы президентской власти и пр.

Аскар Акаев, как и свергнувший его в 2005 году Курманбек Бакиев, проводили жесткий авторитарный курс, нацеленный на подавление недовольства противоборствующих клановых группировок (Акаева поддерживал «юг», а Бакаева – «север»). Усилиями диктатора Сапармурата Ниязова в Туркменистане была создана тоталитарная однопартийная система, формально реформированная лишь в 2013 году, когда было разрешено создание и других партий. Таким образом, туркменская модель стала напоминать узбекскую – несмотря на официальную многопартийность, президент полностью контролирует партийную систему.

---

[1] Четыре из пяти центрально-азиатских республик (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан. Узбекистан) являются президентскими. Лишь Киргизская республика де-юро является парламентско-президентской, но де-факто также представляет собой политическую формацию с определяющей ролью Президента.

Политические системы, порожденные перечисленными лидерами в новообразованных государствах, унаследовали и негативные черты, характерные для советского авторитаризма: несменяемость власти (при формальной республиканской модели с выборностью президента на альтернативной основе), культ личности правителя, массовая коррупция, политические репрессии (в т. ч. с применением пыток)[1].

Таким образом, различные типы политического лидерства на постсоциалистическом пространстве формировались как под влиянием советского наследия, так и в силу давно сформированных установок политической культуры общества, конъюнктурных целей и задач. Преобладающую роль в данном процессе все же играет та культурно-историческая среда, которая формирует то или иное общество. Стоит отметить, что стили политического лидерства в каждой из стран не статичны, а часто меняются и адаптируются под определенные настроения или среду. Это объясняется тем, что выстраивание собственной политической системы – это долгий и противоречивый процесс, в котором сталкиваются различные интересы и субъекты влияния. Все минувшие 25 лет каждая из 15 политических систем находилась в стадии перманентной трансформации: где-то она выстраивалась практически с нуля, где-то строилась на советском опыте, а где-то вопреки ему, некоторые режимы основывались на укоренившихся в массовом сознании принципах национально-государственного строительства. Так и сейчас процесс трансформации незакончен. В странах Прибалтики наблюдается укоренение и стабилизация режимов, в Молдове, Украине и Грузии идет активная общественная дискуссия о будущих путях развития, а в России, Белоруссии и азиатских республиках многие годы у власти находятся авторитарные харизматичные деятели, с уходом которых политическая система может в значительной степени модифицироваться. Так или иначе, несмотря на изначальное фиаско идеи реализации общества всеобщего равенства на отдельно взятой территории, социалистические принципы по сей день сохраняют свое одурманивающее воздействие на жителей большинства постсоветских стран, в разной степени влияя на риторику и стилистику политического лидерства этих стран и способствуя его феноменальному многообразию.

---

[1] Центральная Азия: Массовые нарушения прав человека, репрессии [Электронный ресурс] // Human Rights Watch [Офиц. сайт]. URL: http://www.hrw.org/ru/news/2013/01/31/tsentralnaya-aziya-massovye-narusheniya-prav-cheloveka-repressii (дата обращения: 23.11.2014). Проблемы государств Центральной Азии – наследие советского прошлого [Электронный ресурс] // Радио ООН [Офиц. сайт]. URL: http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/144812/ (дата обращения: 23.11.2014). Европа и Центральная Азия: правозащитники подвергаются гонениям, и пыткам, и преследованию [Электронный ресурс] // Amnesty International Россия [Офиц. сайт]. URL: http://amnesty.org.ru/node/896/ (дата обращения: 23.11.2014). Кыргызстан: запятнанная правозащитная репутация [Электронный ресурс] // Amnesty International Россия [Офиц. сайт]. URL: http://www.amnesty.org/fr/library/asset/EUR58/001/1996/en/730de8d0-eb08-11dd-aad1-ed57e7e5470b/eur580011996ru.pdf (дата обращения: 23.11.2014).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айала И. Доктор экономики (Испания).

Арпентьева М. Р. Кандидат психологических наук, Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

Барабанов О. Н. Доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России.

Бердин А. Т. Кандидат философских наук, Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан.

Вахитов Р. Р. Кандидат философских наук, Башкирский государственный университет.

Григорьев Д. И. Институт глобализации и социальных движений.

Гэлбрейт Д. Доктор философии, Школа по связям с общественностью им. Линдона Джонсона.

Дорожкин Ю. Н. Доктор философских наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Евдокимов Н. А. Кандидат политических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Заманова Л. Б. Кандидат политических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Зулькарнай И. У. Доктор экономических наук, Башкирский государственный университет.

Ирхин Ю. В. Доктор философских наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Искалиева М. С. Преподаватель, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза (Казахстан).

Кагарлицкий Б. Ю. Кандидат политических наук, Институт глобализации и социальных движений.

Касимов Т. С. Кандидат юридических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Кларк Р. Журналист (Австралия).

Коряковцев А. А. Кандидат философских наук, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

Лаврентьев С. Н. Кандидат исторических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Латыпов Р. Ф. Доктор политических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Манолов Г. Л. Доктор политологии, Колледж экономики и управления (Пловдив, Болгария).

Очкина А. В. Кандидат философских наук, Пензенский государственный университет.

Прокофьева Д. В. Кандидат философских наук, Башкирский государственный университет.

Савичев В. Л. Кандидат политических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Севастьянов С. А. Кандидат исторических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Скрябина Я. А. Кандидат экономических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Целищев А. О. Кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет.

Шакирова Э. Н. Кандидат политических наук, Уфимский государственный нефтяной университет.

Шаяхметов А. М. Аспирант, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Ширяков Д. В. Аспирант, Дальневосточный федеральный университет.

Шкель С. Н. Кандидат политических наук, Уфимский государственный нефтяной университет.

Яппарова Р. Р. Кандидат социологических наук, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

Научное издание

АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА И ОПЫТ ЛЕВЫХ СИЛ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции

Редактор: О. И. Каюмова

Верстка: Э. З. Фролкова

Подписано в печать 02.11.15
Усл. печ. л. 12,9. Формат 60х84 $^{1}/_{16}$
Тираж 100 экз. Заказ № 412

ГБОУ ВПО «БАГСУ»
450008, г. Уфа, ул. З. Валиди, 40

Отпечатано в в издательстве БАГСУ
450022, г. Уфа, ул. Менделеева, 134, кор. 2

222